

**МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ЕЛЕЦКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. И. А. БУНИНА»**

ИСТОРИЯ: ФАКТЫ И СИМВОЛЫ

*Рецензируемый научно-теоретический
и прикладной журнал*

№ 4 (33) / Елец, 2022

DOI: 10.24888/2410-4205-2022-33-4

<https://hisfas.elpub.ru>

Учредитель и издатель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина» (399770, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, 28,1).

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-59752 от 7 ноября 2014).

Журнал входит в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Ляпин Д. А. (доктор исторических наук, доцент, ЕГУ им. И. А. Бунина, **Елец**)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Глазьев В. Н. (доктор исторических наук, профессор, ВГУ, **Воронеж**)

Елистратов В. С. (доктор культурологии, МГУ им. М. В. Ломоносова, **Москва**)

Канищев В. В. (доктор исторических наук, профессор, ТГУ им. Г. Р. Державина, **Тамбов**)

Крючков И. В. (доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой зарубежной истории, политологии и международных отношений СКФУ, **Ставрополь**)

Литвинов В. П. (доктор исторических наук, профессор, ЕГУ им. И. А. Бунина, **Елец**)

Оришев А. Б. (доктор исторических наук, профессор, РГАУ – МСА им. К. А. Тимирязева, **Москва**)

Петрухинцев Н. Н. (доктор исторических наук, профессор, РАНХиГС, **Москва**)

Сень Д. В. (доктор исторических наук, профессор, Южный Федеральный университет), **Ростов-на-Дону**)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Горбачев В. И. (кандидат исторических наук, докторант университета королевы Виктории, **Веллингтон, Новая Зеландия**)

Горчыца Я. К. (сотрудник Познаньского университета им. Адама Мицкевича, зав. отделом археологии Конинского окружного музея, **Познань, Польша**)

Жиров Н. А. (кандидат исторических наук, доцент, ЕГУ им. И. А. Бунина, **Елец**) – зам. главного редактора

Клевцова О. В. (кандидат исторических наук, доцент, ЕГУ им. И. А. Бунина, **Елец**)

Колотари А. (Доктор философии (Dr. habil.), доцент педагогического факультета Капошварского университета, **Капошвар, Венгрия**)

Ливцов В. А. (доктор исторических наук, профессор, Орловский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, **Орел**)

Лоевская М. М. (доктор культурологии, МГУ им. М. В. Ломоносова, **Москва**)

Обломский А. М. (доктор исторических наук, профессор Института археологии РАН, **Москва**)

Овчинникова Ю. С. (кандидат культурологии, МГУ им. М. В. Ломоносова, **Москва**)

Ряполов В. В. (кандидат исторических наук, доцент, ЕГУ им. И. А. Бунина, **Елец**)

Серазетдинов Б. У. (кандидат исторических наук, доцент, Центр военной истории Института российской истории РАН, **Москва**)

Тропин Н. А. (доктор исторических наук, профессор, ЕГУ им. И. А. Бунина, **Елец**)

Филонов В. И. (доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории и международных отношений, Орловский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, **Орел**)

Чубур А. А. (кандидат исторических наук, доцент БГУ им. И. Г. Петровского, **Брянск**)

Шапиро Б. Л. (кандидат исторических наук, доктор культурологии, доцент РГГУ, **Москва**)

СОДЕРЖАНИЕ**ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ**

Бадугинова М. В. (Элиста)	РОЖДЕННАЯ РЕВОЛЮЦИЕЙ: СТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТСКОЙ СИСТЕМЫ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ У КАЛМЫКОВ-КОЧЕВНИКОВ.....	7
Ляпин Д. А. (Елец)	ЧЕТВЕРТЫЙ БРАК: О СЕМЕЙНОЙ ЖИЗНИ КНЯЗЯ С. И. ШАХОВСКОГО.....	20
Рахманов П. С., Стрекалова Н. В. (Тамбов)	ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ЖИЛИЩНОЙ ПОЛИТИКИ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В ОТНОШЕНИИ «БЫВШИХ» В 1917-1921 ГГ. (НА МАТЕРИАЛАХ ГОРОДОВ ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИИ).....	25
Сафонов Д. А. (Тамбов)	КОМСОМОЛЬЦЫ РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ ПЕРВОГО ПРИЗЫВА: МИРООЩУЩЕНИЕ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ.....	39

XVII ВЕК

Кудланов К. Б., Голубков Р. О. (Курск)	ТРАЕКТОРИЯ ЗАСЕЛЕНИЯ СЛУЖИЛЫМИ ЛЮДЬМИ ПРИТОКОВ ПСЛА ПОСЛЕ ВОЗВЕДЕНИЯ БЕЛГОРОДСКОЙ ЧЕРТЫ	58
Попов П. В. (Воронеж)	ПОЯВЛЕНИЕ ПУШКАРЕЙ КАК СОЦИАЛЬНОЙ ГРУППЫ НАСЕЛЕНИЯ В ГОРОДАХ ЮГА РОССИИ И БЕЛГОРОДСКОЙ ЧЕРТЫ В КОНЦЕ XVI-XVII ВЕКАХ	68
Прокофьев А. И. (Екатеринбург)	ХРОНОНИМ «РУССКО-ПОЛЬСКАЯ ВОЙНА 1654-1667 ГГ.» В ИМПЕРСКОЙ И СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ: ОСОБЕННОСТИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ОНОМАСТИКИ.....	77
Мельникова А. Р. (Елец)	ПОСАДСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО РЕГИОНА БЕЛГОРОДСКОЙ ЧЕРТЫ В ЭПОХУ ПЕТРОВСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЛАНДРАТСКОЙ КНИГИ ЕЛЬЦА 1716 Г.).....	85
Прошунина Е. В. (Елец)	СОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ И ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ РЕГИОНА БЕЛГОРОДСКОЙ ЧЕРТЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕРЕПИСНЫХ КНИГ ВОРОНЕЖСКОГО УЕЗДА 1646 И 1716 ГГ.).....	93

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Долгих А. Н. (Липецк)	КРЕСТЬЯНСКИЙ ВОПРОС В РОССИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА ГЛАЗАМИ П. П. СЕМЕНОВА-ТЯНШАНСКОГО	100
Мухина М. В. (Калуга)	ВЫБОРЫ ВО ВСЕРОССИЙСКОЕ УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ В КАЛУЖСКОЙ ГУБЕРНИИ (ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЙ АСПЕКТ).....	109

Политова А. В. (Пятигорск)	СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ В ТЕРСКОЙ ОБЛАСТИ: ОСОБЕННОСТИ И ПОТРЕБНОСТИ.....	118
-------------------------------	--	-----

СОВЕТСКОЕ ГОСУДАРСТВО КАК ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

Волкова И. В. Иванов В. В. (Комсомольск-на-Амуре)	ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ СОВЕТСКОЙ БОМБАРДИРОВОЧНОЙ АВИАЦИИ В КИТАЕ ДЛЯ ВВС СССР (1937-1939 ГГ.).....	123
Колесникова М. Е. (Ставрополь), Танцезова А. В. (Москва)	КРАЕВЕДЧЕСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ НА СТАВРОПОЛЬЕ В 1920-Е ГОДЫ: К 100-ЛЕТИЮ ОТЕЧЕСТВЕННОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ.....	137

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Вартумян А. А. (Пятигорск)	МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ НАКАНУНЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: НОВЫЕ ДОКУМЕНТЫ, НЕТРИВИАЛЬНОЕ ПРОЧТЕНИЕ. (РЕЦЕНЗИЯ НА СБОРНИК СТАТЕЙ «СОВЕТСКАЯ ПОЛИТИКА И ПРОПАГАНДА 1939-1941 ГГ.: ДОКУМЕНТЫ, ФАКТЫ, ВЕРСИИ». МОСКВА: КВАДРИГА, 2022. – 184 С.).....	147
Канищев В. В. Кунавин К. С. (Тамбов)	ПЕРВЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ РАЗРАБОТКИ ГИС ПО ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ РЕГИОНА БЕЛГОРОДСКОЙ ЧЕРТЫ.....	152
Клевцова О. В. (Елец)	РАЗВИТИЕ КУРСА «ПРАВОСЛАВНОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ» В РЕГИОНАХ.....	163
Ряполов В. В. (Елец)	«ПРИОТКРЫВАЯ ЗАВЕСУ ТАЙН...»: РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ «МЕХМЕТ ПЕРИНЧЕК. ТАЙНЫЕ СТРАНИЦЫ РОССИЙСКО-ТУРЕЦКОЙ ДИПЛОМАТИИ ПО АРХИВНЫМ МАТЕРИАЛАМ: ОТ СУЛЕЙМАНА ВЕЛИКОЛЕПНОГО ДО НАЗЫМА ХИКМЕТА. МОСКВА: ИПЦ «МАСКА», 2019. – 452 с.».....	165
Сумин А. В. (Санкт-Петербург)	КОНФЕРЕНЦИИ «ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ В ИСТОРИИ РОССИИ» В РАМКАХ ПЕТЕРБУРГСКИХ ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ КОНФЕРЕНЦИЙ.....	167

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ	169
------------------------------------	------------

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ	173
-------------------------------------	------------

CONTENT**HISTORY OF EVERYDAY LIFE**

Baduginova M. V. (Elista)	BORN BY REVOLUTION: THE FORMATION OF THE SOVIET HEALTH CARE SYSTEM AMONG KALMYK NOMADS.....	7
Lyapin D. A. (Yelets)	FOURTH MARRIAGE: ABOUT THE FAMILY LIFE OF PRINCE SEMEN SHAKHOVSKY.....	20
Rakhmanov P. S., Strekalova N. V. (Tambov)	PROBLEMS OF IMPLEMENTATION OF THE HOUSING POLICY OF THE SOVIET AUTHORITY IN RESPECT OF THE "FORMER" IN 1917-1921 (ON THE MATERIALS OF THE CITIES OF THE TAMBOV PROVINCE).....	25
Safonov D. A. (Tambov)	KOMSOMOL MEMBERS OF THE RUSSIAN PROVINCE OF THE FIRST CALL: ATTITUDE AND POLITICAL ACTIVITY.....	39

XVII CENTURY

Kudlanov K. B., Golubkov R. O. (Kursk)	THE TRAJECTORY OF COLONIZATION OF SERVICE PEOPLE IN THE COMFLUENTS OF THE PSLA RIVER AFTER THE CONSTRUCTION OF THE BELGOROD LINE.....	58
Popov P. V. (Voronezh)	THE EMERGENCE OF THE PUSHKARS AS A SOCIAL POPULATION GROUP IN THE CITIES OF THE SOUTH OF RUSSIA AND THE BELGOROD LINE AT THE END OF THE XVI-XVII CENTURIES.....	68
Prokofiev A. I. (Yekaterinburg)	CHRONONYM "RUSSIAN-POLISH WAR 1654-1667" IN IMPERIAL AND SOVIET HISTORIOGRAPHY: FEATURES OF HISTORICAL ONOMASTY.....	77
Melnikova A. R. (Yelets)	POSAD POPULATION OF THE HISTORICAL REGION OF THE BELGOROD LINE IN THE EPOCH OF PETER'S TRANSFORMATIONS (BY THE MATERIALS OF THE LANDRATSKY BOOK OF YELTS 1716).....	85
Proshunina E. V. (Yelets)	SOCIAL COMPOSITION OF THE POPULATION AND DYNAMICS OF DEVELOPMENT OF RURAL SETTLEMENTS OF THE REGION OF THE BELGOROD LINE (BY THE MATERIALS OF THE CENSUS BOOKS OF THE VORONEZH DISTRICT 1646 and 1716).....	93

TOPICAL QUESTIONS OF THE HISTORY OF THE RUSSIAN EMPIRE

Dolgikh A. N. (Lipetsk)	THE PEASANT QUESTION IN RUSSIA IN THE FIRST HALF OF THE XIX CENTURY IN THE EYES OF SEMENOV-TYANSHANSKY	100
Mukhina M. V. (Kaluga)	ELECTIONS TO THE ALL-RUSSIAN CONSTITUENT ASSEMBLY IN THE KALUGA PROVINCE (SOURCE AND VEDIC ASPECT).....	109

Politova A. V. (Pyatigorsk)	FORMATION AND DEVELOPMENT OF THE EDUCATIONAL SYSTEM IN THE TERSK REGION: FEATURES AND NEEDS.....	118
--------------------------------	--	-----

THE SOVIET STATE AS A HISTORICAL AND CULTURAL PHENOMENON

Volkova I. V. Ivanov V. V. (Komsomolsk-on-Amur)	EXPERIENCE OF APPLICATION OF SOVIET BOMBER AVIATION IN CHINA FOR THE USSR AIR FORCE (1937-1939).....	123
Kolesnikova M. E. (Stavropol), Tantseva A. V. (Moscow)	LOCAL HISTORY ORGANIZATIONS IN STAVROPOL IN THE 1920S: ON THE 100TH ANNIVERSARY OF THE PATRIOTIC LOCAL HISTORY MOVEMENT.....	137

SCIENTIFIC LIFE

Vartumyan A. A. (Pyatigorsk)	INTERNATIONAL RELATIONS ON THE EVE OF THE SECOND WORLD WAR: NEW DOCUMENTS, NON-TRIVIAL READING. (REVIEW OF THE BOOK "SOVIET POLICY AND PROPAGANDA OF 1939-1941: DOCUMENTS, FACTS, VERSIONS". MOSCOW: KVADRIGA, 2022. – 184 S.).....	147
Kanishchev V. V. Kunavin K. S. (Tambov)	THE FIRST RESULTS OF THE DEVELOPMENT OF GIS ON THE HISTORY OF DEVELOPMENT OF THE REGION OF THE BELGOROD LINE.....	152
Klevtsova O. V. (Yelets)	DEVELOPMENT OF THE COURSE "ORTHODOX LOCAL STUDIES" IN THE REGIONS.....	163
Ryapolov V.V. (Yelets)	"REVEALING THE VEIL OF SECRETS...": REVIEW OF THE MONOGRAPH "MEHMET PERINCHEK. SECRET PAGES OF RUSSIAN-TURKISH DIPLOMACY ON ARCHIVAL MATERIALS: FROM SULEYMAN THE MAGNIFICENT TO NAZIM HIKMET. MOSCOW: IPC "MASK", 2019. – 452 p.".....	165
Sumin A. V. (St. Petersburg)	CONFERENCES "CRIME AND PUNISHMENT IN THE HISTORY OF RUSSIA" WITHIN THE FRAMEWORK OF THE PENITENTIARY CONFERENCES OF PETERSBURG.....	167

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	169
--	------------

INFORMATION FOR AUTHORS.....	173
-------------------------------------	------------

ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ**Бадугинова М. В.**

(Элиста)

УДК 94 (470.47)

**РОЖДЕННАЯ РЕВОЛЮЦИЕЙ: СТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТСКОЙ СИСТЕМЫ
ЗДРАВООХРАНЕНИЯ У КАЛМЫКОВ-КОЧЕВНИКОВ**

Статья посвящена зарождению и развитию системы здравоохранения Калмыкии в период революции 1917 г. и Гражданской войны. Впервые рассмотрен процесс становления сферы здравоохранения региона в сложных исторических условиях данного хронологического периода. В работе исследуется состояние органов здравоохранения на территории Калмыкии в период военных действий, обеспечение кадрового состава, материально-бытовые проблемы калмыцкого здравоохранения, заболеваемость населения. В статье рассматриваются вопросы влияния политико-экономических процессов на формирование системы здравоохранения Калмыкии. В исследовании использовались проблемно-хронологический принцип, метод историзма, анализ и синтез и т.д. Также использовался количественный (статистический) метод, позволивший проследить в динамике изменения в материальной базе и кадровом составе учреждений здравоохранения региона. Основными источниками стали архивные документы Национального архива Республики Калмыкия. Возникновение государственной системы здравоохранения у калмыков-кочевников неразрывно связано с административно-политическими преобразованиями, проходившими на территории Калмыцкой степи, входившей в тот период в состав Астраханской губернии. Только с образованием автономной области калмыцкий здравотдел становится самостоятельным органом исполнительной власти. Большое влияние на развитие системы здравоохранения Калмыкии на начальном этапе ее формирования оказали проходившие на территории региона военные действия, а также их последствия – эпидемии и голод.

Ключевые слова: Гражданская война, революция 1917 г., история здравоохранения, врачи, Калмыцкая автономная область, Калмыцкая АССР, инфекционные заболевания, эпидемии, голод.

The article is devoted to the origin and development of the healthcare system in Kalmykia during the revolution of 1917 and the Civil War. For the first time, the process of formation of the healthcare sector in the region in the difficult historical conditions of this chronological period is considered. The paper examines the state of health authorities on the territory of Kalmykia during the period of hostilities, the provision of personnel, the material and everyday problems of Kalmyk health care, and the incidence of the population. The article also discusses the impact of political and economic processes on the formation of the healthcare system in Kalmykia. The study used the problem-chronological principle, the method of historicism, analysis and synthesis, etc. A quantitative (statistical) method was also used, which made it possible to follow the dynamics of changes in the material base and staffing of health care institutions in the region. The main sources were archival documents of the National Archives of the Republic of Kalmykia. The emergence of a state health care system among Kalmyk nomads is inextricably linked with the administrative and political transformations that took place on the territory of the Kalmyk steppe, which at that time was part of the Astrakhan province. Only with the formation of an autonomous region did the Kalmyk health department become an independent body of executive power. The development of the health care system in Kalmykia at the initial stage of its formation

was greatly influenced by the hostilities taking place in the region, as well as their consequences - epidemics and famine.

Keywords: Civil war, revolution of 1917, history of healthcare, doctors, Kalmyk Autonomous Region, Kalmyk ASSR, infectious diseases, epidemics, famine.

DOI: 10.24888/2410-4205-2022-33-4-7-19

В последней трети XVIII века в Калмыцком ханстве происходят преобразования, существенно повлиявшие на его дальнейший статус. После откочевки части улусов в Джунгарию ханство было упразднено, а оставшиеся калмыцкие улусы были включены в состав Астраханской губернии. Такое положение сохранялось вплоть до образования в 1920 г. Калмыцкой автономной области, как административно-территориальной единицы РСФСР. В дореволюционный период медицинскую помощь калмыкам-кочевникам оказывали представители тибетской (буддийской) медицины, а также знахари и шаманы. Европейская научная медицина находилась в зачаточном состоянии, а врачей, практикующих ее, было всего несколько человек на всю территорию кочевий.

В начале XX века в России как признак социально-экономического неблагополучия не прекращались эпидемии острозаразных заболеваний, особенно сыпного тифа, которым в течение 1907-1917 гг. болело более 1 млн. человек. Только в 1915 г. в стране зарегистрировали около 800 тыс. случаев эпидемических заболеваний, из них 43 тыс. больных холерой, 178 тыс. брюшным тифом. Эпидемиолог Д. К. Заболотный отмечал, что люди «живут наподобие грызунов в норах, в тесных грязных землянках <...> Неудивительно, что такие землянки и кибитки сплошь вымирают от чумы» [3, с. 197]. Свою роль в возникновении массовых эпидемий сыграли Первая мировая и Гражданская войны, появившиеся в это время эпидемический грипп, туберкулез, сыпной тиф, кишечные инфекции, натуральная оспа унесли миллионы жизней [2, с. 98-99].

В сложившейся крайне тяжелой ситуации с общественным здоровьем требовались срочные меры. Учрежденному 26 октября 1917 г. при Военно-революционном комитете Петросовета Медико-санитарному отделу поручалось оказание медицинской помощи пострадавшим. Этот отдел должен был также осуществлять перестройку всего здравоохранения страны. На организованный 24 января 1918 г. Совет врачебных коллегий возлагались функции высшего медицинского органа Рабочего и Крестьянского правительства. Одна из основных задач этого совета – «Всемерно укреплять санитарное дело, наладить борьбу с эпидемическими заболеваниями и всеми силами помочь советской власти в устранении санитарной разрухи» [18, с. 14-15]. В июле 1918 г. в Москве на V Всероссийском съезде Советов вместе с другими органами управления учредили Народный комиссариат здравоохранения РСФСР, первый высший государственный орган, объединивший под своим руководством все отрасли медико-санитарного дела страны [19, с. 688]. Первым наркомом здравоохранения РСФСР был назначен Н. А. Семашко.

С ноября 1917 г. Калмыцкая степь находилась в сложной политической обстановке – сторонники революции и контрреволюции боролись за власть. 27 января 1918 г. решением первого съезда Советов крестьянских, ловецких, рабочих и солдатских депутатов Астраханской губернии в Калмыцкой степи была установлена Советская власть. А уже в июле 1918 г. на 1-м съезде Советов трудового калмыцкого народа был образован Калмыцкий исполнительный комитет, в составе которого были учреждены отраслевые отделы: управления, юридический, земельный, здравоохранения, народного образования, продовольственный, финансовый национальный и военный [4, с. 14-16]. Однако организационные сложности, а затем и начавшиеся боевые действия Гражданской войны на территории Калмыцкой степи задерживали окончательное формирование и начало работы созданных отраслевых отделов, в том числе отдела здравоохранения. Образованный в июле 1918 г. здравотдел де-факто начал свою работу только в конце года на правах уездного отдела здравоохранения при Астраханском губздраве [12, л. 43]. Причем по документам получа-

ется, что учреждали его несколько раз. Например, 25 ноября 1918 г. провели заседание коллегии Исполнительного комитета Совета депутатов трудового калмыцкого народа, где старший врач Калмыцкой степи С. Р. Залкинд выступил с докладом об учреждении при Калмыцком исполкоме отдела здравоохранения, а также участковых отделов в каждом улусе. В докладе также был представлен состав здравотдела, куда входили как постоянные члены – по 1 представителю медицинского персонала от каждого улуса, 3 представителя медицинского персонала от Калмыцкого исполкома и 1 представитель от того же исполкома как органа местного самоуправления. Данный состав здравотдела должен был созываться по мере необходимости, но не менее раза в год для «разрешения выдвигаемых жизнью вопросов врачебно-санитарного свойства» [6, л. 10]. Состав и работа участковых (улусных) отделов здравоохранения строились на тех же основаниях, что и в уездном отделе. Участковый (улусный) отдел состоял из всего медицинского персонала данного улуса и представителя от улусного исполкома. Исполнительным органом являлось Бюро участкового (улусного) отдела под председательством улусного врача, товарища председателя и секретаря, один из них избирался из состава улусного исполкома. Здесь же, на заседании коллегии, ввиду невозможности созыва Съезда членов уездного здравотдела для проведения выборов назначили временных работников Бюро: С. Р. Залкинда в качестве председателя, товарищем председателя назначили представителя от Калмыцкого исполкома, а секретарем – фельдшера приемного покоя дома Калмыцкого народа Е. А. Макарову. Финансовые дела здравотдела возлагались на бухгалтерский отдел калмыцкого Исполкома [6, л. 10-10об.].

11 декабря 1918 г. Калмыцкий исполком направил в отдел здравоохранения при Астраханском губисполкоме выписку об учреждении Отдела здравоохранения при исполкоме и в каждом улусе участковых отделов [6, л. 16]. Список улусных врачей, состоявших на службе по ведомству Калмыцкого народа на момент начала работы здравотдела, указан в таблице 1.

Таблица 1

Список улусных врачей, состоявших на службе по ведомству Калмыцкого народа на момент начала работы здравотдела

Фамилия	Должность	Дата начала работы
Залкинд С. Р.	Старший врач отдела (Астрахань)	4 апреля 1894 г.
Цветков А. П.	Врач Калмбазаринского участка	1 сентября 1904 г.
Цапко С. И.	Врач Икицохуровского участка	30 июня 1913 г.
Хара-Даван Э. Д.	Врач Малодербетовского участка	19 апреля 1911 г.
Астахов В. О.	Врач для командировок (Астрахань)	23 июня 1915 г.
Аракелов Б.	Врач Манычского участка	20 декабря 1916 г.
Душан У. Д.	Врач Эркетеневского участка	10 мая 1917 г.
Хадылов С.-Г.	Врач Яндыко-Мочажного участка	10 мая 1917 г.
Соларев В. Д.	Врач Харахусовского участка	6 октября 1918 г.

Калмыцкий отдел здравоохранения подразделялся на два подотдела: лечебный и фармацевтический. Правда, фармацевтический подотдел из-за отсутствия кадров не был укомплектован, хотя положение требовало срочного налаживания системы медикаментозного обслуживания населения: в Калмыцкой степи не имелось ни одной аптеки [17, с. 581]. К сентябрю 1919 г. фармацевтический подотдел имел свой склад, который получал медикаменты из общегубернского склада. Но условия транспортировки по степи не позволяли обеспечить своевременную доставку медикаментов в лечебные пункты, и поэтому подотдел вел свою деятельность «в направлении большого накопления у себя запасов медикаментов, дабы иметь возможность в каждый момент удовлетворить всякого рода разовые, – и полугодовые и годовые, – требования с мест» [5, л. 33]. Кроме этих подотделов, должен

был быть организован и третий – санитарно-эпидемический подотдел, который объединил бы работу 5 санитарных врачей, 5 фельдшеров и 2 эпидемических отрядов. Но в условиях военного времени его создать не удалось [7, л. 35].

Список лечебных учреждений Калмыцкой степи по данным на 1 января 1919 года мы можем увидеть в таблице 2 [7, л. 11].

Таблица 2

Список лечебных учреждений Калмыцкой степи по данным на 1 января 1919 года

Названия лечебных пунктов	Коек в них	Врачи	Фельдшеры	Сиделки
Калмыцко-Базаринская участковая больница	10	1	2	2
Яндыко-Мочажная улусная больница	25	1	3	3
Харакусовская улусная больница	10	1	3	2
Икицохуровская улусная больница	14	1	3	2
Малодербетовская улусная больница	14	1	3	2
Маньчская улусная больница	14	1	3	2
Астраханский приемный покой Калмыцкого народа	4	1	1	–
Эркетеневский приемный покой	6	1	2	–
Багацохуровский приемный покой	4	1	1	–
Тюменевский приемный покой	2	–	1	–
Хошеутовский фельдшерский пункт	–	–	1	–
Баруновский фельдшерский пункт	–	–	1	–
Цаганурский фельдшерский пункт	–	–	1	–
Абганеровский фельдшерский пункт	–	–	1	–
Сальский фельдшерский пункт	–	–	1	–
Багачоносовский фельдшерский пункт	–	–	1	–
Бурульский фельдшерский пункт	–	–	1	–
Бислюртинский фельдшерский пункт	–	–	1	–
Ульдючиновский фельдшерский пункт	–	–	1	–
Эрдениевский фельдшерский пункт	–	–	1	–
Можарский фельдшерский пункт	–	–	1	–
Багацохуровский фельдшерский пункт	–	–	1	–
Багутовский фельдшерский пункт	–	–	1	–

Исходя из данных таблицы 2, можно сделать вывод о том, что по сравнению с 1913 годом увеличилось почти в 2 раза количество врачей (с 5 до 9), в 3 раза – количество фельдшеров (с 11 до 35). Фактически же врачей было меньше, из 9 должностей на 1 февраля 1919 г. заняты 6, остальные 3 – вакантны. Также обстояло дело и с фельдшерами, из 28 должностей занята только 21 и имелось 7 вакансий. Столь резкие изменения за один месяц объясняются мобилизациями многих медицинских работников на фронт. Состав медицинского персонала, на 1 февраля 1919 г. состоящего «на службе по ведомству Калмыцкого народа» [7, л. 4-5об.], указан в таблице 3, которая была составлена автором на основе ранее не публиковавшихся источников.

Таблица 3

Состав медицинского персонала, на 1 февраля 1919 г.

Должность	Фамилия И.О.
Заведующий Отделом здравоохранения, врач (он же заведует приемным покоем в доме Калмыцкого народа, г. Астрахань)	Цветков А. П.
Секретарь Бюро Отдела здравоохранения, фельдшерица-акушерка (она же фельдше- рица-акушерка при приемном покое в доме Калмыцкого народа, г. Астрахань)	Макарова Е. А.
Калмыцко-Базаринский врачебный участок	
Врач	<i>вакансия</i>
Фельдшер	Синицин Ф. А.
Фельдшерица-акушерка	Федорова-Сухарникова Р. И.
Малодербетовский улус:	
Больница	
Врач	Хара-Даван Э.
Фельдшер	Убушиев С.
Фельдшер	<i>вакансия</i>
Фельдшерица-акушерка	Арефьева Е. И.
Цаган-Нурский фельдшерский пункт	
Фельдшер	Евграфов Н. Е.
Сальский фельдшерский пункт	
Фельдшер	Герасимов И. (с 23 октября 1918 г.)
Манычский улус	
Больница	
Врач	Аракелов Б.
Фельдшер	Эрендженов Б.
Фельдшер	<i>вакансия</i>
Фельдшерица-акушерка	<i>вакансия</i>
Багачоносовский фельдшерский пункт	
Фельдшер	Берков Ф. И.
Бурульский фельдшерский пункт	
Фельдшер	Герасимов И. (с 4 августа 1912 г.)
Бислюртинский фельдшерский пункт	
Фельдшер	Болдырев Н. Е.
Ульдючинский фельдшерский пункт	
Фельдшер	<i>Вакансия</i>
Икицохуровский улус	
Врач	<i>вакансия</i>
Фельдшер	Еськин П. И.
Фельдшер	Яковлев Н. А.
Фельдшерица-акушерка	<i>вакансия</i>
Харахусовский улус	
Врач	Соларев В. Д.
Фельдшер	<i>вакансия</i>
Фельдшер	Глушков А. Ф.
Фельдшерица-акушерка	Кузнецова М. Д.

Эрдениевский фельдшерский пункт	
Фельдшер	Борисов С. М.
Эркетеневский улус	
Приемный покой	
Врач	Душан У.
Фельдшер	Колесников М. Д.
Фельдшерица-акушерка	<i>вакансия</i>
Фельдшер	Петешин И. М.
Можарский степной фельдшерский пункт	
Фельдшер	<i>вакансия</i>
Яндыко-Мочажный улус	
Больница	
Врач	Цапко С. И.
Фельдшер	Мухлаев Б.
Фельдшер	Грачев П. Ф.
Фельдшерица-акушерка	Гулина А. М.
Багацохуровский фельдшерский пункт	
Фельдшер	Жигадло Ф. А.
Багутовский фельдшерский пункт	
Фельдшер	Страчков П. А.
Багацохуровский улус	
Приемный покой	
Врач	<i>вакансия</i>
Фельдшер	<i>вакансия</i>
Фельдшерица-акушерка	<i>вакансия</i>
Баруновский фельдшерский пункт	
Фельдшер	Игошин Г. А.
Хошеутовский улус	
Тюменевский приемный покой	
Фельдшер	Крючков И. Х.
Ставочный фельдшерский пункт	
Фельдшер	Чаплинский А. Г.
Фельдшерский степной пункт на Хошеутовском пескоукрепительном участке	
Фельдшер	<i>вакансия</i>

В феврале 1919 г. отдел здравоохранения учредил 3 передвижные амбулатории зубо-врачебной помощи. Первые 6 месяцев они должны были обслуживать Яндыко-Мочажный, Икицохуровский и Малодербетовский улусы, а затем остальные населенные пункты. Но зубных врачей, согласившихся ехать в степь, не нашли [7, л. 36об.].

Врачам Калмыцкой степи приходилось работать в тяжелых условиях, эпидемическая обстановка во втором десятилетии XX века на территории Астраханской области продолжала оставаться неблагополучной. 23 апреля 1918 г. в Астрахани обнаружили заболевших холерой [6, л. 1]. В начале мая 1918 г., в связи с этим, взамен устаревших правил от 11 августа 1903 г. «О принятии мер к прекращению холеры и чумы при появлении их внутри Империи» ввели «Временные правила для Губернской и Уездных Санитарно-Исполнительных комиссий о мерах по предупреждению и борьбе с холерой и чумой». Зарегистрированная в Астрахани азиатская холера постепенно стала распространяться на территорию Калмыцкой степи.

В июне 1918 г. заболевших холерой зарегистрировали в Яндыко-Мочажном улусе – 30 человек, в Калмыцком Базаре – 30 человек, в Хошеутовском улусе – 20 человек. В дальнейшем холера распространилась в Харахусовском и Икицохуровском улусах. Кроме

холеры, в июле 1918 г. в Ульдючиновском, Бурульском, Мандженкиновском, «Качоноховском» (опечатка в деле, возможно, имелся ввиду Ики-Чоносовский или Бага-Чоносовский. – М. Б.) аймаках и Бислюрте возникла эпидемия возвратного тифа. Из-за нехватки медицинского персонала врач Б. Аракелов, работавший на этом участке, обратился в Астрахань к старшему врачу калмыцкого народа с просьбой командировать фельдшеров. К концу сентября 1918 г. ситуация по холерной эпидемии оказалась следующая: в г. Астрахань 992 заболевших, из них умерло 386 человек; в Астраханском уезде 541 заболевший, умерло 257 человек; в Калмыцкой степи 333 заболело, 113 человек умерло; всего на территории Астраханской области зарегистрирован 3901 заболевший [8, л. 7, 68, 71, 106, 140, 346].

Начавшаяся на территории степи Гражданская война нанесла большой урон экономике Калмыцкой степи. Зимой – весной 1919 г. разгромленные денкинцами и отступающие через калмыцкие кочевья части 10, 11 и 12-й армий отбирали у населения под видом реквизиций уцелевший скот и имущество. Из доклада военного комиссара Малодербетовского улуса Хонина Косиева: «Положение Малодербетовского улуса вследствие близости его к фронту военных действий безотраднее; скотоводческое хозяйство калмыков приходит к положительному упадку благодаря постоянным и в большинстве случаев бесплатным реквизициям, конфискациям и угонам скота, лошадей, сена и проч. отрядами красноармейцев по мандатам взводных, командиров полков и т. д.». Подобные реквизиции прошли в Икицохуровском, Харахусовском, Багацохуровском, Яндыко-Мочажном, Эркетеневском улусах. Об обстановке в Эркетеневском улусе докладывал председатель улусного исполкома В. И. Елин: «Печальную и жуткую картину представляет теперь собою приморская часть улуса: по дорогам, озерам, берегам моря трупы людей, лошадей, поломанные повозки, обломки взорванных автомашин и ни одной живой души вокруг; бежали все кто куда мог; степная часть улуса немногим лучше приморской, разве только тем, что здесь есть люди, обнищавшие до последней степени. После сухого лета суровая зима забирает остатки когда-то больших стад и степь пестреет теперь трупами павших животных <...> теперь во всем улусе, в разных углах, едва ли наберется 2–3 помещения хоть сколько-нибудь пригодных для жилья».

Врач С.-Г. Хадылов, занимавший должность председателя исполкома Яндыко-Мочажного улуса, отмечал: «Население не имеет ни чаю, ни хлеба, ни мануфактуры, ни сельскохозяйственных, ни рыбно-ловецких предметов. Мешают бессистемные реквизиции подвод и фуража: то под пленных, то под войсковые части, то для военных грузов, то под беженцев <...> Там, где проезжают красноармейцы, реквизиции принимают безобразный характер, отбирают все, включая чашки и ложки. Скотоводческое хозяйство в упадке, и сильная зима означает его полную гибель» [14, с. 242, 244].

Из доклада военного комиссара Яндыко-Мочажного улуса в исполком калмыцкого народа: «С приходом армии в середине февраля (1919 г.) население улуса было совершенно терроризировано: проходящие с Южного фронта войсковые части 11-й и 12-й армии на пути следования в Астрахань производили полное опустошение, разграбляя имущество, забирая подводы, увозя скот, отбирая жалкие остатки продовольствия, фуража и т.д., положение улуса было плачевное, бороться с наплывом армии не было никакой возможности, несмотря на то, что состоящий при улусном Комиссариате отряд добровольцев из 33 человек пришлось расставить по таким хотонам, где наиболее чаще проходили войсковые части или прибывали разоренные части их, с целью реквизиции фуража, скота и пр.» [5, л. 24].

О ситуации в степи в первом полугодии 1919 г. отмечается в докладе заведующего отделом народного образования при Калмыцком Исполкоме: «Военные действия почти на всей территории крупнейших улусов Малодербетовского, Яндыковского и других, то разгораясь, то затихая – ни на один день не прекращались; войсковые массы конные и пешие, непрерывно передвигались по степи, занимали постоянно частные и общественные здания, в том числе и школы. Эпидемии, неизбежно возникающие при таких обстоятельствах в

войсках, перекидывались на местное население...» [5, л. 34]. Отступающие красноармейцы 11-й и 12-й армий принесли с собою эпидемию тифа, оставив повсюду огромное количество больных, раненых и умерших: «...над приморской полосой висит Дамоклов меч бесконечной заразы даже в далеком будущем» [16, с. 79].

Эпидемия сыпного тифа началась в январе 1919 г. в Яндыко-Мочажном улусе. Ситуация осложнялась тем, что малочисленный медицинский персонал не справлялся с быстрым распространением болезни. Об этом говорится в письме председателя Яндыко-Мочажного улусного исполкома в отдел здравоохранения при Центральном исполкоме калмыцкого народа от 21 февраля 1919 г. № 1393: «Улусный Исполком неоднократно и телеграфно и письменно просил Центральный исполнительный Комитет о высылке эпидемического персонала, медикаментов и средств для борьбы с эпидемией, но до сего времени никто из медицинского персонала в улус не прибыл. Между тем положение улуса по делу борьбы с эпидемией самое печальное, так как доктор Цапко сам лично болен, фельдшер Мухлаев тоже заболел, пунктовые же фельдшера Жигадло и Страчков прямо таки изнывают от чрезвычайно чрезмерной работы, а при улусной ставке имеется налицо только один фельдшер Грачев, который не в состоянии справиться даже с ежедневным приемом больных, а не только выезжать из ставки на сторону для оказания помощи больным на месте» [9, л. 4-4об.].

Еще хуже обстояло дело в Харахусовском улусе: в марте 1919 г. от сыпного тифа скончались фельдшеры Родин и Борисов, фельдшерица Кузнецова. Вся работа по больнице, где размещались больные сыпным тифом, а также обслуживание эвакуационного пункта легла на плечи единственного фельдшера Глушкова, так как врач Соларев сам болел сыпным тифом.

В Яндыко-Мочажный улус эпидемического фельдшера прислали только в конце марта 1919 г. К апрелю в пределах этого улуса свирепствовали сразу три эпидемии тифа: сыпного, брюшного и возвратного. Медперсонал работал по 14 часов в сутки, но скученность населения, недостаток продовольствия, а также отсутствие медикаментов не позволяли ликвидировать эпидемию. К этому времени в улусе насчитывалось 312 заболевших сыпным тифом, 142 – брюшным тифом и 56 – возвратным тифом [9, л. 7-7об., 17]. В своем докладе в исполком калмыцкого народа военный комиссар Яндыко-Мочажного улуса Х. Джалыков, очевидец тех событий, писал: «...эпидемия сыпного тифа на почве недоедания в настоящее время принимает довольно значительные размеры; в одной ставке улуса насчитывается до 300 больных тифом...» [5, л. 24об.].

В целях борьбы с возрастающей эпидемией сыпного тифа в границах Калмыцкой степи и в дополнение к существующим там лечебным пунктам отдел здравоохранения от 27 марта 1919 г. выпустил постановление о немедленном оборудовании и открытии 14 подвижных изоляционных заразных барачков в связи с возрастающей эпидемией сыпного тифа. Располагаться они должны были в следующих улусах: 1 – в Эркетеневском, 3 – в Яндыко-Мочажном, 1 – на Калмыцком базаре, 1 – в Харахусовском, 1 – в Икицохуровском, 4 – в Малодербетовском, 1 – в Багацохуровском, 2 – в Хошеутовском [9, л. 12]. Кроме того, для ликвидации возникающих эпидемий, согласно декретам, на местах – в ставках улусов и в аймаках учредили особые рабочие (санитарные) комиссии [5, л. 32].

В связи с тяжелым положением, к маю 1919 г. число фельдшерских пунктов сократилось с 35 до 10, на более 155 000 жителей степи приходилось 5 больниц, 4 приемных покоя, 7 врачебных участков. Заведующий отделом здравоохранения А. П. Цветков в отчете писал: «Из 7-ми врачей налицо – 4, из них тоже одного приходится исключить, как попавшего в плен; из 23 фельдшеров – 16 и из 8-ми фельдшериц-акушерок – 3» [7, л. 35-35об.]. Медперсонал Малодербетовского, Икицохуровского, Эркетеневского, Харахусовского улусов был мобилизован Управлением санитарной части Каспийско-Кавказского фронта и прикреплен на местах к эвакуационным пунктам, учреждениям военно-санитарных организаций и едва справлялся с возложенной на него работой, поэтому не мог оказывать населению ме-

дицинской помощи. Полностью разоренное население степи, бросая свои жилища, убегало в пески. Имущество улусных аптек, больниц, медикаменты подверглись полному уничтожению и расхищению. В Эркетеневском, Икицохуровском и части Харахусовского улусов были разрушены квартиры медперсонала и здания больниц [7, л. 35об.-38].

К сентябрю 1919 г. ситуация в отделе здравоохранения не изменилась, только в связи с начавшейся борьбой с сыпным тифом из губернского санитарного подотдела прислали двух эпидемических фельдшеров. Основную же работу как собственно медицинскую, так и санитарно-эпидемическую возложили на улусный медперсонал. За неимением специальных фельдшеров-оспопрививателей оспопрививание также передали улусным подотделам [12, л. 32-32об.].

За 11 месяцев 1919 г. лечебная часть, обслуживавшая население степи, сократилась до 2 больниц, 2 приемных покоев, 4 фельдшерских пунктов, 2 врачей, 13 фельдшеров и 3 фельдшерниц-акушеров. За это время здравотдел зарегистрировал 20 066 обращений за медпомощью, из них повторно 11 873 и первично 8 193. Среди обратившихся в первый раз у 2 165 человек зарегистрировали заразные заболевания: оспу, дизентерию, холеру, цингу, брюшной, сыпной, возвратный тифы. Данные, приведенные выше, неполные, так как многие сведения, высланные с мест в отдел здравоохранения, так и не дошли [7, л. 104об.]. Из 7 врачей, принимавших участие в 1919 г. в борьбе с эпидемией сыпного тифа, 3 переболели им (У. Д. Душан, В. Д. Соларев, С. И. Цапко), а член КалмЦИК С.-Г. Хадылов погиб, как 2 из 16 фельдшеров [1, с. 168].

Общественно-политическая обстановка в степи оставалась напряженной. К концу осени 1919 г. почти вся территория Калмыкии оказалась под контролем белогвардейцев. В занятых ими улусах Советы были разогнаны, трудовые артели и коммуны распущены, обобществленный скот реквизирован или возвращен бывшим владельцам. Большой урон экономике, наряду с военными действиями белых и красных, нанесли и так называемые «зеленые», которые объединялись в банды и терроризировали местные Советы. Только к марту 1920 г. части 10 и 11-й армий очистили все улусы от белогвардейцев и восстановили в них советскую власть [15, с. 332-341].

В начале января 1920 г. приказом Калмыцкого военкомата началась мобилизация медицинского персонала Калмыцкой степи. Призывались на действительную военную службу все врачи-мужчины, родившиеся с 1868 по 1897 гг. включительно; все врачихи-женщины, не достигшие к 1 января 1920 г. 40-летнего возраста, а также получившие врачебное звание в 1919 г.; врачи 1-го и 2-го разряда, состоявшие на военной службе, независимо от того, получили они звание лекарей или нет; зубные врачи-мужчины, родившиеся с 1886 по 1897 гг. включительно; фельдшеры и лекарские помощники, родившиеся с 1875 по 1891 гг. включительно; все фармацевты, родившиеся с 1883 по 1897 гг. включительно. В этот список попали врач В. Д. Соларев, фельдшеры Ф. И. Синицин, П. И. Еськин, П. Ф. Грачев. Впоследствии призвали и оставшихся врачей, поэтому и без того сложная ситуация с нехваткой врачебного персонала грозила стать просто катастрофической. В связи с этим и. о. председателя Калмыцкого исполкома Н. Д. Дулаханов и заведующий отделом здравоохранения А. П. Цветков в марте 1920 г. направили телеграмму в Наркомздрав РСФСР: «[В] Калмыцкой степи неослабно свирепствуют эпидемии тифов, оспы. Население на почве голода и зимней стужи заболевает другими болезнями. Произведенная [в] губернии мобилизация медперсонала грозит калмыцкому народу массовым вымиранием. Исполком просит распоряжений об оставлении на местах службы медперсонала степи, состоящего налицо [из] двух врачей, десять фельдшеров» [10, л. 26].

В мае 1920 г. из Калмыцкого исполкома в адрес Наркомздрова РСФСР была повторно направлена телеграмма: «Калмыцкая степь при свирепствующих [в] настоящее время эпидемиях тифов, оспы и других [болезней], [с] мобилизацией врачей и фельдшеров остается без медицинской помощи. Летом грозит опасность кишечных заболеваний холеры, [в] результате массовое вымирание населения. Исполком просит распоряжений об ос-

тавлении на местах мобилизуемых врача Цапко, фельдшеров Убушиева, Курносова, Колесникова, Яковлева, Страчкова, Еськина, Герасимова, Селиванова, Прокофьева и отозвании [с] военной службы врачей Душан, Астахова, Соларева, фельдшера Синицина» [10, л. 8, 16, 26, 38].

С восстановлением советской власти в Калмыцкой степи в период со 2 по 9 июля 1920 г. прошел I Общекалмыцкий съезд Советов, в котором приняли участие 346 делегатов, представлявших различные группы калмыков. Историческое значение съезда состояло в том, что он провозгласил государственность калмыцкого народа – создание Калмыцкой автономной области в составе РСФСР [4, с. 19-20]. На съезде также обсуждались вопросы экономического, социального значения. В своей докладной записке заведующий отделом здравоохранения А. П. Цветков отмечал, что «1-й общекалмыцкий съезд, участники которого на местах в течение 1919–1920 гг. были повседневными свидетелями массового распространения в кочевьях калмыков тифозных, оспенных и друг[их] эпидемий, констатировал факт крайней необеспеченности степи медицинской помощью и постановлением от 9 июля с/г. определил расширить существующую в ней сеть лечебных пунктов путем учреждения новых <...> Однако условия переживаемого военного времени вообще и экономической разрухи в частности вскоре же показали, что вопрос о расширении в степи сети лечебных пунктов в собственном его смысле в настоящее время разрешен пока быть не может» [10, л. 78].

К осени 1920 г. ситуация с нехваткой медицинского персонала продолжала оставаться нерешенной. По данным на октябрь 1920 г. врачи все еще находились на военной службе: У. Д. Душан – в 1-м Калмыцком полку, В. Д. Соларев – в Санитарном управлении 11-й армии, г. Баку, В. О. Астахов – в 51-м госпитале, г. Тюмень. Позже, благодаря усилиям Калмыцкого отдела здравоохранения и облисполкома, врачей и фельдшеров степи все же освободили от призыва и вернули в Калмыцкую область.

На 15 ноября 1920 г. организация медицинской помощи была построена следующим образом [10, л. 72, 80, 83об.-84] (см. таблицу 4).

Таблица 4

Организация медицинской помощи на 15 ноября 1920 г.

Улусы	Численность населения	Количество мед. персонала		
		врачи	фельдшеры	фельдшери- акушерки
Эркетеневский	17 000	–	1	–
Яндыко-Мочажный	36 400	1	4	–
Калмыцкий базар	8 000	–	1	1
Харахусовский	15 000	–	1	–
Икицохуровский	17 000	1	1	–
Маньчский	29 000	1	4	1
Большедербетовский	11 000	1	6	–
Малодербетовский	35 000	–	4	1
Багацохуровский	12 000	–	1	1
Хошеутовский	12 000	–	2	–
Всего в Калмыцкой автономной области	192 400	4	25	4

По штатному расписанию в этот период должно было быть 10 врачей (по одному на каждый улус), 50 фельдшеров и 10 фельдшериц-акушерок. В наличии же имелось меньше половины положенного персонала.

В 1920 г. при отделе здравоохранения Калмыцкой автономной области организовали еще подраздел, который положил начало санитарно-эпидемиологической службе Калмыкии. В его штате значилось 2 врача, 2 врача-эпидемиолога, 2 эпидемиологических фельдшера, 2 санитарных фельдшера, 12 фельдшеров-оспопрививателей. Но из-за недостатка кадров сразу укомплектовать санитарно-эпидемиологический подраздел не удалось. Лишь в июне 1921 г. подраздел возглавил опытный врач А. П. Цветков, который незадолго до этого ушел в отставку с поста заведующего отделом здравоохранения из-за проблем со здоровьем [17, с. 582].

Для восполнения кадрового дефицита на учебу в крупные города стали направлять представителей коренной национальности. По рекомендации партийных органов в 1921 г. Ю. С. Эренценов поступает на медицинский факультет во 2-й Московский госуниверситет [20, с. 182]. Б. П. Манцину, работавшую в областном калмыцком женотделе, решением II Общекалмыцкого съезда Советов командировали в числе других представителей области на учебу в Москву, где она в 1921 г. стала студенткой медфака 2-го МГУ [11, л. 44]. Кроме них в эти годы в 1 и 2-м МГУ на медицинских факультетах учились Б. Кадушев (с 1920 г.), И. Эренценов (с 1920 г.), Т. Доденова (с 1921 г.) [13, л. 169а, 170].

Таким образом, процесс организации и становления системы здравоохранения на территории Калмыцкой степи проходил в сложных условиях. После начала революции 1917 г. Калмыцкая степь продолжала находиться в подчинении Астраханской губернии и соответственно не имела своих самостоятельных органов здравоохранения. Первой попыткой образования системы здравоохранения в степи стало создание в 1918 г. уездного отдела здравоохранения, подчинявшегося Астраханскому губздраву. Калмыцкий здравотдел был сформирован из участковых (улусных) отделов, образованных по количеству улусов Калмыцкой степи. Только 4 ноября 1920 г. была образована Автономная область калмыцкого народа, а в составе КалмЦИК образован областной здравотдел. Национальная государственность досталась калмыкам с большими потерями, территория области была разорена и обескровлена войной, голодом и эпидемиями. К 1920 г., времени окончательного установления Советской власти в регионе, калмыки продолжали вести кочевой образ жизни, придерживаясь того же уклада, что и три века назад.

Гражданская война, периодическая смена власти сильно задержали развитие системы здравоохранения Калмыкии на начальном этапе ее формирования. Существовавшая дореволюционная сеть больниц и фельдшерских пунктов подверглась полному разорению, на территории Калмыцкой степи свирепствовали эпидемии и голод. Скотоводство, являющееся основой экономики кочевников, было практически уничтожено. В ходе боевых действий произошла вспышка инфекционных заболеваний и только с окончательным установлением Советской власти в жизни калмыков-кочевников произошли кардинальные перемены.

В это время основная деятельность калмыцкого отдела здравоохранения была направлена на ликвидацию ее последствий: эпидемий, голода, восстановление разрушенной материальной базы здравоохранения, профилактику заболеваемости. Необходимо отметить, что одной из главных проблем на начальном этапе становления системы здравоохранения стал кадровый кризис. Многие медицинские работники Калмыцкой степи умерли от эпидемий, почти все уцелевшие врачи и фельдшеры были мобилизованы на военную службу, поэтому немаловажное значение в деле формирования и сохранения системы здравоохранения в условиях сложной общественно-политической ситуации имел самоотверженный труд медицинских работников региона. Обретение государственности и образование автономной области позволили заложить основу системы советского здравоохранения Калмыкии.

Список источников и литературы

1. Дойникова Е. А., Сусеев П. Н. (1967). *На страже здоровья // 50 лет под знаменем Октября*. Элиста: Калмиздат. С. 160-186.
2. Итоги десятилетия советской власти в цифрах. 1917-1927 гг. (1927). Москва: ЦСУ СССР. 520 с.
3. Лисицын Ю. П. (2008). *История медицины*. Москва: ГЭОТАР-Медиа. 400 с.
4. Максимов К. Н. (2000). *Высшие органы исполнительной власти Калмыкии: история и современность (1918-2000 гг.)*. Элиста: Калмыцкое книжное издательство. 255 с.
5. НА РК. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 127.
6. НА РК. Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 23.
7. НА РК. Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 24.
8. НА РК. Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 27.
9. НА РК. Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 59.
10. НА РК. Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 82.
11. НА РК. Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 746.
12. НА РК. Ф. Р-12. Оп. 1. Д. 436.
13. НА РК. Ф. Р-112. Оп. 1. Д. 101.
14. Очиров У. Б. (2009). *Калмыкия в 1919 – начале 1920 гг. // История Калмыкии с древнейших времен и до наших дней: в 3 т. Т. 2*. Элиста: Герел. С. 237-294.
15. Очиров У. Б. (2006). *Калмыкия в период Гражданской войны (1917-1920 гг.)*. Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар». 448 с.
16. Очиров У. Б. (2006) *Последствия Гражданской войны 1918-1920 годов для экономики Калмыкии // Отечественная история*. № 1. С. 73-84.
17. Очиров У. Б., Сусеев П. Н. (2009) *Формирование советской системы здравоохранения в 1917-1943 годах // История Калмыкии с древнейших времен и до наших дней: в 3 т. Т. 3*. Элиста: Герел. С. 581-591.
18. Прохоров Б. Б. (2001). *Организация здравоохранения в России в XX веке // Россия в окружающем мире: 2001 (Аналитический ежегодник)*. Москва: МНЭПУ. С. 1-44.
19. *Собрание узаконений и распоряжений Правительства за 1917-1918 гг.* (1942) Москва: Управление делами Совнаркома СССР. 1482 с.
20. Сусеев П. Н. (2006). *Очерки истории здравоохранения Калмыкии (Воспоминания министра)*. Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар». 296 с.

References

1. Doynikova, Y. A., Suseyev, P. N. (1967). *Na strazhe zdorov'ya* [On guard of health] in 50 let pod znamenem Oktyabrya. Elista, Kalmizdat, 160-186. (in Russian).
2. *Itoги desyatiletiya sovet-skoy vlasti v tsifrakh. 1917-1927 gg. (1927)*. [The results of the decade of Soviet power in numbers. 1917-1927] Moscow, TSSU SSSR. (in Russian).
3. Lisitsyn, Y. P. (2008). *Istoriya meditsiny*. [History of medicine] Moscow, G·EOTAR-Media Publ. (in Russian).
4. Maksimov, K. N. (2000). *Vysshiyе organy ispolnitel'noy vlasti Kalmykii: istoriya i sovreemennost' (1918-2000 gg.)* [The supreme executive authorities of Kalmykia: history and modernity (1918-2000)]. Elista, Kalmytskoye knizhnoye izdatel'stvo. (in Russian).
5. NA RK. F. R-3. Op. 2. D. 127. (in Russian).
6. NA RK. F. R-9. Op. 1. D. 23. (in Russian).
7. NA RK. F. R-9. Op. 1. D. 24. (in Russian).
8. NA RK. F. R-9. Op. 1. D. 27. (in Russian).
9. NA RK. F. R-9. Op. 1. D. 59. (in Russian).
10. NA RK. F. R-9. Op. 1. D. 82. (in Russian).

11. NA RK. F. R-9. Op. 1. D. 746. (in Russian).
12. NA RK. F. R-12. Op. 1. D. 436. (in Russian).
13. NA RK. F. R-112. Op. 1. D. 101. (in Russian).
14. Ochirov, U. B. (2009). *Kalmykiya v 1919 – nachale 1920 gg.* [Kalmykia in 1919 - early 1920s] in *Istoriya Kalmykii s drevneyshikh vremen i do nashikh dney*, v 3 t., t. 2. Elista, Gerel Publ., 237-294. (in Russian).
15. Ochirov, U. B. (2006). *Kalmykiya v period Grazhdanskoy voyny (1917-1920 gg.)*. [Kalmykia during the Civil War (1917-1920).] Elista, ZAOr NPP Dzhangar Publ. (in Russian).
16. Ochirov, U. B. (2006). *Posledstviya Grazhdanskoy voyny 1918-1920 godov dlya ekonomiki Kalmykii* [Consequences of the Civil War of 1918-1920 for the economy of Kalmykia] in *Otechestvennaya istoriya*, 1, 73-84. (in Russian).
17. Ochirov, U. B., Suseyev, P. N. (2009). *Formirovaniye sovet-skoy sistemy zdravookhraneniya v 1917-1943 godakh* [Formation of the Soviet healthcare system in 1917-1943] in *Istoriya Kalmykii s drevneyshikh vremen i do nashikh dney*, v 3 t., t. 3. Elista, Gerel Publ., 581-591. (in Russian).
18. Prokhorov, B. B. (2001). *Organizatsiya zdravookhraneniya v Rossii v XX veke* [Organization of health care in Russia in the XX century] in *Rossiya v okruzhayushchem mire: 2001 (Analiticheskiy yezhegodnik)*. Moscow, MN·EPU Publ., 1-44. (in Russian).
19. *Sobraniye uzakoneny i rasporyazheniy Pravitel'stva za 1917-1918 gg. (1942)* [Collection of legalizations and orders of the Government for 1917-1918. (1942)] Moscow, Upravleniye delami Sovnarkoma SSSR. (in Russian).
20. Suseyev, P. N. (2006). *Ocherki istorii zdravookhraneniya Kalmykii (Vospominaniya ministra)*. [Essays on the history of healthcare in Kalmykia (Memoirs of the Minister)] Elista, ZAOr NPP Dzhangar Publ. (in Russian).

Ляпин Д. А.
(Елец)

УДК 821.161.1

ЧЕТВЕРТЫЙ БРАК: О СЕМЕЙНОЙ ЖИЗНИ КНЯЗЯ С. И. ШАХОВСКОГО

В статье рассматриваются обстоятельства частной жизни князя С. И. Шаховского (конец XVI - 1655), выдающегося писателя, поэта, публициста, религиозного деятеля первой половины XVII в. С. И. Шаховской был женат четыре раза, вопреки действовавшим в это время запретам русской православной церкви, разрешающей только три брака. Его четвертый брак вызвал конфликт с патриархом Филаретом Романовым в 1622 г., после которого писатель отправился в ссылку в Тобольск. Однако вскоре он был прощен и даже возвращен в Москву на государственную службу. В своих мемуарах («Домашних записках») князь, вспоминая о жизни, опустил этот эпизод. Однако слухи о том, что четвертый брак был официально расторгнут, были сильны в кругу его многочисленной родни. В 1662 г. сын С. И. Шаховского Федор начал тяжбу со своими родственниками, которые обвиняли его в незаконнорожденности и просили лишить земельных владений. Следствие в итоге не смогло найти документальных доказательств того, что С. И. Шаховской был официально разведен с женой. Автор делает выводы о том, что отказ от развода с четвертой женой и официальное оправдание этого деяния являются своеобразными свидетельствами ухода средневековых традиций в прошлое.

Ключевые слова: С. И. Шаховской, православная церковь, Филарет, Россия XVII века, Русское Средневековье.

The article deals with the circumstances of the private life of Prince Semyon Shakhovskiy, an outstanding writer, poet, publicist, religious figure of the first half of the 17th century. It is known that Semyon Shakhovskiy was married four times, contrary to the prohibitions of the Russian Orthodox Church. The fourth marriage caused his conflict with Patriarch Filaret, after which the writer went into exile in Tobolsk. However, he was soon forgiven and returned to Moscow to work for the patriarch. In his "Home Notes", the prince, recalling life, omitted this episode and hid the fact of the fourth marriage. However, rumors that the fourth marriage was officially annulled by the patriarch were strong. In 1662, the son of Semyon Shakhovskiy, Fyodor, began a lawsuit with his relatives. They accused him of being illegitimate and asked him to deprive his father of his land holdings. The investigation ultimately failed to find evidence that Prince Shakhovskiy was officially divorced. The author concludes that the refusal to divorce the fourth wife and the justification of this act are evidence of the departure of medieval traditions into the past.

Keywords: S. I. Shakhovskaya, Orthodox Church, Filaret, Russia, XVII century, Russian Middle Ages.

DOI: 10.24888/2410-4205-2022-33-4-20-24

Биография выдающегося поэта, писателя и религиозного деятеля князя Семена Ивановича Шаховского (конец XVI в. - 1655) известна в общих чертах благодаря работам С. Ф. Платонова и М. П. Лукичева [3; 2]. Однако до сих пор в ней остается много пробелов, особенно это касается семейной жизни этого неординарного человека. Сам князь в своих мемуарах, написанных после 1649 г., сообщал о трех своих женах [6, с. 61], но на самом деле он был женат четыре раза, причем в молодом возрасте (до 1620 г.). В 1622 г. четвертый брак С. И. Шаховского был поставлен под сомнение патриархом Филаретом и вызвал его большое негодование. Об этом известно из послания патриарху от самого князя, в котором тот рассказал, что его первые три жены слишком рано умерли, и,

будучи еще молодым (около 30 лет), он решился в 1620 г. на четвертый брак и за прошедшие два года у них родились дети [8, л. 20 об.]. Он также написал Филарету небольшое стихотворение-молитву «Против разлучения супружества»:

*Помилуй, господи царю,
и сохрани жену мою.
Аще и незаконно поях ю,
и чада моя,
еже еси даровал, презря
моя согрешения.
Соблюди их, владыко, и помилуй,
и долгоденьствия даруй.
Во здравии и спасении
посети, владыко, милосердием своим
Во веки, аминь [7].*

Вероятно, в это время С. И. Шаховской взялся за создание истории жизни святого царевича Димитрия Углицкого, сына Ивана Грозного от седьмой жены, в канонизации которого принимал участие сам Филарет Романов [2; 4]. Но ничего не помогло князю и в 1622 г. он был отправлен в ссылку в Тобольск, хотя менее чем через год возвращен назад в Москву и поступил на государственную службу.

Быть может в своих воспоминаниях о жизни («Домашних записках») С. И. Шаховской намерено скрыл информацию о конфликте с Филаретом опасаясь, что его дети могут быть обвинены в незаконнорожденности и лишены земельных владений. Такая практика в России XVII в. была хорошо известна из описания Г. К. Котошихина:

«А у которых бояр, и думных людей, и у иных чинов людей, будут прижиты дети от наложниц, от вдов или от девок, а после того на тех своих наложницах поженятся, или и не женаты помрут, а после их смерти останутся дети, которые прижиты по закону, а другие дети выблядки, или после смерти их останутся одни те выблядки: и по их смерти даются поместья, и вотчины, и животы, сыновьям их и дочерям тем, которые по закону прижиты; а которые прижиты не по закону, и тем поместей и вотчин и животов никаких не делят и не дают ничего... и в службу царскую ни в какую не принимают» [1, с. 80].

Опасения С. И. Шаховского относительно возможных последствий четвертого брака для судьбы детей были ненапрасными. В 1662 г. Захарий Иванович Шаховской с братьями подали в Разряд челобитную, где сообщали о незаконнорожденности сына писателя Федора и просили на этом основании передать его земли в Вологодском уезде в их пользование [4, л. 250-252 об.]. В ответ Федор подал челобитную с уверением, что он является законным наследником своего отца и все обвинения на этот счет беспочвенны. «Будто я родился не ведомо после какого разводу отца моего с матерью» - сетует Федор в своей челобитной – «и хотят меня от честь от рождения моего» [4, л. 251]. Главный аргумент Федора заключался в том, что документальных свидетельств о разводе его отца с матерью не сохранилось. Родственники уверяли, что расторжение четвертого брака С. И. Шаховского было хорошо известным фактом, и существовала также какая-то челобитная, подтверждающая это обстоятельство.

Обратимся к тексту «Прошения к Филарету» 1622 г., написанному С. И. Шаховским. Не отрицая своих прегрешений и плотских желаний, князь сообщает, что его три жены умерли в «маловременной године», более того, в силу обстоятельств он редко проводил с ними время («только очими своими видех»). С первой, по его словам, он прожил три года, со второй полтора, а с третьей женой всего девятнадцать недель, в итоге «плотского сладострастия не могу одолети» - жалуется С. И. Шаховской патриарху, и, продолжая свои раз-

мышления, указывает, что из опасения впасть в «блудодаяние» женился вновь два года назад (1620) и прижил уже детей [8, л. 21об.].

Из текста этого послания не явствует факт развода. Между тем, Федор был средним из трех детей поэта, кроме него были еще Михаил и Иван. Обвинения их в незаконнорожденности не известны.

Федор Шаховской в своей челобитной указывал на то, что до недавнего времени (1662) никаких проблем с правами на земли отца у него не было. По последним переписным книгам князя А. Н. Трубецкого он записан как владделец «помещица» в Вологодском уезде. Кроме того, сын поэта уже просил ранее подтвердить свою законнорожденность в Патриаршем приказе. Туда из Поместного приказа был отправлен запрос, который, правда, ни к чему не привел. Митрополит Сарский и Подонский преосвященный Питирим велел разыскать сведения о правах Федора на землю в переписных книгах, а также в архивах патриархии. Эти поиски не дали результата, на что Федор указывал как на успех, ведь «никакого разводного дела не сыскано» [4, л. 252 об.].

В итоге, в своей челобитной Федор («по рождению от отца своего прямой сынишко») подчеркивал, что давно и верно служит царю Алексею Михайловичу, как служил его отцу, а также просил объявить своему родственнику Захарию и его родне, что он рожден в законном браке, а их нелепые обвинения бросают тень бесчестия на весь княжеский род Шаховских.

Челобитная Федора Шаховского в Разряд с просьбой разобраться в деле о четвертом браке его отца и подтвердить официально отсутствие развода стала основанием для справки («памяти») в Поместный приказ подьячему Ф. К. Елизарову [3, л. 253-254]. Он составил очередной запрос в Патриарший приказ, где ответили, что в переписных книгах ничего о разводном деле не найдено, а доступные им документы начинаются с 1658 г., «как Никон патриарший свой престол оставил», но здесь никаких документов о разводе князя С. И. Шаховского найти не удалось. Это неудивительно, ведь речь идет о деле 1622 г., которое могло сгореть в большом пожаре 1626 г. Тогда были утрачены сотни архивных дел.

Итак, реальность развода князя С. И. Шаховского по требованию Филарета после 1622 г. достаточно вероятна. Следствием этого стала короткая ссылка князя, о которой сам он в «Домашних записках» писал пространно: «Сослан я князь Семен в Тобольск в опалу в чужом деле, но того ж году пожалован взят к Москве» [6, с. 61]. По всей вероятности, патриарх слишком ценил способности С. И. Шаховского, и после возвращения тот взялся за составление обширного поэтического послания к персидскому шаху Аббасу [9]. Очевидно, С. И. Шаховской был прощен и получил возможность беспрепятственно жить в четвертом браке. Но эти события были памяты для него, и потому он решил включить свое обращение к Филарету в итоговое собрание сочинений, составленное им на закате жизни.

Послание, наполненное выдержками из священного писания на тему покаяния за «блудодаяние», но все-таки оправдывающее четвертый брак, свидетельствует о постепенном уходе в прошлое средневековых представлений о жизни как исключительно божьем промысле. В рамках традиционных представлений о человеческой судьбе смерть трех жен С. И. Шаховского могла быть истолкована как проявление божественной воли, неизбежное страдание, которое нужно принять как вызов с целью самосовершенствования, как шанс жить в миру монахом, приняв «ангельский образ». Но в XVII в. человек уже не стремится строить свою жизнь подобным порядком. Ничуть не стесняясь, С. И. Шаховской заявлял публично о своей немощи и преследующих его грешных помыслах («плотского сладострастия не могу одолети»). Его желания заключались не в том, чтобы строго и во всем следовать божественной мудрости, постичь которую невозможно, но жить полной жизнью здесь и сейчас, на этом свете.

Не менее показательна реакция патриарха Филарета: интересы государства и политики он поставил выше возможности спасения души «несчастливого грешника». Монастырская келья – обычное когда-то в таких случаях наказание, князю даже не угрожала, а вместо

сибирской ссылки его быстро вернули на государственную службу. Таковы были набиравшие обороты реалии новой эпохи. Конечно, семь браков Ивана Грозного, хотя и не воспринимались обществом как норма, но все же были фактом [10]. Тем не менее, *Quod licet Iovi, non licet bovi*. Теперь же ситуация дозволенности для высшего общества стала гораздо шире, хотя в деле о четвертом браке Шаховского не последнюю роль сыграл, конечно, государственный интерес.

Список источников и литературы

1. Котошихин, Г. К. (2000). *О России в царствование Алексея Михайловича*. Москва: РОССПЭН, 272 с.
2. Лукичев, М. П. (1982). *Новые материалы к биографии С. И. Шаховского* // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода: сборник статей / Академия наук СССР, Институт истории СССР; отв. ред. В. И. Буганов. Москва: Наука. С. 99-107.
3. Произведения князя С. И. Шаховского: Житие царевича Дмитрия и Повесть о мнISE, как послался от Бога на царя Бориса // Платонов, С. Ф. (1888). *Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века*. СПб.: Типография В. С. Балашова. С. 231-245.
4. РГАДА. Ф. 210. Оп. 6 а. Д. 13.
5. Серова, И. Ю. (1990). *К вопросу о влиянии «Летописной книги» на Повести о Смуте С. И. Шаховского* // Труды отдела древнерусской литературы (ТОДРЛ). Ленинград: Наука. Т. 43. С. 338–346.
6. Шаховской, С. И. (1830). *Домашние записки* // Московский вестник. № 5. С. 61.
7. Шаховской, С. И. (1989). *Молитва против разлучения супружества* // Виршевая поэзия (первая половина XVII века). Москва: Советская Россия. С. 93.
8. Шаховской, С. И. *Торжественное моление к великому во отцах отцу святейшему Филарету Никитичу патриарху Московскому и всея Руси о разлучении супружества, зело умильно* // Сочинения князя Семена Шаховского (рукопись) // Отдел рукописей РГБ. Ф. 173.1 № 213. Л. 19 об.-24.
9. Keenan, E. L. (1988). *Semen Shakhovskoi and the Condition of Orthodoxy* // Harvard Ukraine Studies. Vol. 12/13. P. 795-815.
10. Keenan, E. L. (2010). *Ivan the Terrible and His Women* // Russian History. № 37. P. 322-359.

References

1. Kotoshihin, G. K. (2000). *O Rossii v carstvovanie Alekseja Mihajlovicha* [About Russia in the reign of Alexei Mikhailovich]. Moscow, ROSSPJeN Publ. (in Russian).
2. Lukichev, M. P. (1982). *Novye materialy k biografii S. I. Shahovskogo* [New materials for the biography of S. I. Shakhovsky] in *Issledovanija po istochnikovedeniju istorii SSSR dooktjabr'skogo perioda: sbornik statej / Akademija nauk SSSR, Institut istorii SSSR; отв. red. V. I. Buganov*. Moscow, Nauka Publ., 99-107. (in Russian).
3. *Proizvedenija knjazja S. I. Shahovskogo: Zhitie carevicha Dimitrija i Povest' o mnise, kak poslalsja ot Boga na carja Borisa* [Works of Prince S. I. Shakhovsky: The Life of Tsarevich Dimitri and the Tale of the Mnis, as sent from God to Tsar Boris] in Platonov, S. F. (1888). *Drevnerusskie skazanja i povesti o Smutnom vremeni XVII veka*. St. Petersburg, Tipografija V. S. Balashova, 231-245. (in Russian).
4. RGADA. F. 210. Op. 6 a. D. 13. (in Russian).
5. Serova, I. Ju. (1990). *K voprosu o vlijanii «Letopisnoj knigi» na Povesti o Smute S. I. Shahovskogo* [On the issue of the influence of the "Chronicle Book" on the Tale of the Troubles by

S. I. Shakhovsky] in *Trudy otdela drevnerusskoj literatury (TODRL)*. Leningrad, Nauka Publ. Т. 43, 338-346. (in Russian).

6. Shahovskoj, S. I. (1830). *Domashnie zapiski* [Home notes] in *Moskovskij vestnik*, 5, 61. (in Russian).

7. Shahovskoj, S. I. (1989). *Molitva protiv razlucheniya supruzhestva* [Prayer against the separation of marriage] in *Virshevaja pojezija (pervaja polovina XVII veka)*. Moscow, Sovetskaja Rossija Publ., 93. (in Russian).

8. Shahovskoj, S. I. *Torzhestvennoe molenie k velikomu vo otcah otcu svjatejšemu Filaretu Nikitichu patriarhu Moskovskomu i vseja Rusi o razluchanii supruzhestva, zelo umil'no* [Solemn prayer to the great father in the fathers, the most holy Filaret Nikitich, Patriarch of Moscow and All Russia for the separation of marriage, very touchingly] in *Sochinenija knjazja Semena Shahovskogo (rukopis')* in *Otdel rukopisej RGB. F. 173.1, 213, 19 ob.-24*. (in Russian).

**Рахманов П. С.,
Стрекалова Н. В.**
(Тамбов)

УДК 94(47) + 908 (470. 326)

**ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ЖИЛИЩНОЙ ПОЛИТИКИ
СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В ОТНОШЕНИИ «БЫВШИХ» В 1917-1921 ГГ.
(НА МАТЕРИАЛАХ ГОРОДОВ ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИИ)**

В статье рассматриваются проблемы региональных особенностей жилищной политики на начальном этапе становления советского государства в 1917-1921 гг. в отношении так называемых представителей «эксплуататорских» слоев городского населения. Были исследованы процессы национализации и муниципализации жилищной собственности «бывших» в городах Тамбовской губернии, проблемы реализации новой советской жилищной политики. Основу источниковой базы исследования составляют материалы фондов архивов Тамбовской области, значительная часть из которых вводится в научный оборот впервые. Исследование позволило прийти к выводу о том, что крупные владельцы городской недвижимости губернии утратили права на свою собственность. В то же время вопрос отчуждения недвижимой собственности «буржуазии» в городах Тамбовской губернии в исследуемый период не удалось решить полностью. В ходе муниципализации и национализации власти столкнулись с рядом проблем. В отдельных случаях в ходе реализации новой жилищной политики они вынуждены были руководствоваться не только классовыми, но и прагматическими мотивами. Представители «эксплуататорских» классов в городах губернии в период революции и Гражданской войны пытались использовать различные механизмы для уклонения от выселения и уплотнения, сохраняя в сравнении с другими социальными группами провинциального городского населения более комфортные жилищные условия.

Ключевые слова: «бывшие», жилищная политика, городское население, Тамбовская губерния, национализация, муниципализация, недвижимость.

The article deals with the problems of regional peculiarities of housing policy at the initial stage of the formation of the Soviet state in 1917-1921 in relation to the so-called representatives of the "exploitative" strata of the urban population. The processes of nationalization and municipalization of housing property of the "former people" in the cities of the Tambov province, the problems of implementing the new Soviet housing policy were investigated. The basis of the research source base consists of materials from the archives of the Tambov region, a significant part of which is being introduced into scientific circulation for the first time.

The study led to the conclusion that the large owners of urban real estate in the governorate have lost their rights to their property. At the same time, the issue of alienation of immovable property of the "bourgeoisie" in the cities of the Tambov governorate during the study period could not be fully resolved. In the course of municipalization and nationalization, the authorities faced a number of problems. In some cases, during the implementation of the new housing policy, they were forced to be guided not only by class, but also by pragmatic motives. Representatives of the "exploitative" classes in the cities of the province during the revolution and the Civil War tried to use various mechanisms to avoid eviction and consolidation, while maintaining more comfortable housing conditions in comparison with other social groups of the provincial urban population.

Keywords: "former people", housing policy, urban population, Tambov governorate, nationalization, municipalization, real estate.

DOI: 10.24888/2410-4205-2022-33-4-25-38

Недвижимость, в целом, и жилая недвижимость, в частности, была и остается важной составляющей как экономической, так и социальной сфер. Владение недвижимостью – одно из главных частных имущественных прав, а владельцы жилой недвижимости – представители одной из самых многочисленных социальных групп городского населения.

В результате революционных событий 1917 г. и установления советской власти коренным образом изменилась внутрисоциальная ситуация в России, а вместе с ней и повседневная жизнь всех групп населения и, прежде всего, представителей так называемых «эксплуататорских» классов. В ходе реализации политики «военного коммунизма» большевиками декларировалась ликвидация частной собственности, одной из составляющей которой была городская недвижимость, в значительной мере принадлежавшая представителям бывших имущих и привилегированных слоев населения. Новая государственная власть, исходя из своих программных идеологических установок и, действуя, в первую очередь, в интересах бывших «эксплуатируемых» классов, в которых видела свою опору, выступила на жилищном фронте против бывших «эксплуататоров».

Проблемы жилищного вопроса на начальном этапе советского государственного строительства рассматриваются в работах, посвященных проблемам политики «военного коммунизма» и «стратегиям выживания» населения в период революции и Гражданской войны в России [50-52; 55; 62].

Вышел ряд специальных исследований по реализации советской жилищной политики в 1917-1921 гг. [63; 42] Исследуются национальные и региональные особенности проблемы. Т. В. Бувеч проанализировала национализацию жилья в Витебске [2], Е. И. Медубаев – в Казахстане и Туркестане [54]. Отдельные аспекты проблемы рассматривались на региональном уровне. Так, Э. В. Гатиллов в рамках изучения проблем экспроприации земли затронул и вопросы муниципализации земельных участков в городах Елецкого уезда [36]. Некоторые вопросы, связанные с использованием тамбовскими властями национализированных строений рассмотрела А. И. Насонова [56]. О. М. Зайцевой и Н. В. Стрекаловой в контексте изучения жизненных траекторий представителей средних слоев и элиты города Тамбова в 1917-1918 гг. проанализированы проблемы национализации собственности, принадлежавшей представителям «буржуазии» губернского центра [43].

Источниковую базу исследования составили материалы Государственного архива социально-политической истории Тамбовской области (фонды П-382 «Отдел губернского комитета ВКП(б) по изучению истории Октябрьской революции и ВКП(б)», П-840 «Тамбовский губернский комитет ВКП(б)», П-834 «Козловский уездный комитет ВКП(б)», П-842 «Тамбовский уездный комитет ВКП(б)») и Государственного архива Тамбовской области (фонды Р-1 «Тамбовский губернский исполком», Р-6 «Тамбовский городской исполком», Р-17 «Кирсановский уездный исполком», Р-394 «Тамбовский губернский отдел управления», Р-398 «Тамбовский уездный отдел управления», Р-400 «Кирсановский уездный отдел управления», Р-401 «Козловский уездный отдел управления», Р-403 «Моршанский уездный отдел управления»).

Были использованы данные опубликованных сборников документов общегосударственного и местного уровней [37-40; 53; 57; 58-60], материалы периодической печати [44-49] и др.

Указанный круг источников позволяет рассмотреть проблему комплексно.

В исследуемый период остро стояла проблема прогрессирующего жилищного кризиса, предпосылки которого появились еще в пореформенной России вследствие ускоренной модернизации и растущих темпов урбанизации. Первая мировая война и революционные потрясения 1917 г. только усугубили ситуацию. Объемы и темпы строительства новых зданий существенно снизились, появились трудности с обслуживанием и ремонтом имевшегося жилищного фонда.

Решение жилищного вопроса на территории РСФСР, по мнению новых властей, должно было включать в себя, во-первых, справедливое распределение жилья, во-вторых, борьбу с идеологическими противниками в лице «эксплуататорских» классов.

Уже 30 ноября 1917 г. городским самоуправлениям было разрешено самостоятельно изымать в пользу муниципалитетов пустующие помещения, используя их для заселения в них нуждающихся граждан [59]. Среди таких помещений была и собственность, принадлежавшая так называемым «бывшим». В конце 1917 г. в тех населенных пунктах страны, где установилась советская власть, началось изъятие недвижимости. При этом лишиться своей собственности могли не только представители бывших привилегированных и имущих слоев города, но и «социально близких» новой власти категорий населения. Подобные случаи часто фиксировались в Москве и Петрограде, где вследствие перенаселения жилищный кризис ощущался наиболее остро [62, с. 63].

В городах Тамбовской губернии в первые месяцы после установления советской власти начался процесс отчуждения недвижимости. Так, в уездном Моршанске временный революционный комитет в ноябре 1917 г. для своих нужд занял жилплощадь гражданина В. И. Каверина. В губернском центре, хотя и продолжали проживать в своих бывших домах, но потеряли право собственности на них в конце 1917 г. бывшие домовладельцы Захарьина, Щербакова, Диппет и др. [3, л. 102; 34, л. 38-38 об, 41-41 об.]. Факты переселения представителей элиты и средних слоев города осенью-зимой 1917 г. в Тамбове были единичными [43; с. 276].

В ходе реализации декрета СНК от 30 ноября 1917 г., разрешавшего изымать неиспользуемые здания, принадлежавшие состоятельным горожанам, которые покинули места проживания, революционными властями в губернском центре были заняты, например, дома бывшего нотариуса С. О. Шадрова, почетной гражданки Х. З. Венедиктовой и др. Указанные домовладельцы из Тамбова уехали [27, л. 1].

В конце 1917 – первой половине 1918 гг. Советом народных комиссаров обсуждался проект постановления, отменявшего право частной собственности на недвижимость в городах. Одним из этапов его реализации стал запрет купли-продажи недвижимости в городах 14 декабря 1917 г. [38, 37]

В полной мере советская жилищная политика в Тамбовской губернии начала реализовываться в феврале-марте 1918 г. Весной 1918 г. местные власти высказались о необходимости начать национализацию. Были выработаны некоторые организационные принципы этой политики [5, л. 24 об.].

1 мая 1918 г. в Тамбове коллегия по делам местного хозяйства пришла к выводу о необходимости передачи в руки городского квартирному отделу всей городской недвижимости, за исключением мелких домовладений. Это должно было позволить в дальнейшем решить вопрос обеспечения всех жителей города равным правом на жилье. Были образованы жилищный совет и квартирные жилищные комитеты [16, л. 4]. Однако возникли проблемы, связанные с необходимостью проведения дополнительного учета и выработкой четких критериев размера домовладений.

Первоначально организовать работу созданных жилищных комитетов эффективно получалось не всегда. Так, в Козлове в их состав местные жители часто выбирали горожан, занимавших в прошлом ответственные должности: следователей, работников судебных ведомств, помещиков, офицеров и др. Часто в эти комитеты избирались владельцы жилой недвижимости, подлежащей отчуждению. Участие в работе комитетов позволяло последним защищать свои имущественные интересы, пользуясь служебным положением. В итоге власти приняли решение о том, что нахождение представителей этих групп населения в комитетах нежелательно и ограничили возможности для занятия ими подобных должностей [7, л. 28-28 об.]. Однако факты работы «бывших» в учреждениях, занимавшихся вопросами распределения недвижимости, встречались и в последующие несколько лет.

Собственность состоятельных граждан часто использовалась различными учреждениями советской власти. Так, в Спасске по данным на 1 октября 1918 г. было изъято у частных владельцев 16 зданий. Все они были переданы для нужд совучреждений. Например, в доме Ложкина находился уездный Совет, Сазонкина – уездная ЧК, Соболева – уездный комитет компартии и т.д. [24, л. 13] Стремление местных органов советской власти использовать недвижимость, принадлежавшую именно «бывшим», было обусловлено не только идеологическими, но и практическими мотивами. Дома состоятельных горожан имели достаточное количество комнат, которые можно было переоборудовать в рабочие кабинеты, в них были необходимые удобства (вода, свет), была проведена телефонная связь и т.д.

Процесс отчуждения недвижимости затронул не только бывшие имущие и привилегированные слои российских провинциальных городов. Так, во второй половине 1918 г., когда дом бывшего губернского комиссара Временного правительства К. Н. Шатова перешел в ведение уездного продовольственного отдела Тамбовского исполкома, определенные трудности стали испытывать и горожане, проживавшие в нем. Например, один из жильцов этого дома страховой агент А. Ф. Суше был лишен права распоряжаться собственной мебелью, которую намеревался продать ввиду «скудного заработка», что он и указал в своей жалобе в губисполком [17, л. 244].

Часто возникали разногласия между различными советскими ведомствами по вопросам использования отчужденных помещений «бывших». Например, 3 мая 1918 г. квартирный отдел коллегии по делам местного хозяйства г. Тамбова был возмущен тем фактом, что без ведома коллегии дачи состоятельных граждан С. И. Комсина и Н. Д. Матвеева были заняты военными. Комендант г. Тамбова запретил армейским частям занимать жилплощадь без одобрения заведующего квартированием войск и квартирного отдела [17, л. 244; 46]. В уездных городах военные иногда решали квартирные проблемы с применением силы. Так, 6 июня 1921 г. в губисполком и в губком РКП(б) обратился председатель Кирсановского исполкома Знаменский, который сообщил, что «воинские части и лица самовольно вытряхивали людей из помещений под насилием, а сами поселялись» [14, л. 22]. Жена бывшего Елатомского городского головы М. А. Замешаева в феврале 1918 г. делилась со своей дочерью в письме переживаниями по поводу текущей ситуации в городе. В частности, она отмечала, что красноармейцы ходили по домам, брали любое имущество, которое хотели, самовольно занимали жилплощадь [35, л. 10-12].

Однако, получив недвижимость богатых граждан, местные власти не всегда могли найти ей достойное применение, что отрицательно сказывалось на состоянии зданий. В качестве примера такого нерачительного использования можно привести дом в губернском центре, принадлежавший известному предпринимателю М. В. Асееву, в котором некоторое время размещалась летняя колония для беднейших граждан города, затем он пустовал, в результате чего для дальнейшего использования дома потребовался значительный ремонт [19, л. 1; 57]. Возникали и иные трудности организационного характера.

20 августа 1918 г. был издан декрет ВЦИК РСФСР «Об отмене права частной собственности на недвижимость в городах» [39]. В городах Тамбовской губернии началась подготовка к реализации распоряжений правительства, продлившаяся до октября-ноября 1918 г.

По свидетельству властей, собственники жилья, понимая неизбежность отчуждения своего имущества, переставали следить за помещениями, намеренно приводили их в негодность. Тамбовский городской исполком в ответ на такие явления предлагал равнодушным гражданам немедленно докладывать в жилищно-земельный отдел исполкома о подобных случаях, чтобы власти смогли принять соответствующие меры по пресечению порчи зданий и помещений [44].

К осени 1918 г. были выработаны отдельные критерии для отчуждения недвижимости. Они могли отличаться в зависимости от конкретного города, решений местных властей и их реализации. В Тамбове по распоряжению губернского отдела управления 2 октября

1918 г. было издано постановление об отмене частной собственности на домовладения, стоимость которых составляла 15 тыс. рублей и более по оценке 1916 г. Отменялось и право собственности на земельные участки в городе. Домовладельцы теряли право на доходы, которые они получали от сдачи в аренду помещений. В уездном Борисоглебске 18 октября 1918 г. был утвержден порядок муниципализации. Подлежала муниципализации жилая недвижимость, стоимость которой по данным на 1916 г. превышала 15 тыс. руб., а по доходности – 1800 руб. в год. В Усмани в декабре 1918 г. уездный исполком постановил муниципализировать недвижимость, оценка которой по данным на 1916 г. превышала 5 тыс. руб. Такого рода зданий в городе числилось 45 [47; 49; 22, л. 138, 142-142 об.].

Властями городов планировалось массовое отчуждение недвижимости. Тамбовский жилищно-земельный отдел исполкома намеревался национализировать до конца 1918 г. 300 домовладений [20, л. 14; 45]. В Борисоглебске в 1918 г. планировалось муниципализировать всю частную домовую недвижимость [6, л. 64].

На заседании Тамбовского горисполкома 16 октября 1918 г. жилищно-земельному отделу было поручено незамедлительно начать процесс переселения «буржуазии» в квартиры пролетариата, а рабочих – в квартиры и дома «буржуазии» [25, л. 22-22 об.]. Жилищная политика рассматривалась как один из инструментов подавления «эксплуататорских» классов, ликвидации частной собственности и передачи всех прав государству.

В ряде документов отчуждение прав «буржуазных элементов» на недвижимость, процесс их выселения и переселения определялся как «жилищный террор», что отвечало задачам политики «военного коммунизма». Например, 8 сентября 1918 г. президиум Моршанской организации РКП(б) назначил отдельную комиссию по организации жилищного террора [4, л. 16].

26 октября 1918 г. в Тамбове были определены категории граждан, подлежавших выселению и переселению. Владельцам недвижимости, включенным в состав лиц, получивших «нетрудовой» доход, никаких компенсаций за утрату своей собственности не полагалось [21, л. 52]. В тех случаях, когда высшие служащие промышленных, торговых и общественных учреждений и предприятий имели возможность получить жилье по месту службы, их могли выселить из занимаемых ими жилых помещений. В исключительных случаях на тех же условиях переселялись мелкие и средние служащие.

Осенью 1918 г. в городах Тамбовской губернии жилищный кризис стал ощущаться острее. В ходе реализации новой жилищной политики местные власти столкнулись с различными трудностями организационного характера. Так, сотрудник квартирно-жилищного отдела Козловского исполкома Иванов во время заседания уездного исполкома 29 октября 1918 г. заявлял, что отдел, по его мнению, не мог вести планомерную работу, а «лишь улаживал жилищные конфликты» [30, л. 20-20 об.].

В ноябре 1918 г. власти Усмани сообщали о том, что возможности для обеспечения горожан жильем в городе ограничены. Тамбовский губисполком предложил руководству города выселять «лишний элемент» [5, л. 216]. В Липецке местные власти в лице исполкома и ЧК начали выселение «нетрудового» элемента из города [48].

Согласно поступавшей из уездных центров информации, масштабы национализации частных домов осенью 1918 г. были невелики. Так, в Кирсанове к 30 сентября 1918 г. недвижимое имущество было отчуждено у 17 «буржуа», причем А. А. Войков лишился сразу пяти домов, а Л. Л. Толмачев – трех. По данным на сентябрь-октябрь 1918 г. в Липецке было национализировано 11 зданий, в Лебеядни – 10, в Усмани таковых не было совсем. В Козлове в период с лета 1918 г. по февраль 1919 г. по разным сведениям были отчуждены у прежних хозяев в пользу государства от 24 до 32 объектов жилой недвижимости. В число этих домов вошли, например, двухэтажный каменный дом Ф. И. Попова, два двухэтажных дома Л. Л. Ландберг и три двухэтажных дома наследников Я. Н. Стрельникова [24, л. 4, 5, 26, 7, 48, 59, 47; 30, л. 20-20 об.].

К началу 1919 г. жилищный кризис в городах только усилился. По мнению заведующего жилищным подотделом Тамбовского горисполкома Губанова, причиной этого была общая разруха и прифронтовое положение Тамбова, не налаженная система учета помещений, зимний сезон 1918-1919 гг., «неудобный для переселения» из-за погодных условий и др. [10, л. 18 об.-20 об.] Сложности в реализации национализации и муниципализации, включая жилую недвижимость, были характерны не только для Тамбова, но и для остальных городов губернии. Схожие проблемы имелись и в «столичных» Петрограде и Москве [62, с. 71]. Муниципализация была проведена только в 12% городов страны [51; с. 237].

Согласно данным «обязательной регистрации бывших помещиков, капиталистов и лиц, занимавших ответственные должности в царском и буржуазном строе», в октябрь-ноябре 1919 г. в первом оценочном районе г. Тамбова 16,4% горожан (10 человек из 61), внесенных в эти списки, утратили свою недвижимость, во втором районе – 23,6% (35 из 148), данных по третьему району не сохранилось, в четвертом – у 22% (9 из 41) зарегистрированных представителей «буржуазного» класса губернского центра недвижимость была национализирована [26, л. 1-3, 6-9, 24 об.-28, 55-59]. Так, у бывшего фабриканта М. П. Короткова были отчуждены два дома стоимостью 40 тыс. руб., бывший торговец Е. В. Жмаев утратил права на дом, оцененный в 35 тыс. руб. и др. Однако, были и те, в чьей собственности оставалось несколько объектов недвижимости. Например, бывший торговец М. В. Филатов, заведовавший в 1919 г. щепным отделом Тамбовского товарищества кооперативов, имел два дома, оцененных в 1916 г. в 8 тыс. руб. Бывший торговец А. М. Крюков, числившийся безработным, продолжал владеть тремя домами стоимостью 5 тыс. руб. [26, л. 56, 57]

В уездном Кирсанове доля представителей «бывших», чья недвижимость была изъята, была выше и составила по данным на январь 1920 г. 36,5% (42 из 115 человек) [29, л. 3-10 об.].

В качестве одного из подходов по решению «квартирного вопроса» Тамбовский горисполком рассматривал «уплотнение» жилищ совслужащих [18, л. 21]. Чтобы избежать уплотнения и выселения, некоторые «бывшие» от органов власти или учреждений, в которых они работали в качестве «буржуазных специалистов», стремились получить разного рода «оградительные» документы. Получение подобных документов было достаточно распространенным явлением в городах Тамбовской губернии в исследуемый период. Данный факт вызывал беспокойство и возмущение в партийных рядах. Так, в марте 1920 г. коммунист и член Тамбовского уездного исполкома Поляков сообщал в губком о том, что, по его мнению, значительную часть штатов советских учреждений составляли «буржуазные» элементы, «все еще проживавшие в хороших квартирах и имевшие документы, освобождающие от выселений и уплотнений» [15, л. 100-100 об.]. Например, такого рода документы были выданы в 1919 г. бывшему земскому деятелю и военному врачу И. М. Потапову, который занимал должность заместителя начальника Тамбовского эвакуационного пункта [61; с. 311]. Бывший землевладелец и земский деятель С. И. Комсин, заслуживший «авторитет среди крестьян», вплоть до 1930-х гг. распоряжался частью своего дома в Тамбове и др. [1, с. 136-137].

На некоторое «ослабление» в данном вопросе могли рассчитывать те, в ком представители новой власти были заинтересованы для решения разного рода задач. Такого рода привилегией, например, могли воспользоваться члены семей военнослужащих. Так, член Моршанской организации РКП(б) Щербаков, выступая на общем партийном собрании в августе 1919 г., утверждал, что некоторые «буржуа», как, например, управляющий фабрикой Белоусова, «продолжают роскошничать, занимая по несколько комнат, а то и целые дома». В ответ на это замечание другой участник собрания Редкин заявил, что у некоторых «бывших» «затруднительно отобрать жилища, поскольку их сыновья – военнослужащие» [9, л. 27 об. - 28]. Однако факт службы в армии члена семьи не всегда учитывался партийно-государственными органами при реализации новой жилищной политики. Например, 30 ян-

варя 1920 г. в Тамбовский губкомпарт обратился красноармеец 1-го карательного батальона А. Трейзон. 24 января его отец вместе с четырьмя членами семьи получил предписание в трехдневный срок выселиться из квартиры. Основанием для подобного решения местных властей послужило наличие у отца часовой мастерской с одним наемным работником, что, по мнению представителей новой власти, было весомым аргументом для включения его в число «эксплуататоров». Красноармеец просил приостановить выселение хотя бы до весны [15, л. 84-84 об.].

Советской властью признавалось право на занятие дополнительной жилплощади представителями некоторых групп населения, в том числе для осуществления профессиональной деятельности. Однако, в случае необходимости, и эта привилегия могла ограничиваться. Например, врачу Райскому, проживавшему в 1919 г. в Кирсанове – одном из уездных центров Тамбовской губернии, местный комитет компартии предложил отдать 4 из 8 комнат в пользу нуждающихся [8, л. 21-21 об.]. Данное требование было вызвано сложностями, которые возникли у местных властей в процессе национализации и муниципализации и решения жилищного вопроса в городе. К лету 1919 г., согласно докладом, были частично выселены семьи, в которых отсутствовали лица, «не занимавшиеся полезным трудом» и представители «буржуазии». Кроме того, указывалось, что крупной буржуазии в Кирсанове почти не было, а у бывших состоятельных горожан дома уже были заняты и уплотнены [23, л. 5].

Разного рода сложности в реализации жилищной политики возникали и в других городах губернии. 12 августа 1919 г. жилищный вопрос обсуждался на общем собрании Моршанской организации РКП(б), где было констатировано, что нужда в квартирах в городе огромная. Из 558 заявлений на предоставление комнаты было удовлетворено лишь 27 (4,8%) [9, л. 27 об. - 28].

Неоднократно звучала критика о недостаточно результативной работе по выселению бывших «эксплуататоров». Например, в рамках обсуждения жилищных проблем на заседаниях Тамбовского уездно-городского исполкома в марте 1920 г. отмечались многочисленные факты проживания «буржуазии» в хороших квартирах, а представителей пролетариата – в подвалах. 4 августа 1920 г. уполномоченный Тамбовского губпродкома А. Фадзеев по возвращению из командировки в уездный город Усмань докладывал, что в отделе коммунального хозяйства при Усманском исполкоме и его квартирном подотделе, по его мнению, «буржуазия сидит почти нетронута в своих дворцах, а рабочие многие ютятся по-прежнему кое-где» [12, л. 70].

Высказывались предложения о необходимости выселения членов семей «буржуазии» и игнорирования разного рода «охранных грамот». Но к единому мнению по этому вопросу прийти не смогли [28, л. 1]. В уездных городах процесс по выселению «буржуазии» продолжался в середине 1920 – начале 1921 гг. Об этом свидетельствуют многочисленные сообщения из уездов. Например, из Усмани сообщалось, что «уплотнения проводились слабо и буржуазия продолжала жить в своих домах» [11, л. 41; 13, л. 44 об.].

Некоторые бывшие домовладельцы, чья недвижимость была изъята, пытались добиться ее возвращения. Они подавали жалобы, например, в соответствующие бюро при рабоче-крестьянских инспекциях. Однако сотрудники губернской РКИ при рассмотрении такого рода обращений исходили из положений «имущественного террора», руководствуясь принципом «дворцы – рабочим, подвал – буржуям». Руководство губернского Рабкрина в 1920 г. выступило за повышение темпов выселения «буржуазии» [33, л. 37].

По Тамбовской губернии, за исключением городов Елатьмы и Спасска, согласно сведениям губернского бюро жалоб при РКИ, в период с 1 октября по 1 декабря 1921 г. поступило 189 жалоб, связанных с выселением [60]. Президиум Тамбовского губисполкома отмечал, что большинство жалоб, поданных в 1921-1922 гг. в губернское бюро жалоб, касалось нарушений декретов о распределении жилищ, уплотнения частновладельческих домов и т.д. [58]

Жалобы по вопросам жилищной политики подавались в различные инстанции. Например, жительница Моршанска Е. М. Терехова-Жидкова в октябре 1918 г. обращалась в отдел управления Моршанского исполкома с жалобой на реквизицию ее дома жилищно-реквизиционным бюро исполкома. Отдел управления, исходя из того факта, что Е. М. Терехова-Жидкова состояла в браке с богатым гражданином Н. С. Жидковым, имевшим собственный дом, жалобу отклонил [31, л. 50-50 об.].

Вместе с тем, на начальном этапе реализации советской жилищной политики в Тамбовской губернии отмечались факты возвращения отчужденной жилой недвижимости при наличии веских аргументов со стороны заявителя. Например, 15 марта 1918 г. содержатель меблированных комнат Александров обратился в Тамбовский горисполком с просьбой о снятии «реквизиции» с его домовладения в губернском центре, поскольку других источников дохода он не имел. Его доводы в исполкоме сочли убедительными и просьбу удовлетворили 21 марта 1918 г. [17, л. 33]. Иногда «бывшим» оставляли часть недвижимого имущества. Так, летом 1918 г. в Козлове вся крупная местная «буржуазия», имевшая дачи, была выселена за пределы города в свои загородные дома [7, л. 29-29 об.].

Иногда недвижимое имущество неоднократно отчуждалось и вновь возвращалось бывшим владельцам. Например, бывший помещик А. Г. Зацепин, включенный в списки «лишенцев» г. Кадома, утратил в начале 1919 г. право собственности на ранее принадлежавший ему дом. По мнению местных властей, А. Г. Зацепин занимал слишком большую площадь. Его дом был передан местному отделу народного образования. Однако после неоднократных жалоб Зацепина власти позволили ему получать с отдела народного образования арендную плату за пользование его домом. В апреле 1922 г. Зацепину, после обращения в рабкрин, вернули его дом, но спустя неделю по распоряжению Кадомского исполкома вновь выселили из него [32, л. 1,3, 7-9].

В результате реализации новой жилищной политики к 1 октября 1921 г. в 13 городах Тамбовской губернии в собственность властей перешло 2279 домов [58]. В целом, по стране в собственность государства в годы революции и Гражданской войны перешло 18% жилищного фонда городов и рабочих поселков РСФСР [41, с. 89-90].

Переход к НЭПу затронул и жилищную политику советского государства. Согласно декретам СНК от 30 июля и 8 августа 1921 г., произошел пересмотр произведенной муниципализации в отношении некоторых домовладений и политики выселений [62, с. 119]. Одним из ключевых условий, на основании которого бывшие собственники могли вернуть свою недвижимость, стала обязанность по содержанию и ремонту зданий [53]. На местном уровне этот процесс начался еще раньше. С 1920 г. в ряде городов Тамбовской губернии фиксировались факты частичной демунципализации недвижимости. Планировалось демунципализовать около 25% домов в городах Тамбовской губернии, включая 148 домов в Тамбове, 128 – в Кирсанове, 49 – в Борисоглебске [40].

Таким образом, жилищный вопрос стал одной из составляющих политики «военного коммунизма». В ходе его решения предполагалось обеспечить жильем представителей «трудящихся» классов и лишить собственности «эксплуататоров», сосредоточить ее в руках государства, создав тем самым мощную распределительную систему. Изъятая недвижимость имущих слоев населения городов Тамбовской губернии использовалась для размещения различного рода учреждений, расселения нуждающихся. Однако распоряжались представители местных органов советской власти полученной собственностью не всегда эффективно и рачительно. Власти руководствовались классовым подходом в реализации жилищной политики в городах губернии, но вынуждены были в ряде случаев отходить от него, в том числе, если были заинтересованы в использовании профессиональных навыков и опыта отдельных представителей «социально чуждых» элементов городского населения. Представители «буржуазии» в городах губернии использовали различные механизмы для уклонения от выселения и уплотнения, сохраняя в сравнении с остальными слоями населения более

комфортные жилищные условия. Данная тенденция была характерна и для других регионов Советской России.

Список источников и литературы

1. Алехина, Е. В. (2015). *Патриотическая деятельность Тамбовского земства в период Первой мировой войны 1914-1918 гг.: монография*. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина. 152 с.
2. Бувевич, Т. В. (2017). *«Вы потеснитесь, граждане»: революционный жилищный передел Витебска в 1917-1921 годах // Великая Российская революция 1917 года в истории и судьбах народов и регионов России, Беларуси, Европы и мира в контексте исторических реалий XX-XXI века: материалы международной научной конференции*. Витебск - Псков, 27 февраля - 3 марта 2017 г. Витебск. С. 184-190.
3. Государственный архив социально-политической истории Тамбовской области (ГАСПИТО). Ф. П-382. Оп. 1. Д. 79.
4. ГАСПИТО. Ф. П-382. Оп. 1. Д. 99.
5. ГАСПИТО. Ф. П-382. Оп. 1. Д. 119.
6. ГАСПИТО. Ф. П-382. Оп. 1. Д. 134.
7. ГАСПИТО. Ф. П-834. Оп. 1. Д. 14.
8. ГАСПИТО. Ф. П-840. Оп. 1. Д. 192.
9. ГАСПИТО. Ф. П-840. Оп. 1. Д. 230.
10. ГАСПИТО. Ф. П-840. Оп. 1. Д. 260.
11. ГАСПИТО. Ф. П-840. Оп. 1. Д. 508.
12. ГАСПИТО. Ф. П-840. Оп. 1. Д. 672.
13. ГАСПИТО. Ф. П-840. Оп. 1. Д. 1042.
14. ГАСПИТО. Ф. П-840. Оп. 1. Д. 1104.
15. ГАСПИТО. Ф. П-842. Оп. 1. Д. 80.
16. Государственный архив Тамбовской области (ГАТО). Ф. Р-1. Оп. 1 Д. 38.
17. ГАТО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 82.
18. ГАТО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 105.
19. ГАТО. Ф. Р-6. Оп. 1. Д. 70.
20. ГАТО. Ф. Р-6. Оп. 1. Д. 62.
21. ГАТО. Ф. Р-6. Оп. 1. Д. 82.
22. ГАТО. Ф. Р-17. Оп. 1. Д. 25.
23. ГАТО. Ф. Р-17. Оп. 1. Д. 100.
24. ГАТО. Ф. Р-394. Оп. 1. Д. 190.
25. ГАТО. Ф. Р-398. Оп. 1. Д. 27.
26. ГАТО. Ф. Р-398. Оп. 1. Д. 137.
27. ГАТО. Ф. Р-398. Оп. 1. Д. 138.
28. ГАТО. Ф. Р-398. Оп. 1. Д. 407.
29. ГАТО. Ф. Р-400. Оп. 1. Д. 60.
30. ГАТО. Ф. Р-401. Оп. 1. Д. 6.
31. ГАТО. Ф. Р-403. Оп. 1. Д. 4.
32. ГАТО. Ф. Р-708. Оп. 1. Д. 355.
33. ГАТО. Ф. Р-708. Оп. 1. Д. 47.
34. ГАТО. Ф. Р-761. Оп. 1. Д. 573.
35. ГАТО. Ф. Р-5342. Оп. 1. Д. 2.
36. Гатилов, Э. В. (2016) *Экспроприация частновладельческой собственности в Елецком уезде Орловской губернии в 1917-1918 гг. // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. № 22(243)*. С. 150-160.

37. Декрет ВЦИК «Об отмене наследования» // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917-1918 гг. Москва: Управление делами Совнаркома СССР, 1942. С. 478-480.

38. Декрет «О запрещении сделок с недвижимостью» // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917-1918 гг. Москва: Управление делами Совнаркома СССР, 1942. С. 152.

39. Декрет «Об отмене частной собственности на недвижимости в городах» // Декреты Советской власти. Москва: Политиздат, 1964. Т. III. 11 июля - 9 ноября 1918 г. С. 232-236.

40. Демунципализация и сдача в аренду // Тамбовское Губернское Экономическое Собрание. Отчет Тамбовского Губернского Экономического Собрания Совету Труда и Обороны за период с 1 октября 1921 г. по 1 апреля 1922 г. Тамбов, 1922. С. 131.

41. Дмитриев, Н. Г. (1973). *Жилищный вопрос: Два мира - два подхода*. Москва: Московский рабочий. 207 с.

42. Зайнапов, А. Г. (2014). *Государственная жилищная политика в советском городе в 1917-1937 годах как политический инструмент в строительстве нового общества* // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота. № 7. Ч. 2. С. 76-79.

43. Зайцева, О. М., Стрекалова, Н. В. (2017). *Элита и средние слои провинциального губернского центра в революционном изломе 1917 г. (на материалах Тамбова)* // Великая Российская революционная трансформация: взгляд через 100-летие. Материалы научно-экспертных сессий и Международной научной конференции (Москва, 2016-2017 гг.). Тверь: ООО «СФК-офис». С. 272-282.

44. Известия Тамбовского Губернского Совета Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов. 1918, 10 октября (27 сентября). № 174.

45. Известия Тамбовского Губернского Совета Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов. 1918, 12 октября (29 сентября). № 176.

46. Известия Тамбовского Губернского Совета Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов. 1918, 17 (4) октября. № 180.

47. Известия Тамбовского Губернского Совета Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов. 1918, 18 (5) октября. № 181.

48. Известия Тамбовского Губернского Совета Рабочих, Красноармейских и Крестьянских Депутатов. 1918, 1 ноября. № 193.

49. Известия Тамбовского Губернского Совета Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов. 1918, 22 декабря. № 235.

50. Ильюхов, А. А. (2007). *Жизнь в эпоху перемен: Материальное положение городских жителей в годы революции и Гражданской войны (1917-1921 гг.)*. Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН). 264 с.

51. Канищев, В. В. (1998). *Городские средние слои в период формирования основ советского общества. Октябрь 1917-1920 гг.: По материалам Центра России*: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. Москва.

52. Канищев, В. В. (1997). *Приспособление ради выживания (мещанское бытие эпохи «военного коммунизма»)* // Революция и человек: быт, нравы, поведение, мораль. С. 98-115.

53. Коммунальное хозяйство (Отчет Губгорко) // Краткий обзор деятельности ГИК и его Президиума за 1921-22 отчетный год. Тамбов: Тамбовский губернский исполнительный комитет, 1922. С. 507.

54. Медеубаев, Е. И. (2017). *Политика советского государства в жилищной сфере в городах Казахской и Туркестанской АССР в период «Военного коммунизма» (1918-1921 гг.)* // История повседневности. № 1 (3). С. 23-34.

55. Нарский, И. В. (2001). *Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917-1922 гг.* Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН). 632 с.
56. Насонова, А. И. (2019). *История административных зданий центра города Тамбова в XX - начале XXI века* // Тамбов в прошлом, настоящем и будущем: материалы IX Всероссийской научной конференции (г. Тамбов, 16 апреля 2019 г.). Тамбов: ООО "ТПС". С. 195-202.
57. Объявление Тамбовской городской коллегии по делам местного хозяйства об организации летних колоний для беднейших граждан Тамбова // Советы Тамбовской губернии в годы Гражданской войны 1918-1921 гг.: сборник документов и материалов. Воронеж, 1989. С. 54.
58. Отчет губернской Рабоче-Крестьянской инспекции за время 1.10.1921 по 1.10.1922 года // Тамбовский губернский исполнительный комитет. Краткий обзор народно-го хозяйства Тамбовской губернии за 1921-1922 гг. Тамбов, 1922. С. 544.
59. Постановление по Народному комиссариату по Внутренним Делах «О жилищном моратории» // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917-1918 гг. Москва: Управление делами Совнаркома СССР, 1942. С. 15.
60. Сводка жалоб и заявлений по бюро жалоб Тамбовской губернии // Тамбовское Губернское Экономическое Собрание. Отчет Тамбовского Губернского Экономического Собрания Совету Труда и Оборона за период с 1 октября 1921 г. по 1 апреля 1922 г. Тамбов, 1922. С. 156.
61. Середа, В. П. (2014). *«Гордо неси свое горькое бремя...» И. М. Потапов.* Тамбов: ОАО «Издательский дом «Мичуринск». 512 с.
62. Смирнова, Т. М. (2003). *«Бывшие люди» Советской России. Стратегии выживания и пути интеграции. 1917-1936 годы.* Москва: Мир истории. 296 с.
63. Федоров, А. Н. (2008). *Жилище в послереволюционной Москве как объект политики и повседневной жизни (1917-1918 гг.)* // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. №. 1 (11). С. 54-59.

References

1. Alekhina, E. V. (2015). *Patrioticheskaya deyatelnost' Tambovskogo zemstva v period Pervoj mirovoj vojny 1914-1918 gg.: monografiya* [Patriotic activity of the Tambov Zemstvo during the First World War of 1914-1918: monograph]. Tambov, Izdatel'skij dom TGU im. G. R. Derzhavina. (in Russian).
2. Buevich, T. V. (2017). *«Vy potesnites', grazhdane»: revolyucionnyj zhilishchnyj peredel Vitebska v 1917-1921 godah* ["You make room, citizens": the revolutionary housing redistribution of Vitebsk in 1917-1921] in Velikaya Rossijskaya revolyuciya 1917 goda v istorii i sud'bah narodov i regionov Rossii, Belarusi, Evropy i mira v kontekste istoricheskikh realij XX-XXI veka: materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Vitebsk. 184-190. (in Russian).
3. Gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoy istorii Tambovskoj oblasti (GASPITO). F. P-382. Op. 1. D. 79. (in Russian).
4. GASPITO. F. P-382. Op. 1. D. 99. (in Russian).
5. GASPITO. F. P-382. Op. 1. D. 119. (in Russian).
6. GASPITO. F. P-382. Op. 1. D. 134. (in Russian).
7. GASPITO. F. P-834. Op. 1. D. 14. (in Russian).
8. GASPITO. F. P-840. Op. 1. D. 192. (in Russian).
9. GASPITO. F. P-840. Op. 1. D. 230. (in Russian).
10. GASPITO. F. P-840. Op. 1. D. 260. (in Russian).
11. GASPITO. F. P-840. Op. 1. D. 508. (in Russian).
12. GASPITO. F. P-840. Op. 1. D. 672. (in Russian).
13. GASPITO. F. P-840. Op. 1. D. 1042. (in Russian).

14. GASPITO. F. P-840. Op. 1. D. 1104. (in Russian).
15. GASPITO. F. P-842. Op. 1. D. 80. (in Russian).
16. Gosudarstvennyj arhiv Tambovskoj oblasti (GATO). F. R-1. Op. 1 D. 38. (in Russian).
17. GATO. F. R-1. Op. 1. D. 82. (in Russian).
18. GATO. F. R-1. Op. 1. D. 105. (in Russian).
19. GATO. F. R-6. Op. 1. D. 70. (in Russian).
20. GATO. F. R-6. Op. 1. D. 62. (in Russian).
21. GATO. F. R-6. Op. 1. D. 82. (in Russian).
22. GATO. F. R-17. Op. 1. D. 25. (in Russian).
23. GATO. F. R-17. Op. 1. D. 100. (in Russian).
24. GATO. F. R-394. Op. 1. D. 190. (in Russian).
25. GATO. F. R-398. Op. 1. D. 27. (in Russian).
26. GATO. F. R-398. Op. 1. D. 137. (in Russian).
27. GATO. F. R-398. Op. 1. D. 138. (in Russian).
28. GATO. F. R-398. Op. 1. D. 407. (in Russian).
29. GATO. F. R-400. Op. 1. D. 60. (in Russian).
30. GATO. F. R-401. Op. 1. D. 6. (in Russian).
31. GATO. F. R-403. Op. 1. D. 4. (in Russian).
32. GATO. F. R-708. Op. 1. D. 355. (in Russian).
33. GATO. F. R-708. Op. 1. D. 47. (in Russian).
34. GATO. F. R-761. Op. 1. D. 573. (in Russian).
35. GATO. F. P-5342. Op. 1. D. 2. (in Russian).
36. Gatilov, E. V. (2016) *Ekspropriaciya chastnovladel'cheskoj sobstvennosti v Eleckom uezde Orlovskoj gubernii v 1917-1918 gg.* [Expropriation of private property in the Yelets district of the Orel province in 1917-1918.] in *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istorija. Politologiya*, 22 (243), 150-160. (in Russian).
37. Dekret VCIK «Ob otmene nasledovaniya» [Decree of the Central Executive Committee "On the abolition of inheritance"] in *Sobranie zakonov i rasporyazhenij pravitel'stva za 1917-1918 gg.* Moscow, Upravlenie delami Sovnarkoma SSSR. 1942. 478-480. (in Russian).
38. Dekret «O zapreshchenii sdelok s nedvizhimost'ju» [Decree "On the prohibition of Real estate transactions"] in *Sobranie zakonov i rasporyazhenij pravitel'stva za 1917-1918 gg.* Moscow, Upravlenie delami Sovnarkoma SSSR/ 1942. 152. (in Russian).
39. Dekret «Ob otmene chastnoj sobstvennosti na nedvizhimosti v gorodah» [Decree "On the Abolition of Private ownership of real estate in cities"] in *Dekrety Sovetskoj vlasti.* Moscow, Politizdat, 1964. T. III. 11 iyulya – 9 noyabrya 1918 g. 232-236. (in Russian).
40. Demunicipalizaciya i sdacha v arendu [Demunicipalization and leasing] in *Tambovskoe Gubernskoe Ekonomicheskoe Soveshchanie. Otchet Tambovskogo Gubernskogo Ekonomicheskogo Soveshchaniya Sovetu Truda i Oborony za period s 1 oktyabrya 1921 g. po 1 aprelya 1922 g.* Tambov, 1922. 131. (in Russian).
41. Dmitriev, N. G. (1973). *Zhilishchnyj vopros: Dva mira - dva podhoda.* [Housing issue: Two worlds - two approaches]. Moscow, Moskovskij rabochij. 89-90. (in Russian).
42. Zajnapov, A. G. (2014). *Gosudarstvennaya zhilishchnaya politika v sovetskom gorode v 1917-1937 godah kak politicheskij instrument v stroitel'stve novogo obshchestva* [State housing policy in the Soviet city in 1917-1937 as a political tool in the construction of a new society] in *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kulturologiya i iskusstvedenie. Voprosy teorii i praktiki.* Tambov, Gramota, 7, ch. 2, 76-79. (in Russian).
43. Zajceva, O. M., Strekalova, N. V. (2017). *Elita i srednie sloi provincial'nogo gubernskogo centra v revolyucionnom izlome 1917 g. (na materialah Tambova)* [The elite and the middle strata of the provincial provincial center in the revolutionary break of 1917 (based on the materials of Tambov)] in *Velikaya Rossijskaya revolyucionnaya transformaciya: vzglyad cherez*

100-letie. Materialy nauchno-ekspertnyh sessij i Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (Moskva, 2016–2017 gg.). Tver', ООО «SFK-ofis», 272-282. (in Russian).

44. Izvestiya Tambovskogo Gubernskogo Soveta Rabochih, Soldatskih i Krest'yanskih Deputatov. 1918, 10 oktyabrya (27 sentyabrya). № 174. [News of the Tambov Provincial Council of Workers', Soldiers' and Peasants' Deputies. 1918, October 10 (September 27)]. (in Russian).

45. Izvestiya Tambovskogo Gubernskogo Soveta Rabochih, Soldatskih i Krest'yanskih Deputatov. 1918, 12 oktyabrya (29 sentyabrya). № 176. [News of the Tambov Provincial Council of Workers', Soldiers' and Peasants' Deputies. 1918, October 12 (September 29). № 176.]. (in Russian).

46. Izvestiya Tambovskogo Gubernskogo Soveta Rabochih, Soldatskih i Krest'yanskih Deputatov. 1918, 17 (4) oktyabrya. № 180. [News of the Tambov Provincial Council of Workers', Soldiers' and Peasants' Deputies. 1918, October 17 (4). № 180.] (in Russian).

47. Izvestiya Tambovskogo Gubernskogo Soveta Rabochih, Soldatskih i Krest'yanskih Deputatov. 1918, 18 (5) oktyabrya. № 181. [News of the Tambov Provincial Council of Workers', Soldiers' and Peasants' Deputies. 1918, October 18(5). № 181.] (in Russian).

48. Izvestiya Tambovskogo Gubernskogo Soveta Rabochih, Soldatskih i Krest'yanskih Deputatov. 1918, 1 noyabrya. № 193. [News of the Tambov Provincial Council of Workers, Red Army and Peasant Deputies. 1918, November 1. № 193.] (in Russian).

49. Izvestiya Tambovskogo Gubernskogo Soveta Rabochih, Soldatskih i Krest'yanskih Deputatov. 1918, 22 dekabrya. № 235. [News of the Tambov Provincial Council of Workers', Soldiers' and Peasants' Deputies. 1918, December 22. № 235.] (in Russian).

50. Il'yuhov, A. A. (2007). *Zhizn' v epohu peremen: Material'noe polozhenie gorodskih zhitelej v gody revolyucii i Grazhdanskoj vojny (1917-1921 gg.)*. [Life in an Era of Change: The financial situation of urban residents during the Revolution and the Civil War (1917-1921).] Moscow, Rossijskaya politicheskaya enciklopediya (ROSSPEN). (in Russian).

51. Kanishchev, V. V. (1998). *Gorodskie srednie sloi v period formirovaniya osnov sovetskogo obshchestva. Oktyabr' 1917-1920 gg.: Po materialam Centra Rossii* [Urban middle strata during the formation of the foundations of Soviet society. October 1917-1920: Based on the materials of the Center of Russia]. (doctoral dissertation). Moscow. (in Russian).

52. Kanishchev, V. V. (1997). *Prisposoblenie radi vyzhivaniya (meshchanskoe bytie epohi «voennogo kommunizma»)* [Adaptation for the sake of survival (petty-bourgeois existence of the era of "war communism")] in *Revolyuciya i chelovek: byt, nrvy, povedenie, moral'*. Moscow. 98-115. (in Russian).

53. Kommunal'noe hozyajstvo (Otchet Gubgorko) [Public utilities (Gubgorko Report)] in *Kratkij obzor deyatel'nosti GIK i ego Prezidiuma za 1921-22 otchetnyj god*. Tambov, Tambovskij gubernskij ispolnitel'nyj komitet, 1922. 507. (in Russian).

54. Medeubaev, E. I. (2017). *Politika sovetskogo gosudarstva v zhilishchnoj sfere v gorodah Kazahskoj i Turkestanskoj ASSR v period «Voennogo kommunizma» (1918-1921 gg.)* [The policy of the Soviet state in the housing sector in the cities of the Kazakh and Turkestan ASSR during the period of "War Communism" (1918-1921).] in *Istoriya povsednevnosti*, 1 (3), 23-34. (in Russian).

55. Narskij, I. V. (2001). *Zhizn' v katastrofe: Budni naseleniya Urala v 1917-1922 gg.* [Life in a catastrophe: Everyday life of the population of the Urals in 1917-1922.] Moscow, Rossijskaya politicheskaya enciklopediya (ROSSPEN) Publ. (in Russian).

56. Nasonova, A. I. (2019). *Istoriya administrativnyh zdanij centra goroda Tambova v HKH - nachale HKHI veka* [The history of the administrative buildings of the city center of Tambov in the XX - early XXI century] in *Tambov v proshlom, nastoyashchem i budushchem: materialy IX Vserossijskoj nauchnoj konferencii (g. Tambov, 16 aprelya 2019 g.)*. Tambov, ООО "TPS". 195-202. (in Russian).

57. Ob'yavlenie Tambovskoj gorodskoj kollegii po delam mestnogo hozyajstva ob organizacii letnih kolonij dlya bednejshih grazhdan Tambova [Announcement of the Tambov City Board

for Local Economy on the organization of summer colonies for the poorest citizens of Tambov] in *Sovety Tambovskoj gubernii v gody Grazhdanskoj vojny 1918-1921 gg.: sbornik dokumentov i materialov*. Voronezh, 1989. (in Russian).

58. Otchet gubernskoj Raboche-Krest'yanskoj inspekcii za vremya 1.10.1921 po 1.10.1922 goda [Report of the provincial Workers' and Peasants' Inspection for the period of 1.10.1921 to 1.10.1922] in *Tambovskij gubernskij ispolnitel'nyj komitet. Kratkij obzor narodnogo hozyajstva Tambovskoj gubernii za 1921-1922 gg.* Tambov, 1922. (in Russian).

59. Postanovlenie po Narodnomu komissariatu po Vnutrennim Delam «O zhilishchnom moratorii» [Resolution on the People's Commissariat for Internal Affairs "On Housing moratorium"] in *Sobranie zakonov i rasporyazhenij pravitel'stva za 1917-1918 gg.* Moscow, Upravlenie delami Sovnarkoma SSSR/ 1942. (in Russian).

60. Svodka zhalob i zayavlenij po byuro zhalob Tambovskoj gubernii [Summary of complaints and statements by the Bureau of Complaints of the Tambov province] in *Tambovskoe Gubernskoe Ekonomicheskoe Soveshchanie. Otchet Tambovskogo Gubernskogo Ekonomicheskogo Soveshchaniya Sovetu Truda i Oborony za period s 1 oktyabrya 1921 g. po 1 aprelya 1922 g.* Tambov, 1922. (in Russian).

61. Sereda, V. P. (2014). «*Gordo nesi svoe gor'koe bremya...*» I. M. Potapov. ["Proudly bear your bitter burden..." I. M. Potapov.] Tambov, OAO «Izdatel'skij dom «Michurinsk». (in Russian).

62. Smirnova, T. M. (2003) «*Byvshie lyudi*» *Sovetskoj Rossii. Strategii vyzhivaniya i puti integracii. 1917-1936 gody.* ["Former people" of Soviet Russia. Survival strategies and ways of integration. 1917-1936 years.] Moscow, Mir istorii Publ. (in Russian).

63. Fedorov, A. N. (2008). *Zhilishche v poslerevolucionnoj Moskve kak ob"ekt politiki i povsednevnoj zhizni (1917-1918 gg.)* [Housing in Post-revolutionary Moscow as an object of politics and everyday life (1917-1918)] in *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Istorija Rossii*, 1 (11), 54-59. (in Russian).

Сафонов Д. А.
(Тамбов)

УДК 94(47):329.78

КОМСОМОЛЬЦЫ РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ ПЕРВОГО ПРИЗЫВА: МИРООЩУЩЕНИЕ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ¹

Используемое в литературе определение «поколения революции», «поколения революционного перелома» включает в себя людей, родившихся после 90-х гг. XIX в., чье социальное становление и политическая активность пришлись на время революции и гражданской войны. В то же время внутри этого поколения можно увидеть еще более узкие социальные группы, среди которых автор выделяет поколение первых комсомольцев, как специфическую социальную группу, объединяющую людей одного возраста и общих возможностей. Участники революционных преобразований, родившиеся в 1890-х гг., были уже сформировавшимися личностями: выросшими в традиционной среде, с традиционными ценностями. Пришедшие в коммунистический союз в 1919-1920 гг., юноши и девушки были в массе своей рождены в начале XX в. Принципы, ценности, правила, традиции, которые для их родителей оставались в массе своей незыблемыми, традиционными, в сложных условиях меняющейся реальности в сознании их детей теряли свою исключительность и безусловность. Способность к иному мироощущению, и, соответственно, поведению была на определенном этапе подкреплена определенными силами, использовавшими это в своих целях. В то же время, как это и случается в эпохи социальных перемен, заработали социальные лифты, дававшие реальные возможности подросткам вырваться за пределы той реальности, которая им прогнозировалась исходным бытием и имеющимися возможностями. Складывание «поколения комсомольцев» в различных регионах страны при общности тенденции происходило под воздействием местных субъективных факторов. Здесь в качестве региона взято Оренбуржье, Оренбургская губерния – юго-восточная окраина европейской части страны. Источниковой базой являются все источники личного происхождения рассматриваемого региона.

Ключевые слова: коммунистический союз молодежи, провинция, первое поколение, источники личного происхождения, взгляды, политическая активность.

The definition of such terms as “generation of revolution”, “generation of revolutionary change” used in the literature includes people born after the 1890s., whose social formation and political activity occurred at the time of the revolution and civil war. At the same time, even narrower social groups can be seen within this generation, among which the author singles out the generation of the first Komsomol members as a specific social group that unites people of the same age and common opportunities. The participants in the revolutionary transformations, who were born in the 1890s, were already formed personalities: they grew up in a traditional environment, with its traditional values. Boys and girls who joined the communist union in 1919-1920 were for the most part born at the beginning of the 20th century. For them principles, values, rules, traditions, that remained unshakable and traditional for their parents, in the difficult conditions of a changing reality lost their exclusivity and absoluteness. The capability to have a different worldview, and behavior, accordingly, was at a certain stage reinforced by certain forces that used it for their own purposes. At the same time, as it often happens in times of social change, social lifts began to work, giving teenagers real opportunities to break out of the reality that was

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22 -18 - 00132, <https://rscf.ru/project/22-18-00132/>. The study was supported by the Russian Science Foundation, grant No. 22-18-00132, <https://rscf.ru/project/22-18-00132/>.

predicted for them by their original existence and available opportunities. The formation of the “generation of Komsomol members” in various regions of the country, with a common trend, took place under the influence of local subjective factors. Here, Orenburg region is taken as a region, the Orenburg province - the southeastern outskirts of the European part of the country. The source base is built on the sources of personal origin of the region in question.

Keywords: communist youth union, province, first generation, sources of personal origin, views, political activity.

DOI: 10.24888/2410-4205-2022-33-4-39-57

Важно учитывать, что тема начала истории комсомола не просто имеет богатую историографию, но историографию, определенным образом заданную. Советская историографическая традиция рассматривала каждый этап истории ВЛКСМ как качественный этап успешного развития. Возникновение коммунистического союза в сложных условиях гражданской войны освещалось наиболее не критично. Облик первых комсомольцев, бескорыстных, готовых на самоотверженные действия во имя великой цели, созданный в советской литературе, ощутимо подкреплялся множественными публикациями мемуаров старых комсомольцев. Все это нашло отражение в огромном количестве публикаций советского периода по истории ВЛКСМ [44, 14, 10], где начало комсомола освещалось исключительно комплиментарно. Соответственно излагалась история местных организаций [50, 4]. Когда в перестройку начались, а в пост-перестроечный период продолжились публикации по истории молодежной организации, в которых поднимались ранее закрытые, или нежелательные, темы, вроде репрессий в комсомоле, усиливающегося бюрократизма и т.п., сюжет начала истории комсомола в принципе продолжал восприниматься и освещаться в прежнем ключе. В рамках региональных подходов история местных организаций стала изучаться глубже, детальнее, но оценки в целом оставались прежними [51, 52].

Особый интерес представляют члены коммунистического союза, назовем их условно «первого призыва», т.е. те, кто собственно и формировал этот союз в первые годы его истории. В историографии используется определение «поколения революции» или «поколения революционного перелома» - куда относятся люди, родившиеся после 90-х гг. XIX в. [5, 47]. При расширительном толковании временных рамок такого «поколения» первые комсомольцы в это поколение, несомненно, входят. Но, с другой стороны, на наш взгляд – это уже несколько иное поколение; это еще и специфическая социальная группа: одного возраста и общих возможностей. Складывание такой группы в различных регионах страны при общности тенденции происходило под воздействием местных субъективных факторов. Уже делались попытки анализа региональных особенностей – например, в Дальневосточном регионе [2]. Мы предлагаем рассмотреть проблему, взяв в качестве региона Оренбуржье, Оренбургскую губернию – юго-восточную окраину европейской части страны.

Логически рассуждая, к «первым комсомольцам» можно отнести вступивших в РКСМ в первые годы, вероятнее всего, до завершения гражданской войны – поскольку комсомольская деятельность в период восстановления все же имела несколько иную направленность, а ряды комсомольцев пополнились вернувшимися с фронтов.

Многие авторы берут в качестве временных рамок 1920-е годы: формально это можно рассматривать как этап, когда закладывались основы организации, ее идеологии, направления деятельности и т.п. Авторы отмечают антирелигиозную направленность действий комсомольцев [3], трансформацию ценностных ориентаций [37, 43], нарастающий конфликт с родителями [37].

Восприятие 1920-х годов как чего-то единого невольно скрадывает особенности, возникавшие из-за таких факторов, как военный коммунизм, нэп, коллективизация. Точно так же наблюдения и выводы, сделанные по второй половине 1920-х гг., невольно экстраполируются на первые годы. Значительно меньшее число авторов берет иные, на наш взгляд, более корректные рубежи: «первое десятилетие советской власти» [6], 1918-1929 гг.

[45, 46]. Но по текстам видно, что основной массив информации – преимущественно из все тех же 1920-х годов. Применительно к Оренбуржью, хронологические рамки будут следующие: 23 июня 1919 г. – день рождения оренбургского комсомола – и до 1921 г., когда усилившийся голод прекратил на время работу многих оренбургских организаций, в том числе комсомольских ячеек, в основном деревенских.

Говорить о взглядах людей прошлого достаточно сложно. Чьи-либо оценки слов и действий всегда субъективны. Потому мы берем за основу источники личного происхождения оренбургских комсомольцев 1919-1921 гг. Разумеется, и в советскую эпоху мемуары первых комсомольцев активно использовались, преимущественно опубликованные. Источники из молодежной среды привлекаются и сегодня, как, например, Р. В. Рыбаковым [38]. Однако, источников такого рода очень много; информация из них используется порой достаточно избирательно – так, Р. В. Рыбаков для серьезной проблемы «восприятия революции в России молодежью» в качестве источников заявляет письма и дневники 1917-го — первой половины 1920-х гг., и раскрывает ее на пяти безымянных архивных ссылках. Мы владеем полной информацией об источниках личного происхождения периода революции и гражданской войны в Оренбуржье [42] и ответственно утверждаем, что полная источниковая база истории начального этапа строительства коммунистического союза в Оренбуржье охватывает воспоминания 59 чел., общее количество текстов – 106. Тексты не равноценны: газетных публикаций из них – 42, публикаций в сборниках воспоминаний – 4; это дает примерно 40% от общего числа. Книжные публикации подвергались серьезной редакторской правке на этапе подготовки – в чем легко убедиться, сравнив книжный текст с рукописными материалами. Газетные публикации в абсолютном большинстве малосодержательны, в них с избытком политических и газетных штампов, очевидно воздействие цензуры. Немало штампов и в рукописных мемуарах, но там, по крайней мере, присутствовала только самоцензура. Мемуары писались в основном во второй половине 1950-х гг., и потому на авторов, несомненно, оказывали влияние укоренившиеся в литературе и пропаганде лозунги, оценки, даже речевые обороты. Не стоит сбрасывать со счетов и то, что авторы писали о своей молодости, и потому никак не могли отказаться от некоторой романтизации своей юности. И все же, в имеющихся текстах личного происхождения, которые можно считать естественной выборкой, содержится много интересной информации. Не все авторы давали о себе личные данные, некоторые приводили информацию о себе в ходе повествования, у многих в архиве остались автобиографии. Мы не придерживаемся строго административных границ губернии на 1919-1921 гг., поскольку эти границы в рассматриваемый период принципиальной роли не играли.

Единой концепции строительства комсомольского движения изначально не существовало, как не было единой линии, кадров, литературы и прочего, необходимого для создания большой организации в общегосударственном масштабе. Все это создавалось постепенно.

Позднее в историографии утвердилось убеждение, что едва ли не с самого начала комсомольская организация страны функционировала как единое целое, как безусловная реализация на местах установок партии и ЦК РКСМ. И как следствие – единство во взглядах, мнениях, ценностях первых комсомольцев. При таком подходе не было основания для разговора о региональных особенностях; все инициативы, кампании были едины. В принципе к этому в итоге пришли; но именно на начальном этапе были определенные различия. Без преувеличения в каждом регионе процесс создания там местной организации коммунистического союза молодежи имел свои особенности, объясняемые объективными и субъективными факторами. Применительно к Оренбуржью мы выделяем два основных, определяющих: затяжной характер ожесточенного противостояния, имевший следствием итоговую четкую поляризацию сил, и наличие в Оренбурге действительно «рабочей» власти. По первому фактору: В январе 1918 г. Оренбург был занят красными, 2 июля оставлен. В середине августа белые заняли Башкирию, в конце сентября пал красный Орск. В декабре в

Башкирии начинают отступать колчаковцы - 29 декабря красными был взят Стерлитамак, 31-го – Уфа, 22 января 1919 г. – Оренбург, 26 февраля - Орск. Но уже в конце марта белые вновь перешли в наступление – 7 апреля ими вновь взят Орск, началась массовая эвакуация советских работников и активистов из Оренбургской губернии. Оренбург до августа находился в осаде, оставаясь последним «красным» городом в регионе. Затем боевые действия на этом участке фронта переместились в Зауралье и в первой половине сентября «белые» оренбургские казаки были вытеснены с войсковой территории; открытое противостояние завершилось.

По второму фактору - относительно «рабочей» власти. Летом 1917 г. оренбургская организация РСДРП, до этого бывшая единой, разделилась на большевиков и меньшевиков. Раздел произошел не только по идейным соображениям – большевиками объявили себя исключительно рабочие, во главе с рабочим железнодорожных мастерских Г. Коростелевым, «образованные» же сделали выбор за меньшевиков. В итоге, в январе 1918 г. Оренбург оказался едва ли не единственным центром России, где «рабочая» власть была действительно у рабочих. Об этих людях писал в мемуарах 1920-х гг. член губисполкома Маслов: «мы, волей пролетарской диктатуры долженствующие власть у руля советского строительства, почти абсолютно все никогда не бывшие у руля правления, никогда не были администраторами-организаторами. Более того, абсолютное большинство из нас малограмотно» [40, л. 28]. Разумеется, среди них не было ни одного настоящего марксиста, знакомого с трудами классиков. Прибавим сюда оторванность Оренбурга от центра из-за гражданской войны: информация из центра поступала нерегулярно. По нашим данным, в Оренбурге стали известными лишь 22% изданных декретов советской власти [40, с. 55.]. Более того, у рабочих лидеров Оренбурга было свое видение построения нового общества – они даже скрыли присланный закон о социализации земли, полагая его недостаточным [40, с. 61.]. В итоге оказалось, что эти люди, практически не имевшие представлений о настоящем марксизме, и обладавшие крайне упрощенными представлениями о большевизме, тем не менее, проводили курс, в принципе согласуемый с курсом центра. Тот же Маслов с гордостью писал: «но, несмотря на это большевики Оренбурга, как и в других местах Советской России, руководствовались волей к победе, надеясь на пролетарскую силу, силу рабочих и крестьян и смогли быстро, без малейших колебаний, не только захватить власть, но захватить рычаги хозяйственного правления: заводы, фабрики, банки, железную дорогу, почту и проч., сумели сразу подчинить своему влиянию, путем назначения своих комиссаров, и сумели довольно энергично парализовать действия буржуазии» [40, л. 28.]. И вот эти люди и стали создавать в Оренбурге, а потом и в Оренбуржье, коммунистический союз молодежи. Инициатором принято считать А. Коростелева, названного в 1934 г. в областной партийной газете «главным большевиком г. Оренбурга»: «Смелее собирайте молодежь, создадим боевую комсомольскую организацию» [52, с. 11.].

Достоверно известно, что на момент организации комсомола в Оренбурге никто не знал программных документов Союза: «Оренбург был оторван от центра, позаимствовать опыт работы уже имеющийся комсомольской организации было невозможно, мы не имели даже ни одного экземпляра программы и устава РКСМ, не знали, с чего мы должны начать работу, не могли ясно сформулировать задачи этой организации» (П. Жук) [28, л. 33.]. Тем не менее, на организационном собрании 23 июня 1919 г. представителем партии большевиков был сделан доклад на тему «Программа, цель и задачи и устав союза молодежи» [28, л. 35]. Первую и основную информацию о создаваемом союзе молодежь получала от выступавших перед ними партийцев в Оренбурге и комсомольцев-агитаторов, позднее отправляемых из Оренбурга. Наиболее содержательно суть выступлений выразил П. Раменский: «все выступавшие рассказывали о текущем моменте страны Советов, о задачах Коммунистического союза молодежи и приглашали желающих записаться в члены РКСМ» [25, л. 11.].

Историографической традицией был тезис о том, что в ряды Союза активно вовлекалась вся молодежь, и Союзу с самого начала пришлось вести борьбу с существовавшими (подразумевалось - конкурирующими) иными молодежными объединениями. В том же ключе писали и ветераны комсомола в своих мемуарах. П. Жук упоминала, что к моменту организационного собрания в Оренбурге были бойскауты, национальный союз еврейской учащейся молодежи, татарской буржуазной молодежи «Брик» и «другие культурки, находившиеся всецело под буржуазным влиянием» [52, с. 12]. Сходно писал С. Кабаев: «Большую работу провели комсомольцы по расколу существовавших в то время в городе татарской и еврейской национальных организаций молодежи, находившихся под буржуазным влиянием» [31, л. 4.]. Полупрезрительно «культурками» называли молодежные объединения без политического содержания, где «интересовались только танцами и вечерами» [31, л. 4.]. В Оренбурге было подобное объединение «Соло», в Орске создан «Союз красной молодежи». Несмотря на «правильное» название, круг интересов этого «Союза» был иным. Как писал мемуарист, «в нем кружки пения романсов, балетные танцы и игра в фантики, без единого слова «политика»... Музыка, танцы, фанты до утра» [34, л. 34]. Местная комсомольская организация выступила резко против – в публичных выступлениях по городу постоянно подчеркивалось, что Союз Коммунистической молодежи создается не для танцулек, а для учебы и подготовки на смену старшим [34, л. 34.]. С. М. Юрин констатировал, что в «пустых» клубах РКСМ было скучно, а в клубе «Союза красной молодежи» – весело: «Многие не заходили в наши клубы по месяцу, два, забыли как отворяется дверь комсомола» [12, л. 66.]. Поэтому с молодежью велась «настойчивая разъяснительная работа». В итоге, все иные молодежные объединения были разрушены, «а революционно настроенная часть входившей в них молодежи вступила в комсомол» (С. Кабаев) [31, л. 87.].

Словосочетание «революционно настроенная часть», при кажущейся всеобщности, по сути, обозначало исключительно рабочих. Именно на рабочую молодежь была сориентирована агитационная работа: «самая крупная прослойка рабочей молодежи, хоть в большинстве малограмотная, но зато сознательная, самая организованная, испытывавшая на собственной жизни всю тяжесть эксплуатации и полного бесправия при царизме, и поэтому и революционно настроенная» (Радаев И. о рабочих депо)» [26, л. 87.]. Такая точка зрения стала наиболее распространенной: «В комсомол в 1919 году вступили те, кто с оружием в руках защищали город Орск, дети рабочих, ремесленников и крестьянской бедноты, которые изнурительным трудом зарабатывали себе хлеб и борьба за существование была их повседневной жизни с детской поры» (Федирко Е. Д., Сергеева-Берчанская Е. А.) [27, л. 3.]. Но следует учитывать небольшие, но значимые возрастные различия между молодыми людьми из семей рабочих, ремесленников, крестьянской бедноты 1898-1901 гг. рождения и родившихся после 1901 года. Объединяющим их всех является происхождение: «с раннего детства мы видели лишь бедность и нищету. Кто были наши родители? В большинстве случаев – это были бедные крестьяне, вынужденные покинуть деревни, так как были лишними ртами у своих матерей и отцов... В борьбе за существование они перебрались в город. Здесь отцу, например, с большим трудом, ибо в городе почти не было промышленности, удавалось наняться к хозяину на мельницу или на кожевенный завод. Или в лучшем случае ему удавалось поступить на железную дорогу, где он работал путевым рабочим, стрелочником, кондуктором, а к старости сторожем железнодорожных мастерских. Мать работала сначала прислужгой, а потом прачкой в богатых семьях. Жили сначала в казармах, а потом с ростом семьи перебрались в темные и сырые подвалы. Родители очень хотели дать детям образование. Сами они были неграмотными и понимали, что неграмотность - это цепь, которая их держит в рабском состоянии» (Сдобнов М. З.) [32, л. 3.]. Сходное по сути суждение: первые комсомольцы Орска - «дети нужды» рабочих, ремесленников и крестьянской бедноты [32, л. 16.].

Относящиеся к первой возрастной группе имели скромное образование: два – в лучшем случае три класса церковно-приходской школы. Затем – вынужденное оставление уче-

бы (или невозможность продолжения обучения) и начало трудовой деятельности – «дать детям даже начальное образование было из-за бедности трудно, а среднее – почти невозможно, Поступить в среднее учебное заведение, в гимназию или реальное училище для детей из бедных семей было трудно. Лишь немногим удавалось это, да и то ценой унижений и слез перед директором – каким-нибудь потомственным дворянином. Для большей части молодежи путь к образованию был закрыт. Она, как и ее родители, должна была идти в наймы к хозяевам, которые ее нещадно эксплуатировали» [32, л. 3.]. И именно то, что советская власть и партия большевиков открыли перед ними новые, ранее недоступные перспективы, и стало для них определяющим: «Вот почему мы с радостью и гордостью вступали в ряды коммунистического союза молодежи, а позднее в ряды коммунистической партии» [32, л. 3.]. В условиях начавшегося в 1918 г. в регионе противостояния красных и белых восемнадцатилетние юноши и девушки вступали в Красную гвардию, а потом в Красную армию, и с оружием в руках на фронте боролись на «свою» власть. Там же они вступали в партию. Когда началось строительство коммунистического союза в 1919 г, они организованно были туда отправлены – в Оренбурге на историческое организационное собрание 23 июня прибыли молодые люди с передовой, а после записи в ряды РКСМ они почти сразу вернулись в окопы, благо фронт проходил практически у города. В Бузулуке райком партии вынес специальное решение, что все коммунисты в возрасте до 23 лет включительно, должны были перейти в организуемый Коммунистический союз молодежи [26, л. 87].

Особенностью второй возрастной группы (начиная с 1902 г. рождения и позже) было то, что до начала собственной трудовой биографии они, что называется, «не доросли». Как свидетельствовали очевидцы, в союз брали желающих, начиная с 14 лет. С. Кабаев упоминал, что на организационном собрании 23 июня приняли троих моложе 14 лет – «уж больно настойчиво упрашивали они записать их» [29, л. 17.]. Сходное отмечал С. Юрин: приходили 12-13-летние дети, говоря, что им 16-ть [11, л. 83].

Несмотря на кажущуюся незначительной разницу в возрасте – всего на несколько лет, различия между этими группами были ощутимыми. Формирование личности у второй группы приходилось на очень насыщенное переменами время – так, А. Тихов достаточно емко обрисовывал ситуацию: «Юность моя прошла в самые тяжелые годы. Империалистическая война с кайзеровской Германией, которая началась в 1914 году, Февральская и Октябрьская революции, 1917 год, гражданская война, все это сильно подорвало экономику страны, в том числе Оренбургской. В деревнях и селах разразилась эпидемия, голод, спекуляция; саботаж, кулацкие мятежи, политический бандитизм, руководимые меньшевиками и эсерами» [18, л. 1.]. Еще более откровенно высказывалась Екатерина Федирко: «Нас многому научили бурные события идеологической и вооруженной борьбы большевиков за власть Советов в гор. Орске. Находясь в гуще этих событий, мы так или иначе были втянуты в эту борьбу». Далее она описывала события после Февраля – «Шутка ли дело, свергли царя» - частые митинги: «Особенно мы были в восторге от выступлений большевиков, которые требуя передачи власти народу, не боялись никаких угроз... Большевики обычно начинали свои выступления с описания нужды, до которой царь и его чиновники довели рабочий класс и беднейшее крестьянство. Их рассуждения о причинах нужды были доступны нашему пониманию, т.к. корявую руку нужды мы чувствовали на себе каждый день... Они говорили о будущей жизни, которой добьется при советской власти беднота и это увлекало наше воображение, а лозунг «Мир хижинам, война дворцам» возбуждал нас и звал к деятельности... Первые комсомольцы города были подготовлены к вступлению в комсомол задолго до формального акта» [25, л. 17-18]. Созвучны рассуждения П. Г. Дмитриева: «Разговоры и жалобы на жизнь и царский режим со стороны старших глубоко вникали в наши детские головы. Особенно тяжело было жить во время первой империалистической войны. Дети наблюдательны... Февральская революция застала меня в третьем классе... Разруха все росла, война продолжалась... Мы, дети, росли и зрели не по дням, а по часам» [24, л. 40.].

Впоследствии именно рожденные в 1900-х гг. всячески старались в своих мемуарах показать себя достаточно сознательными уже в раннем возрасте. Так, А. Назарова, в 14 лет работая чернорабочей на железной дороге, по ее утверждению, в ситуациях, когда «близко не было жандармов», тихо напевала вместе с другими «вставай, поднимайся, рабочий народ, берите дубинки и бейте господ» [19, л. 8.]. П. Дмитриев ставил себе в заслугу поддержку «революционно настроенных учителей» через демонстративные уходы с уроков законоучителя в 1917 г.; затем – чтение родителям газет и брошюр, расклеивание по селу приказов и распоряжений, а когда в 1918 г. в село вошли чехословаки, отказ петь в хоре вместе с другими школьниками. Затем в 1919 г. группой из нескольких школьников они украли у стоявших в селе казаков «по винтовке и гранате», за что их отцов собирались расстрелять, но всех спасли внезапно налетевшие чапаевцы. И наконец, «работникам продрозверстки мы, дети, помогали тем, что искали и находили, где кулаки-твердозаданцы прятали хлеб» [24, л. 40-41.]. М. Моисеева писала: «Мы выполняли все, о чем нас просили, зачастую даже не имея понятия о том, в какой конкретно игре мы принимаем участие. Мы, тринадцати – четырнадцатилетние девчонки и мальчишки, были связными. Бывало, дадут мне записку, пойду и положу ее на указанное место. Кто обратит внимание на таких мальцов! А ведь мы уже были потенциальными комсомольцами!» [7]. Практически все мемуаристы второй возрастной группы сообщали два момента: о собственной политической малограмотности и о том, что разного рода агитаторы, сообщая о праве рабочих на лучшую жизнь, вселяли в тогдашних подростков надежды. Эта мысль хорошо передана А. Назаровой: «на этом собрании я услышала, что «коммунистический союз молодежи является помощником коммунистической партии, чтобы лучше бороться с врагом, чтобы скорее победить белогвардейцев, нужно организоваться в К.С.М., чтобы лучше была дисциплина, чтобы лучше выполнять задания Коммунистической партии и В. И. Ленина и если до этого собрания я считала себя молодой и малопонимающей, то это собрание дало мне уверенность в себе... Для рабочей молодежи открывались большие пути» [21, л. 4.]. Разумеется, партийцы-агитаторы, а потом и комсомольцы-агитаторы, обращались ко всем молодым людям, без дифференциации возраста, но нужно учитывать, что значительную часть аудитории составляли как раз младшие, ибо старшие к этому времени уже сделали свой выбор и с оружием в руках находились на фронте. Именно на подростков второй возрастной группы ориентировались – вынуждены были ориентироваться – агитаторы, подавая все необходимое упрощенно и доступно. А если прибавить сюда невысокий уровень самих агитаторов, то остается только предполагать, какого рода представления формировались у подрастающего поколения - «многие из нас не получившие достаточного образования были жадны до знаний и, как губка влагу, впитывали все, что нам передавали наши старшие товарищи» (Е. Федирко) [27, л. 18.]. С ней перекликается М. Сдобнов: «мы учились политической грамоте, главным образом, слушая доклады старших товарищей-членов партии» [32, л. 5.]. Любопытен рассказ С. Юрина о работе партийных лекторов Лобова и Данилова, которые рассказывали о мечтах «правительства и т. Ленина», и эти их рассказы воспринимались слушателями «утопического характера как сказка». Например, Лобов рассказывал о плане ГОЭЛРО и предсказывал, что через пять-шесть лет Волгу, Днепр и другие крупные реки смогут перегородить и получать дешевую энергию, будут электропоезда, будет радио «не морзе», а говорящее – «Все это заинтересовывало комсомольцев и задавались сотни вопросов, а лектор обоснованно отвечал» [13, л. 67-68.], Лектор «зажигал сердца комсомольцев на будущность и брал такие примеры, которым охотно было верить» - о запасах хромо-никелевых руд в Халилово, и о скором превращении Орска в индустриальный центр. Ему задавали множество вопросов - «конечно, много из нас в душе не верили и сами говорили «а мастер же врать», но сидели, уходить не хотели» [13, л. 69.]. Интересно, что все предсказанное достаточно скоро было осуществлено в реальности – в 1939 г. был основан Орско-Халиловский металлургический комбинат.

Суммируем свидетельства мемуаристов. Большевики «в популярной форме ... разъясняли нам сущность политики большевиков. Объясняли, что такое советская власть и по-

чему именно она, а не какая-либо другая власть приведет рабочий класс и крестьянскую бедноту к победе. Основная мысль пронизывала все их беседы и сводилась к тому, чтобы во что бы то не стало удержать эту власть. Что дело укрепления новой власти является нашим личным делом» (Е. Федирко) [27, л. 18.]. Выступавшие на оргсобрании в Оренбурге партийцы «объясняли молодежи в каких тяжелых условиях находится страна, что партии вместе с пролетариатом нужно завоевывать симпатии и трудового крестьянства, нужно разбить всех внутренних и внешних врагов Советской власти, нужно строить социализм, что свержение царизма – это только начало борьбы. Для осуществления этих задач молодежь и должна придти на помощь, организовавшись в РКСМ» (П. Жук) [52, с. 11]. Сама Пэра Жук, выступая на том же собрании, призвала молодежь «помочь самой революционной большевистской партии»: «Меньшевики и эсеры предлагают неправильный путь, и кто по-настоящему за революцию, ответит на призыв вступлением в РКСМ» [52, с. 12]. П. Версонская вспоминала: «Мне не было тогда и 16 лет. Училась я в 5 классе высшей начальной школы. В то время учили нас и французскому языку. Учительницей нашей была молодая француженка. Ознакомилась она подробно с учениками, кто из какого рода, сословия (бедный или богатый). И однажды после уроков оставила из нашего класса 10 человек. В том числе и меня. Еще раз опросила нас, чтоб узнать, кто наши родители, а потом рассказала нам, что раз ваши родители рабочие, то и вы, молодежь, должны быть вместе с рабочей молодежью. Для этого нужно вступить в организацию молодежи. Немного рассказала нам, как при советской власти молодежь должна работать, учиться и т.д. Сказала, что будет назначен день, когда сознательная молодежь соберется и будет организована запись в коммунистический союз молодежи. Немного позже она нам сообщила день, место и время сбора на это собрание» [29, л. 3.]. А. Тихов приводил слова коммуниста А. Я. Борисова: «Товарищи! Положение в республике и нашем крае очень напряженное: пламя гражданской войны еще не угасло, а контрреволюция внутри страны поднимает голову и активизирует свои действия против всего нового: революция видит в вас свою опору, дорогие ребята!» В конце своей речи он сказал: «В чьих руках ваше будущее? – В ваших! Вы будете строить новую жизнь, где не будет бедных, не будет эксплуатации человека человеком... на комсомольцев будет возлагаться вся надежда в построении нового коммунистического общества» [18, л. 2-3.]. Последняя цитата вызывает серьезное сомнение своей точностью, поскольку это было написано спустя четыре десятка лет, когда историографическая и мемуарная традиция требовала в воспроизводимых речах высокой идейности и убежденности. Значительно более надежным нам кажется свидетельство С. П. Федорова, писавшего откровенно: «Наша агитация политпропаганда среди молодежи, еще не охваченной комсомолом, была более проста, непонятна в примерах нашей жизни, Ораторское искусство пришло далеко позже. Скажу о себе - первые речи, которые мне приходилось делать были примитивны, просты ибо политобзор я получил из отдельных брошюр и только позже,... окончив высшие партийные курсы ЦК ВКП(б) в Москве, создал в моем сознании более стройную систему глубоких знаний учения В. И. Ленина и решений партии... В те годы речи мои были безхитростными, но призывно горячими, хоть считался я, не хвалясь, искренне скажу, неплохим оратором. Речи этого «оратора» сводились к следующему: раньше народ ходил к царю просить хлеб и волю, а теперь мы не пойдем, хватит, сами добудем. Или еще говорилось так: Вот были белые звери, они нас душили, били, теперь душить и бить их будем мы» [33, л. 12.].

Важным элементом практически любого развернутого повествования о жизни первых комсомольцев был рассказ о конфликте их с родителями. Три разных мемуариста почти одними и теми же словами рассказывали о т.н. «Сто десятом» - юноше, «видимо, из интеллигентной семьи», записавшимся под этим номером в список вступающих в комсомол на оргсобрании 23 июня в Оренбурге: «Он дважды записывался и дважды подходил, просил вычеркнуть его из комсомольских списков, а в третий раз подошел и заявил, совершенно твердо, что записывается окончательно» (П. Жук) [52, с. 13.] – «А утром, когда товарищи пришли в свой комитет, на столе уже лежало от «сто десятого» заявление с просьбой ис-

ключить его из организации, так как «папа и мама не разрешают ему участвовать в союзе коммунистической молодежи» (А. Курилова) [52, с. 16.]. Подобные колебания относительно вступления традиционно объяснялись «не-рабочим» происхождением кандидатов. Но те же мемуаристы обращали внимание, что организационное собрание проходило, когда на другом берегу Урала были белые, и итог противостояния был еще не понятен: «На протяжении всего собрания много раздавались такие сильные орудийные залпы, грохот пушек, что стекла дребезжали в окнах. Как сейчас стоят перед глазами выступающие, которым не раз во время речи приходилось прерывать ее из-за этих залпов. Было явное впечатление, что враг где-то совсем близко в городе, за клубом и сейчас снесет клуб вместе со всеми в нем собравшимися» (П. Жук) [52, с. 12]. Вариант, что родители беспокоились о детях, причем подросткового возраста, не рассматривался в принципе. Вообще родители рассматривались как весьма отсталые люди, которых лишь иногда получалось переубедить. Так, С. Федоров сообщал: «Многие родители (не исключая и моих) считали, что вступив в комсомол, их дети продали душу дьяволу, и запрещали им работать с «антихристами». Однажды помню, прибежала в слезах Валя Саврова. Мать и отец не пускали ее в комсомол и тем более в драмсекцию. Ребята наши расшумелись и отправились всей группой к ней домой. И что вы думаете? Отстояли Валу. Особенно растрогались старики, когда увидели свою дочь на сцене» [20, л. 11.]. Схожий пример «перевоспитания» родителей приводила А. Курилова, рассказывая, что комсомольцы ухаживали за ее семьей, когда все свалилось от сыпного тифа: «Воспитанные при старом строе, очень религиозные, мать и бабушка не могли естественно легко принять новый строй большевиков, не признающих религии, боялись распутства в комсомольской организации – слухов всяких и сплетен сеялось много. И вдруг эта «безбожная» организация не бросила семью своего члена в беде, в то время, когда даже родные чурались и думали только о себе. У матери совершенно изменился взгляд на комсомольскую организацию» [52, с. 17].

Еще более остро конфликт отцов и детей ощущался в деревне. А. Купчинский писал, что в Акбулаке «прошло немного времени и в комсомольскую ячейку начали поступать заявления о выходе с комсомола. Одни обосновали свой выход запретом родителей..., другие ждали от комсомола какую-то материальную помощь, но поскольку ее нет, то он не желает быть в комсомоле..., а девушки заявляли, что запрещают родители, поскольку комсомольцы выступают против церкви, религии и против бога [23, л. 2 об. - 3]. Схоже писал А. Байдин: «В комсомол больше всего вступали воспитанники детского дома и учащиеся, сельская молодежь робко шла в комсомол. Объясняется это, прежде всего тем, что молодежь находилась под большим влиянием родителей, которые опасались за своих детей, боялись расправы белых и кулаков» [26, л. 3.].

С. Федоров сообщал, что «в те годы комсомольцы создали первый дом молодежи для тех, кто не имел родителей или вынужден был уйти от них, для демобилизовавшихся из армии. Повторяю, что это было первое в истории города молодежное общежитие – настоящая коммуна. Дух товарищества и дружбы царил среди населения коммуны» [8]. Сходным образом в некоторых селах «молодежь покидала своих родителей и организовывала свои коммуны. Правда, эти коммуны существовали недолго, и вскоре молодые люди и девушки вынуждены были возвращаться к своим родителям». Сам мемуарист (М. З. Сдобнов) объяснял конфликт стремлением молодежи «покончить со старыми устоями» и тягой «к новой светлой жизни» [32, л. 2.]. П. Жук описывала жизнь в такой бытовой коммуне в г. Оренбурге: «Мы, члены коммуны, свою заработную плату вносили в общий котел и наивно считали, что это уже прыжок в коммунизм. Потребительскую коммуну смешали с производственной. Но все же даже на такой базе коммуна вырабатывает чувство коллективизма, товарищества и облегчает жизнь в быту» [30, л. 42]. На первом съезде Оренбургского РКСМ 10 марта 1920 г. докладчик от Шарлыкского района объяснял съезду причины отставания крестьянской молодежи: «Я хочу объяснить, почему крестьянская молодежь не идет в наш союз. Она воспитана в духе смирения, в темноте и невежестве, она относится ко все новому с

каким-то недоверием. Кроме того, на крестьянскую молодежь действуют родители, которые также невежественны и темны, но мы надеемся, что мы сумеем рассеять темноту молодого крестьянства» [30, л. 58].

Родители, «воспитанные при старом строе», «в духе смирения», определялись, тем не менее, не как «отсталые», но как враги - П. Жук цитировала письмо, направленное в ЦК комсомола оренбургским губоргбюро 14.2.1920 г., где говорилось: «есть зло, с которым приходится неустанно бороться – это родители» [52, с. 13]. Газета «Коммунистическая жизнь» в июне 1919 г. провозглашала: «Товарищи молодежь! Пора освободиться от родительского влияния и выйти из дремлющего состояния, в котором вы находились до сих пор» [7]. В определенном смысле альтернативой семье становились комсомольские клубы, М. Сдобнов писал: «Клуб комсомольской организации... каждый вечер он представлял собой муравейник. Молодежь проводила свой досуг, сбрасывала с себя бремя предрассудков и отрицательных традиций, унаследованных от прошлого и приобщалась к борьбе за новую счастливую жизнь» [32, л. 5]. Не менее эмоционально высказывались Е. Федирко и Е. Сергеева–Берчанская: в клубе «шли жаркие споры обо всем, вплоть до мировой революции включительно. Здесь, не опасаясь родительского гнева и ремня, мы «свергали» с вековых пьедесталов богов и кумиров прошлого» [27, л. 20.].

Некоторые доводили разрыв с родителями до конца. Так, уже упомянутый выше П. Г. Дмитриев в 13 лет едва не стал причиной гибели (расстрела) отца, а в 15 лет вообще бросил семью и уехал в «Ташкент-город хлебный» [26, л. 41.]. В местном комсомольском журнале «Авангард Красного Востока» в разделе «Хроника», среди прочих сведений с мест, сообщались данные о жизни Орской организации: «в Саринском участке Орской организации ... молодежь обезоруживает своих отцов кулаков и односельчан и предает в наши руки» [1, с. 14.].

Особый интерес представляют взгляды этой молодежи. Повторим еще раз: свидетельствами непосредственно тех лет мы не располагаем; мемуаристы вспоминали о происходившем через несколько десятилетий. И все же по отдельным фразам можно получить некоторое представление об их взглядах на тот момент.

Первое, что обращает на себя внимание - чувство «особости» рабочих и неприязни к «не-рабочим»: «находились еще среди молодежи элементы из учащейся молодежи такие как техники, реалисты, гимназисты и учащиеся ремесленного училища. Много мнили о себе, эти, можно сказать, недоросли. Умниками себя считали, пренебрежительно относились к рабочей молодежи... Они считали, как это – почти неграмотные рабочие, не умеющие говорить, должны равняться с ними, словом «гусь свинье не товарищ»» (К. Фаддев) [26, л. 28.].

Некоторые основания для переживаний все же были – образованности им действительно не хватало. Сами же комсомольцы признавали свой невысокий интеллектуальный уровень, компенсируя пробелы в образовании и элементарных знаниях слепой уверенностью и агрессивной наступательностью. Так, М. Сдобнов описывал свои споры со старообрядцем в одном из сел, куда комсомольцы приехали для агитации. Старообрядец использовал библию и «сочинение Платона»: «При нашем возрасте и развитии мы не могли тогда квалифицированно оспаривать доводы Платона. Однако мы упорно доказывали, что религия – это опиум для народа и средство порабощения его» [32, л. 9.]. Другой современник констатировал: наши знания «ограничивались чтением газет, брошюр и заслушиванием отдельных докладов на собраниях комсомольцев» [33, л. 12.]. М. Закопаева признавалась: «Одного не хватало в то время нашей организации – это хороших пропагандистов и политической литературы, а тяга к знаниям у молодежи была велика. Вспоминаю, каким-то образом попала ко мне большая и довольно ветхая книга – это был «Капитал» К. Маркса. Как ни пыталась я читать, но так ничего и не поняла. Но вскоре комсомольский актив, в том числе и я, был командирован в Оренбургскую Совпартшколу и многое открылось перед нами. Мы ближе познакомились с Лениным как организатором партии и вождем пролетар-

ской революции, Марксом-Энгельсом, с задачами партии и советской власти в построении социалистического общества» [13, л. 19.].

Идея получения образования и последующей полезности советской власти находила массовый отклик в молодежной среде. С. Юрин описывал реакцию собравшихся на лекции, о которых уже говорилось выше: «У комсомольцев и комсомолок горели глаза. Они не могли сидеть на месте и создали просто шум и каждый хотел что спросить, как, например – « что если я училась всего год-два, - то могу ли когда быть полезной? Или спрашивают – «если мы учились и имеем четыре класса церковно-приходской школы и плюс к этому сами готовимся, то можем ли мы попасть в число студентов и быть тоже полезными? На все вопросы Лобов отвечал не торопясь, и во главу угла ставил - надо учиться и учиться» [34, л. 70.]. В итоге в открытую школу рабочей молодежи записалось до 400 комсомольцев – «по городу сами отцы заставляли детей идти в комсомол и учиться» [34, л. 70.].

Затем – задача постоянной борьбы. Тема «врага» звучала постоянно – сначала находящегося по ту сторону фронта, затем «внутреннего врага», и врага многопланового: «В тылу Красной Армии оставался внутренний враг – кулачество, купечество и духовенство» [23, л. 1.]; «враг коварен, не дремлет – они еще думали вернуть свои привилегии» [27, л. 6.].

Еще один момент: голод 1920 года есть «кулацкая затея»: «заморить советскую власть голодом, которую они организовали в 1919-20 годах». Эта «затея» вызывала «искреннее возмущение комсомольцев и они буквально рвались в продотряды, а когда попадали в них, были самыми неутомимыми и появлению и конфискации спрятанного кулаками хлеба» [27, л. 19.]. Иными словами, голод в крае подавался как местное явление.

Но, вероятно, самым значительным элементом, была вера в скорую «мировую революцию». Мемуарист (А.С. Тихов) писал позднее: «Мы отказывались от всего, от семьи, от любви, чтобы ни капли не терять энергии зря, все отдать революции. И мы, комсомольцы, чувствовали в себе богатырскую силу, которой хватило бы на то, чтобы совершить мировую революцию... На одном из комсомольских собраний вынесли решение «считать необходимым покончить с мировым капитализмом в новом 1921 году». Вы, читатели, скажете, что были мы тогда политически неграмотны, да, были неграмотны, но у нас была великая убежденность, самоотверженность, боевой и революционный дух» [18, л. 14.]. Сходно рассуждала П. Жук: «молодежь была охвачена особым боевым настроением и желанием помочь партии выйти победителей из этой незабываемой небывалой еще в истории схватке между трудом и капиталом. Этот революционный порыв и стремление к победе оренбургские комсомольцы проявили и после первого собрания своим участием и в боях на всех фронтах, и в хозяйственном строительстве, и в борьбе с эпидемиями, с голодом, холодом, бандитизмом. С особой наглядностью этот революционный порыв проявился (хотя на сегодня и выглядит наивным) в замечательном и естественном для того времени решении комсомольцев, вынесенном при встрече нового года в 1919 году: «Считать необходимым покончить с капитализмом в 1920 году» [30, л. 16]. А. Тихов приводил цитату из резолюции комсомольского собрания: «комсомольцы являются близкими и верными помощниками Коммунистической партии, на комсомольцев будет возлагаться вся надежда в построении нового коммунистического общества» [18, л. 2-3.].

Показательны стихотворные строки в самодельных комсомольских журналах той поры. Так, гавриловская организация РКСМ и волкомитет РКСМ делали рукописный журнал «Новая заря юноши». На обложку был вынесен рисунок значка Интернационала молодежи, а в самом журнале из 22 страниц пять были посвящены рассказу о II конгрессе Коминтерна [16].

Местный поэт В. Князев в стихотворении «Крик борьбы» писал: «Не пою - // я кричу» // Мои крики – борьба и мятеж, // Мои руки прилипли к мечу, \\ Я кричу, // и хочу, // чтобы крик мой проник за рубеж...» и не менее показательные строки: «Сердца единой верой сплавим, // Пускай нас мало, не беда. // Мы за собой идти заставим // К бичам привыкшие стада» [15]. В ином издании этой же организации другой местный поэт В. Александ-

ровский провозглашал: «Когда железными рядами // Идем мы молча перед вами, // Взгляните пристально на нас, // На наши спины, плечи, // На мускулы упругих рук, // В глаза, таящие упорство, // и тяжесть вынесенных мук, // И вы уверитесь, - при встрече, // в суровый час единоборства, // Вас умертвит труда рука» [53].

Фактически у молодежи складывалось чувство социальной исключительности, где принадлежность к рабочим становилась гарантией возможностей. Власть трудящихся и пролетарская партия гарантировали все социальные преимущества. Интересы рабочих – это и есть закон. Разрыв комсомольцев с семьей означал, что более нет святости семейных уз, нет родительского надзора, нет родительского авторитета. Разрыв с религией избавлял от страха – можно было теперь многого не бояться. Судя по мемуарам, у молодежи формировалось ощущение, что теперь им можно все, или почти все – и эту свободу и возможности им даст комсомол.

Комсомольцам действительно дозволялось больше, чем другим. Им передавались помещения под комсомольские клубы; например, в Исянгулово - кирпичный магазин купца Ермакова [18, л. 6.], в Сорочинске - кинотеатр «Модерн» [23, л. 4.], в Илецкой защите – бывший дом начальника тюрьмы [25, л. 11.].

В конфликте со школами и учащимися в конце 1919 г. комсомольцы срывали вывески с гимназий, требуя называть их «трудовыми школами» [19, л. 33.], в школах комсомольцы организовывали учкомы, «которые контролировали работу учителей» [19, л. 33.]. Сюда же можно отнести демонстративные срывы конференций учащихся [19, л. 33.].

При проведении массовых антирелигиозных карнавалов – шествий ночью во время религиозных праздников, «доходило даже до стычек с верующими» [33, л. 9.]. Интересно, что значительно позднее, мемуарист сам признавал, что такой способ «играл больше на руку отцам церкви» [33, л. 9.].

Во время проведения в Оренбурге «недели сухаря», когда комсомольцы ходили по домам, собирая хлеб, муку, сухари и иные съестные припасы, они неделю разъезжали по городу на лошадях, которых забрали у пожарной команды [24, л. 75-76]. Следили за всеми подозрительными лицами – П. Версонская писала: «Немало белогвардейцев выявили мы, прибегая к помощи детей, молодежи, которые сообщали нам их места укрытия. Мы их уничтожали» [29, л. 5-5 об.].

Поскольку очевидной грани, за которую переходить было нельзя, не наблюдалось, то в отдельных случаях комсомольцы заходили слишком далеко в своих действиях; особенно это стало проявляться с приближением голода. Летом 1920 г. крестьяне ст. Усть-Уйской разогнали кружок молодежи, помещавшийся в доме, принадлежащем попу и вернули дом хозяину, при этом 13 «зачинщиков и крикунов» было арестовано [35, л. 19 об.]. В с. Татарское совет отказал местной ячейке РКСМ, потребовавшей выделить им понравившееся помещение, уже занятое двумя учительницами [36, л. 30.]. А в с. Пивкино совет выселил местных комсомольцев из занятого ими дома «кулака» и также возвратил дом владельцу [17, л. 33.]. В условиях начинающегося голода на хуторе Горный Оренбургского уезда комсомольцы вместе с партийцами по ночам останавливали проезжающих, угрозами забирая табак, соль, мануфактуру. Следователь отмечал, что молодежь хутора Горный «ведет себя нахально», «при всяком оскорблении или насилии ставят на вид партию коммунистов: мы коммунисты и власть наша, что хотим, то и делаем, а кто не запишется в партию, тот сдохнет с голоду». Достаточно демонстративно члены ячейки поселились в пустовавшем доме бывшего помещика Пашкова [15, л. 27 об.].

Если попытаться понять взгляды молодых комсомольцев через анализ их действий, то складывается чрезвычайно многогранная картина – комсомольцы действительно брались за многое: «мы считали себя солдатами партии и куда и когда пошлют нас, мы стремились выполнить любое задание – это была наша комсомольская обязанность: посылка в продотряды разыскивать запрятанный кулаками хлеб, заготовка дров, участие в субботниках, борьба с беспризорностью, ликвидация неграмотности и т.д.» [27, л. 4.].

Поскольку одной из первоочередных задач комсомола определялась вовлечение в его ряды новых и новых членов, то изыскивались различные формы. Одни авторы называли ее агитационно-массовой работой (Тихов), другие – культурно-просветительной (Чекмасов): создавались различные художественные кружки (в Оренбурге были хоровой, драматический, струнный); проводились антирелигиозные вечера; концерты и танцы. Все это использовалось для агитации – после развлекательного мероприятия обязательно читался доклад или проводились беседы с собравшимися.

Среди иных мероприятий – комплектация небольших библиотечек для сельских изб-читален [31, л. 7], проведение «Недели сухаря» - сбора хлебных пожертвований для детей Москвы и Петрограда [52, С. 19-20; 23, л. 4.], субботники. М. Моисеева упоминала даже такое: «Что особенно запомнилось из тех лет? Собственные крики по ночам. Кричали от того, что днем приходилось складывать по частям привезенные с фронта трупы. Привозили – то отдельно руки, ноги. ... А ведь все это и было комсомольским поручением» [8]. В деревнях велась борьба с самогоноварением – комсомольцы отбирали аппараты, выливали содержимое на землю, а виновников арестовывали [25, л. 4а.]. С. Юрин вспоминал, что в деревнях комсомольцы помогали продотрядникам – сообщая, где хлеб; «но такие ячейки были неустойчивые, т.к. после побоев ремненным кнутом разбегались и уходили добровольцами в армию» [11, л. 78.]

М. Чекмасов вспоминал, что было четко определено, кто и чем занимается: «Большая работа проводилась среди беспартийной молодежи, за счет лучших из них пополнялись ряды комсомола. Несоюзную молодежь привлекали к работе в помощь комсомолу и на хозяйственные работы, привлекались к беседам и на участие в субботниках по заготовке дров, борьбе с тифом, очистке города, к озеленению улиц и т. п.» [24, л. 135]. Для комсомольцев же «практическими и боевыми заданиями была мобилизация комсомольцев на фронт, участие в облавах на дезертиров и бандитов, посылка на заготовки продовольствия и топлива в районы, в которых были кулацкие банды, многие комсомольцы делом и своей кровью доказали свою преданность родине и партии [24, л. 135].

Он же продолжал: «Особо много сил и энергии отдали комсомольцы военной оборонной работе. Методы и формы этой работы были разнообразны. Непосредственно участвовали в обороне города от белоказачьих войск и банд, помогали войскам в организации военной работы, рыли окопы и траншеи. Подвозили лес и проволоку для укреплений. Участвовали в облавах на бандитов и дезертиров. Заготавливали дрова для госпиталей. Собирали белье и хозяйственные предметы для улучшения быта больных и раненых. Вели заготовку и подвоз дров к баням и дезинфекционным пунктам - это требовала борьба с тифом. Проводили дежурство в госпиталях и вели беседы среди раненых и больных. Завершающим этапом этой работы была проведена мобилизация самих комсомольцев на фронт, на пополнение боевых частей Красной армии и проведение работы среди, призываемых (чтение газет, беседы). Работа среди солдат местного гарнизона - участие в митингах, собраниях, участие в праздниках, совместные субботники и т. д.» [24, л. 136.] А также, добавим, служба в частях особого назначения (ЧОН), созданных для борьбы с внутренней контрреволюцией и местной Чрезвычайной комиссией (ЧеКа). А. Кожина констатировала, что «комсомольцы были отличными связными между населением, Красной Армией и «ЧК»» [22, л. 23-24.]. Отряды ЧОН впоследствии использовались для подавления крестьянских восстаний и повстанческих выступлений. Комсомольская молодежь легко воспринимала агитационные заявления о контрреволюции и потому упорно сражалась с противником (Подробнее об этом см. нашу статью [41]).

Следует признать, что рабочая и крестьянская молодежь получила возможность изменить свою жизнь и воспользоваться возникшими возможностями социального лифта – «в аппараты советских учреждений нужны были преданные люди, но они в большинстве своем были малограмотные. Перед партией встала задача, готовить свои преданные кадры» [27, л. 9.]. Пребывание в комсомоле давало нужный шанс; работа в комсомоле - возмож-

ность его использовать. Так, мемуарист вспоминал историю некоего Васина, сына путевого стрелочника, который после призыва в армию в 1920 г. захотел пойти в школу командного состава. Но для этого была нужна комсомольская характеристика. Ячейка дала отрицательный отзыв, указав, что он только «платил взносы, участвовал в праздниках, демонстрациях, в комсомольских собраниях» [26, л. 22]. Мемуарист заключал: «Многие задумались над этим – комсомол может кой кому из них испортить жизненную карьеру» [26, л. 23].

Упрощенное мирозерцание, отсутствие образования и просто житейского опыта, делала комсомольскую молодежь успешным объектом политического манипулирования. Показательно, что на работу в ЧК привлекались очень молодые люди – 14-16 лет. Существует даже рассказ о служившем в ЧК Илецкой Защиты Васе Васильеве, которому было только 11 лет [48, 49].

Значительная часть первых комсомольцев, в том числе деревенских, смогла воспользоваться предоставленной им возможностью продвинуться вверх, использовать возникший социальный лифт. Так, И. Разумов, сообщая, что в Казалинске, где он жил, в 1920 г. было 10-15 комсомольцев, отмечал, что многие из них ошутимо изменили свою жизнь: И. Стебнев – стал редактором газеты «Труд», Наседкин С. – политработником Советской Армии, Кершешник – адмиралом, И. Разумов находился на парработе и завершил трудовую деятельность зам. начальника паровозного отделения [22, л. 4.]. По свидетельству Е. Федирко: Ф. Монастырский – капитан первого ранга, И. Кузьмин – генерал, П. Мещеряков – капитан первого ранга, Е. Чебанова – работница постпредства, Н. Юртаев – полковник [27, л. 20.]. А. Тихов специально указывал, что «большинство комсомольцев нашей деревни пошли учиться коммунизму, сперва в рабфак города Оренбурга, а затем в институты», приводя в качестве примера Андрея Борисова, после окончания Московского института журналистики работавшего редактором, а после демобилизации, более 20 лет директором Оренбургского музея. Он упоминал и некоторых иных односельчан: Алексей Борисов, окончивший Ленинградский коммунистический университет, ректор коммунистического университета в Мордовии, член бюро Мордовского обкома партии; Иван Савельев – зам. пред. Оренбургского уездного исполкома, Уральского земельного отдела, Сорочинского лесхоза; Гавриил Савельев – окончил Ленинградский горный институт, геолог; Тимофей Плешаков – окончил Военно-медицинскую академию; Александр Кутырев – окончил комвуз, секретарь Новосергиевского райкома партии; А. Тихов – после комвуза в 1925-1935 гг. в армии на политработе, затем в политуправлении Оренбургской железной дороги, в 1946-1973 гг. – в управлении лесного хозяйства Оренбурга [18, л. 19-20].

В 1923 г. нарком А. В. Луначарский говорил о молодежи, что у нее «мало жизненного и партийного опыта и нет никакой общеобразовательной подготовки». Но именно это он полагал положительным фактором: «За ней имеется большой плюс – в массе своей вся она так или иначе задета революцией, обвееана духом революции и поэтому представляет чрезвычайно богатый и благодарный материал: в молодежи революция разбудила чрезвычайно много новых мыслей, новых стремлений... Правда, она неграмотна, малоподготовлена, не привыкла отвлеченно мыслить, работать над книгой, но ее революционные переживания являются громадным плюсом» [11].

Родившиеся в 1890-х гг. были людьми уже сформировавшимися: выросшими в традиционной среде, с традиционными ценностями, получившими некоторое образование, прошедшими в итоге суровую школу первой мировой. И хотя среда, в которой жили россияне во второй половине XIX в., постоянно менялась, а образование многих и многих ограничивалось 3-4 классами ЦПШ, все же традиционные скрепы – семья, вера, общество – оставались. Те же молодые люди, кто стали комсомольцами в 1919-1920 гг., в массе своей были рождены в начале XX в. Они отличались от предшествующего поколения тем, что раннее детство, приходившееся на предвоенные годы, они, как и все дети, помнили мало, а их становление совпало со все более усугубляющимся периодом нестабильности – война, революция, новая война. Жизнь менялась слишком быстро и в не лучшую сторону. Прин-

ципы, ценности, правила, традиции, которые для родителей детей, родившихся в первые годы XX в., оставались в массе своей незыблемыми, краеугольными камнями реальности, в сознании их детей теряли свою исключительность и безусловность. Способность к иному мироощущению, и, соответственно, поведению была на определенном этапе подкреплена определенными силами, использовавшими это в своих целях. В то же время, как это и случается в эпохи социальных перемен, заработали социальные лифты, дававшие реальные возможности конкретным подросткам вырваться за пределы той реальности, которая им прогнозировалась исходным бытием и имеющимися возможностями.

Список источников и литературы

1. *Авангард Красного Востока* (1921). Оренбург. № 1.
2. Андриец, У. М. (2016). *Особенности становления коммунистического союза молодежи в Дальневосточном регионе (1920-1923 гг.)* // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. № 6-1. С. 32-37.
3. Баланцев, А. В. (2012). *Комсомол и Русская православная церковь: начало противостояния* // Альманах современной науки и образования. № 7. С. 10-12.
4. Все тебе, Родина!: Очерки истории Оренб. обл. организации ВЛКСМ, 1919-1977 (1977) / [Л. И. Фурорьянский, д-р ист. наук, Р. Ш. Куваков, Н. И. Марков и др.; Ред. коллегия: ... Г. В. Кривяков (отв. ред.) и др.]. Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во. 225 с.
5. Вязинкин, А. Ю. (2022). *Поколение «революционного перелома» в судьбе русской деревни первой трети XX в.: проблемы историографии* // Вопросы истории. № 7 (2). С. 153-165.
6. Козлов, Ф. Н. (2014). *Молодежные реакции на инновационный аспект советского безбожия: Историко-психологический аспект* // PolitBook. № 3. Р. 68-79.
7. *Коммунистическая жизнь*. (1919). 10 июля.
8. *Комсомольское племя*. (1968). 22 июня.
9. *Комсомольское племя*. (1988). 29 октября.
10. *Ленинский комсомол: Очерки по истории ВЛКСМ* / (1963). [Предисл. секретаря ЦК ВЛКСМ С. Павлова]; [Ред. Ю. Н. Верченко и др.]. 3-е изд., перераб. Москва: Молодая гвардия. 815 с.
11. Луначарский, А. В. (1923). *Речь [на 2-м Всероссийском съезде совпартикол 11 апреля 1923 г.]*. // Правда. 12 апреля.
12. Научный архив Оренбургского губернаторского историко-краеведческого музея. Ф. 2554. Оп. 1. Д. 1035.
13. Научный архив Орского историко-краеведческого музея. Д. 27/31.
14. *Наш Ленинский комсомол: учеб. пособие* (1972). Москва: Молодая гвардия. 479 с.
15. Объединенный государственный архив Оренбургской области. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 219.
16. ОГАОО. Ф. 208. Оп. 1. Д. 41.
17. ОГАОО. Ф. Р-1319. Оп. 1. Д. 6.
18. ОГАОО. Ф. 1694. Оп. 1. Д. 6.
19. ОГАОО. Ф. 2167. Оп. 1. Д. 5.
20. ОГАОО. Ф. 2837. Оп. 1. Д. 163.
21. ОГАОО. Ф. 2900. Оп. 1. Д. 175.
22. ОГАОО. Ф. 6002. Оп. 1. Д. 280.
23. ОГАОО. Ф. 6002. Оп. 1. Д. 518.
24. ОГАОО. Ф. 6002. Оп. 1. Д. 525.
25. ОГАОО. Ф. 6002. Оп. 1. Д. 527.

26. ОГАОО. Ф. 6002. Оп.1. Д. 528.
27. ОГАОО. Ф. 6002. Оп.1. Д. 529.
28. ОГАОО. Ф. 6002. Оп.1. Д. 531.
29. ОГАОО. Ф. 6002. Оп.1. Д. 534.
30. ОГАОО. Ф. 6002. Оп.1. Д. 538.
31. ОГАОО. Ф. 6002. Оп.1. Д. 542.
32. ОГАОО. Ф. 6002. Оп.1. Д. 549.
33. ОГАОО. Ф. 6002. Оп.1. Д. 551.
34. ОГАОО. Ф. 6002. Оп.1. Д. 558.
35. Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф. 77. Оп.1. Д. 127.
36. ОГАЧО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 344.
37. Рожков, А.Ю. (2016). *Трансформация ценностных ориентаций сельской молодежи Кубани в условиях межпоколенческого разрыва (1920-е гг.)* // *Голос минувшего*. № 3-4. С. 164-182.
38. Рыбаков, Р. В. (2017). *Восприятие революции в России молодежью: по материалам писем и дневников 1917-го — первой половины 1920-х гг.* // *Омский научный вестник*. Сер.: Общество. История. Современность. № 2. С. 31-33.
39. Самарский объединенный государственный архив социально-политической истории (СОГАСПИ). Ф. 3500. Оп. 1. Д. 233.
40. Сафонов, Д. А. (2008). *Между империей и республикой Советов: местная власть на Южном Урале в 1917-1918 гг.* Оренбург: печатный дом «Димур». 448 с.
41. Сафонов, Д. А. (2020). «Опора режима»: проблема защиты коммунистической власти в годы гражданской войны // *Вопросы истории*. № 12-1. С. 44-55.
42. Сафонов, Д. А. (2021). *Эпоха революционных перемен первой четверти XX века в воспоминаниях современников: оренбургские источники*. Оренбург: ОГУ. 311 с.
43. Сидорчук, И. В. (2021). «Никто мне не запретит и ничего не сделает»: досуг как пространство свободы в эпоху социальных трансформаций 1920-х гг. // *Новое прошлое / The New Past*. № 2. С. 122.
44. *Славный путь Ленинского комсомола: В 2 т. (1974)* / Ред. коллегия: Е. М. Тяжелников [и др.]. Москва: Молодая гвардия. Т. 1. 574 с.; Т. 2. 782 с.
45. Слезин, А. А. (2009). *За «новую веру». Государственная политика в отношении религии и политический контроль среди молодежи РСФСР (1918-1929 гг.)*. Москва: издат. дом Академия естествознания. 214 с.
46. Слезин, А. А., Скоропад А.Э. (2013). *Открытый внешний политический контроль над комсомольскими организациями в РСФСР (1918-1929 гг.)* // *Социодинамика*. №12. С.97-123.
47. Слезин, А. А. (2022). *Сельская молодежь первой трети XX в. и ее влияние на социум в оценках современных исследователей* // *Вопросы истории*. № 8 (2). С. 106-128.
48. Стецюк, С. (1968). *Именем победившего народа. Молодые чекисты Оренбуржья* // *Блокнот агитатора (Оренбург)*. № 20. Октябрь. С. 21-25.
49. *На защите интересов России: ГубЧК УФСБ 80 лет (1998)* / Сост. Н. И. Курочкин, В. Г. Глазков, И. Я. Тарасов. Оренбург: Оренб. губерния. 110 с.
50. Футорянский, Л. И. (1959). *Коммунистическая партия - организатор комсомола* // *Годы борьбы. Из истории Оренбургской областной партийной организации. 1905-1925 гг.* Оренбург: Оренб. кн. изд-во, Вып. 1. С. 136-158.
51. Футорянский, Л. И. (1998). *Путь твоих сверстников: материал в помощь лектору к 70-летию комсомольской организации Оренбуржья* / Оренб. обл. организация об-ва "Знание", Оренб. обком ВЛКСМ. Оренбург: [б. и.]. 30 с.
52. *Юность комсомольская моя: монография (2019)* / Д. А. Сафонов, Е. Ф. Томина, О. В. Ягудина, Л. Т. Жайбалиева; Оренбургский гос. ун-т. Оренбург: ОГУ. 259 с.
53. *Юный творец. 1920*. № 1. Октябрь.

References

1. Avangard Krasnogo Vostoka (1921). Orenburg, 1. (in Russian).
2. Andriec, U. M. (2016). *Osobennosti stanovleniya kommunisticheskogo soyuza molodezhi v Dal'nevostochnom regione (1920-1923 gg.)* [Features of the formation of the communist youth union in the Far East region (1920-1923)] in *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*, 6-1, 32-37. (in Russian).
3. Balancev, A. V. (2012). *Komsomol i Russkaya pravoslavnaya cerkov': nachalo protivostoyaniya* [Komsomol and the Russian Orthodox Church: the beginning of the confrontation] in *Al'manah sovremennoj nauki i obrazovaniya*, 7, 10-12. (in Russian).
4. *Vse tebe, Rodina!:* Ocherki istorii Orenb. obl. organizacii VLKSM, 1919-1977 (1977) / [L. I. Futoryanskij, d-r ist. nauk, R. Sh. Kuvakov, N. I. Markov i dr. ; Red. kollegiya: ... G. V. Kri-vyakov (otv. red.) i dr.]. [All to you, motherland]. Chelyabinsk, Yuzh.-Ural. kn. izd-vo. (in Russian).
5. Vyazinkin, A. Yu. (2022). *Pokolenie «revolyucionnogo pereloma» v sud'be russkoj derevni pervoj treti HKH v.: problemy istoriografii* [Generation of "revolutionary turning point" in the fate of the Russian village in the first third of the 20th century: problems of historiography] in *Voprosy istorii*, 7 (2), 153-165. (in Russian).
6. Kozlov, F. N. (2014). *Molodezhnye reakcii na innovacionnyj aspekt sovetskogo bezbozhiya: Istoriko-psihologicheskij aspekt.* [Youth reactions to the innovative aspect of Soviet godlessness: Historical and psychological aspect] in *PolitBook*, 3, 68-79. (in Russian).
7. *Kommunisticheskaya zhizn'* (1919). 10 iyulya. (in Russian).
8. *Komsomol'skoe plemya* (1968). 22 iyunya. (in Russian).
9. *Komsomol'skoe plemya* (1988). 29 oktyabrya. (in Russian).
10. *Leninskij komsomol: Ocherki po istorii VLKSM / (1963)* [Predisl. sekretarya CK VLKSM S. Pavlova]; [Red. Yu. N. Verchenko i dr.]. [Lenin Komsomol: Essays on the history of the Komsomol]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ. (in Russian).
11. Lunacharskij, A. V. (1923). *Rech'* [na 2-m Vserossijskom s"ezde sovpartshkol 11 aprelya 1923 g.] [Speech [at the 2nd All-Russian Congress of Soviet Party Schools on April 11, 1923].] in *Pravda*, 12 aprelya. (in Russian).
12. Nauchnyj arhiv Orenburgskogo gubernatorskogo istoriko-kraevedcheskogo muzeya. F. 2554. Op. 1. D. 1035. (in Russian).
13. Nauchnyj arhiv Orskogo istoriko-kraevedcheskogo muzeya. D. 27/31. (in Russian).
14. *Nash Leninskij komsomol: Ucheb. posobie* (1972) [Our Leninist Komsomol]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ. (in Russian).
15. Ob"edinennyj gosudarstvennyj arhiv Orenburgskoj oblasti. F. R-1. Op. 1. D.219. (in Russian).
16. OGAOO. F. 208. Op. 1. D. 41. (in Russian).
17. OGAOO. F. R-1319. Op. 1. D. 6. (in Russian).
18. OGAOO. F. 1694. Op. 1. D. 6. (in Russian).
19. OGAOO. F. 2167. Op. 1. D. 5. (in Russian).
20. OGAOO. F. 2837. Op. 1. D. 163. (in Russian).
21. OGAOO. F. 2900. Op. 1. D. 175. (in Russian).
22. OGAOO. F. 6002. Op. 1. D. 280. (in Russian).
23. OGAOO. F. 6002. Op. 1. D. 518. (in Russian).
24. OGAOO. F. 6002. Op. 1. D. 525. (in Russian).
25. OGAOO. F. 6002. Op. 1. D. 527. (in Russian).
26. OGAOO. F. 6002. Op. 1. D. 528. (in Russian).
27. OGAOO. F. 6002. Op. 1. D. 529. (in Russian).
28. OGAOO. F. 6002. Op. 1. D. 531. (in Russian).
29. OGAOO. F. 6002. Op. 1. D. 534. (in Russian).

30. OGAOO. F. 6002. Op. 1. D. 538. (in Russian).
31. OGAOO. F. 6002. Op. 1. D. 542. (in Russian).
32. OGAOO. F. 6002. Op. 1. D. 549. (in Russian).
33. OGAOO. F. 6002. Op. 1. D. 551. (in Russian).
34. OGAOO. F. 6002. Op. 1. D. 558. (in Russian).
35. Ob"edinennyj gosudarstvennyj arhiv Chelyabinskoy oblasti (OGACHO). F. 77. Op. 1. D. 127. (in Russian).
36. OGACHO. F. 77. Op. 1. D. 344. (in Russian).
37. Rozhkov, A. Yu. (2016). *Transformaciya cennostnyh orientacij sel'skoj molodezhi Kubani v usloviyah mezhpokolencheskogo razryva (1920-e gg.)*. [Transformation of value orientations of the rural youth of the Kuban in the context of the intergenerational gap (1920s).] in Golos minuvshego, 3-4, 164-182. (in Russian).
38. Rybakov, R. V. (2017). *Vospriyatie revolyucii v Rossii molodezh'yu: po materialam pisem i dnevnikov 1917-go — pervoj poloviny 1920-h gg.* [Perception of the revolution in Russia by young people: based on letters and diaries of 1917 - the first half of the 1920s.] in Omskij nauchnyj vestnik. Ser.: Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost', 2, 31-33. (in Russian).
39. Samarskij ob"edinennyj gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoj istorii (SO-GASPI). F. 3500. Op. 1. D. 233. (in Russian).
40. Safonov, D. A. (2008). *Mezhdru imperiej i respublikoj Sovetov: mestnaya vlast' na Yuzhnom Urale v 1917-1918 gg.* [Between the Empire and the Soviet Republic: Local Power in the Southern Urals in 1917-1918]. Orenburg, Dimur Publ. (in Russian).
41. Safonov, D. A. (2020). «*Opora rezhima*»: *problema zashchity kommunisticheskoj vlasti v gody grazhdanskoj vojny*. ["Support of the regime": the problem of protecting communist power during the civil war] in Voprosy istorii, 12-1, 44-55. (in Russian).
42. Safonov, D. A. (2021). *Epoha revolyucionnyh peremen pervoj chetverti XX veka v vospominaniyah sovremennikov: orenburgskie istochniki*. [The era of revolutionary changes in the first quarter of the XX century in the memoirs of contemporaries: Orenburg sources]. Orenburg, OGU. (in Russian).
43. Sidorchuk, I. V. (2021). «*Nikto mne ne zapretit i nichego ne sdelat*»: *dosug kak prostanstvo svobody v epohu social'nyh transformacij 1920-h gg.* ["No one will forbid me and will not do anything": leisure as a space of freedom in the era of social transformations of the 1920s.] in Novoe proshloe. The New Past, 2, 122. (in Russian).
44. *Slavnyj put' Leninskogo komsomola: v 2 t.* (1974) / Red. kollegiya: E. M. Tyazhel'nikov [i dr.]. [The glorious path of the Lenin Komsomol]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ. T. 1; T. 2. (in Russian).
45. Slezin, A. A. (2009). *Za «novuyu veru». Gosudarstvennaya politika v otnoshenii religii i politicheskij kontrol' sredi molodezhi RSFSR (1918-1929 gg.)*. [For the "new faith". State policy towards religion and political control among the youth of the RSFSR (1918-1929)]. Moscow, Akademiya estestvoznaniya Publ. (in Russian).
46. Slezin, A. A., Skoropad, A. E. (2013). *Otkrytyj vneshnij politicheskij kontrol' nad kom-somol'skimi organizacijami v RSFSR (1918-1929 gg.)* [Open external political control over Komsomol organizations in the RSFSR (1918-1929)] in Sociodinamika, 12, 97-123. (in Russian).
47. Slezin, A. A. (2022). *Sel'skaya molodezh' pervoj treti XX v. i ee vliyanie na socium v ocnkah sovremennyh issledovatelej*. [Rural youth in the first third of the twentieth century. and its impact on society in the assessments of modern researchers.] in Voprosy istorii, 8 (2), 106-128. (in Russian).
48. Stecyuk, S. (1968). *Imenem pobedivshego naroda. Molodye chekisty Orenburzh'ya* [In the name of the victorious people. Young security officers of the Orenburg region] in Bloknot agitator (Orenburg), 20 oktyabr', 21-25. (in Russian).

49. *Na zashchite interesov Rossii: GubCHK UFSB 80 let (1998)*. [To protect the interests of Russia:], sost. N. I. Kurochkin, V. G. Glazkov, I. Ya. Tarasov. Orenburg, Orenb. guberniya Publ. (in Russian).

50. Futoryanskij, L. I. (1959). *Kommunisticheskaya partiya - organizator komsomola* [Communist Party - organizer of the Komsomol] in Gody bor'by. Iz istorii Orenburgskoj oblastnoj partijnoj organizacii. 1905-1925 gg. Orenburg, Orenb. kn. izd-vo, vyp. 1, 136-158. (in Russian).

51. Futoryanskij, L. I. (1998). *Put' tvoih sverstnikov: material v pomoshch' lektoru k 70-letiyu komsomol'skoj organizacii Orenburzh'ya* [The path of your peers], Orenb. obl. organizaciya ob-va "Znanie", Orenb. obkom VLKSM. Orenburg, [b. i.]. (in Russian).

52. *Yunost' komsomol'skaya moya (2019)*. [My Komsomol Youth] / D. A. Safonov, E. F. Tomina, O. V. Yagudina, L. T. Zhajbalieva; Orenburgskij gos. un-t. Orenburg, OGU. (in Russian).

53. Yunyj tvorec (1920). 1, oktyabr'. (in Russian).

XVII ВЕК

**Кудланов К. Б.,
Голубков Р. О.**
(Курск)

УДК 94(47)(470.56)

**ТРАЕКТОРИЯ ЗАСЕЛЕНИЯ СЛУЖИЛЫМИ ЛЮДЬМИ ПРИТОКОВ ПСЛА
ПОСЛЕ ВОЗВЕДЕНИЯ БЕЛГОРОДСКОЙ ЧЕРТЫ**

Статья посвящена анализу архивных материалов и других нарративных источников, на основе которых устанавливаются места оттока при заселении служилых людей с сер. XVII вв. Обоянского и Суджанского уездов. Весь означенный процесс авторы рассматривают по каждой переселенческой категории отдельно. Исследователи определяют у сведенцев процент нетчиков и важность их института поручительства, у сходцев – их социальный состав и наличие среди них земляческих групп, а у местного населения – роль их влияния на весь процесс заселения. В итоге авторы установили, что оба этих уезда заселялись преимущественно окрестной траекторией и располагали множеством детей боярских, желающих иметь поместья в тылу. Ещё в этих уездах перестаёт доминировать северная траектория заселения, из которой в обоих из них преобладало её западное направление над восточным. Кстати, наличие последней являлось характерной особенностью Обоянского у., из-за принудительного заселения г. Карпова. Особенность же Суджанского у. состояла в изначальном присутствии местного населения, а также в близком соседстве с малороссиянами из Сумского слободского полка. Авторы замечают, что, в основном, общице черты в заселении Суджанского и Обоянского у. обусловили их соседство, а также расположение на одной и той же речной системе. Более того, заселение одного уезда плавно перетекало в другой. Ведь активная колонизация притоков Псла служилыми людьми проходила поочерёдно с востока на запад во время укрепления тылов Белгородской черты. Кстати, оно двигалось навстречу украинской колонизации, протекавшей по обратной траектории с запада на восток. Встретились же они на территории Суджанского уезда. Помимо этого вывода, авторы установили лавинообразность географии заселения изучаемой местности из-за того, что со временем места выхода северной траектории смещались южнее.

Ключевые слова: служилые люди, однодворцы, сходцы, сведенцы, местное население, траектория, переселенцы, уезд, Центральное Черноземье, Белгородская черта.

The article is devoted to the analysis of archival materials and other narrative sources, on the basis of which the places of outflow during the settlement of service military people from the middle of the XVII-th century at Oboyansky and Sudzhansky counties are established. The authors consider the entire process mentioned above for each migration category separately. Researchers determine the percentage of the forced settlers who didn't come and the importance of their institute of guarantee, among the unauthorized migrants – their social composition and the presence of fellow countrymen among them, and among the local population – the role of their influence on the entire settlement process. As a result, the authors found that both of these counties were populated mainly by the surrounding trajectory and had many boyar children who wanted to have estates in the rear. Even in these counties, the northern trajectory of settlement ceases to dominate, from which, in both of them, its western direction prevailed over the eastern one. By the way, the latest presence was a characteristic feature of the Oboyan county, due to the forced settlement of the Karpov city. The peculiarity of the Sudzhansky county was in the initial presence of the local population, as well as in close proximity to the ukrainians from the Sumy Sloboda Regi-

ment. The authors note that, basically, common features in the settlement of Sudzhansky and Oboyansky counties determined their proximity, as well as their location on the same river system. Moreover, the settlement of one county smoothly flowed into another. After all, the active colonization of the tributaries of the Psel river by service military people took place alternately from east to west during the strengthening of the rear of the Belgorod line. By the way, it was moving towards the Ukrainian colonization, which proceeded along the reverse trajectory from west to east. They met on the territory of the Sudzhansky county. In addition to this conclusion, the authors established that geography of settlement in the study area was an avalanche-like, due to the fact that over time, the exit points of the northern trajectory shifted south.

Keywords: military service people, warriors, single-court people, smallholders, unauthorized migrants, forced settlers, indigenous people, Crimean Tatars, trajectory, settlers, county, Central Chernozem region, Tula line, Belgorod line.

DOI: 10.24888/2410-4205-2022-33-4-58-67

Для всей истории Центрального Черноземья является важным установление мест оттока её колонизационного процесса с выявлением её закономерностей и эволюции. Это, собственно, и является целью данной статьи. Для её достижения мы сопоставим географии заселения уездов, схожих по времени своего освоения и своему расположению в ближайшем тылу к ключевому оборонительному сооружению юга ЦЧ – Белгородской черте. Для этого мы выбрали 2 уезда: Обоянский и Суджанский. Оба они начали заселяться с середины XVII века.

Перед началом детального рассмотрения означенной темы обратим внимание ещё на некоторые методологические тонкости, применённые нами в данном исследовании. Во-первых, здесь мы применили методологию сопоставления территориально-административного деления XVI-XVII вв. с XIX веком. Это уменьшает путаницу и значительно упрощает последующие сравнения с местами выхода однодворцев. Важно ещё учитывать слабую заселённость местности того времени. Из этого следовало, что запись XVII в. «из под Курска» к XIX в. означала принадлежность к одному из будущих уездов: Львовскому, Фатежскому, Обоянскому, Тимскому, Щигровскому или Курскому. Во-вторых, когда мы упоминаем какой-либо служилый город, то автоматически имеем в виду и его уезд. Это вызвано тем, что детей боярских помещали в уезде, и редко – в самом городе. Иногда некоторые группы служилых людей по прибору тоже помещали в уезде. В-третьих, нужно учитывать ещё и то, что в основном один человек служил за всю семью, а его домашние обеспечивали ему тыл. Таким образом, когда мы упоминаем о служилом переселенце, то можно его сопоставлять с душой, одним человеком и даже с его семьёй. Кстати, по мнению специалистов, средняя служилая семья в XVII в. состояла из 4,5 душ обоёго пола [12, с. 303]. Однако данную методологию сопоставления мы употребляем исключительно в рамках этой статьи. Итак, начнём наше исследование с Обоянского у., к территории которого мы отнесём крепости Обоянь и Карпов. Последняя была выбрана нами не случайно. История этой территориально-административной единицы выглядела следующим образом. В 1727 г. к этому городу был приписан Карповский у. [13, с. 37], который в 1779 г. переименовали в Богатенский [9, с. 80]. Из последнего большая часть селений в нач. XIX в. была отнесена к Обоянскому у., хотя сам упразднённый город и перешёл в Белгородский уезд [5, с. 371]. Тем более многие помещенные там служилые люди проживали в сельской местности на севере от этой крепости. Следовательно, география заселения г. Карпова непосредственно относится и к Обоянскому уезду.

Вышеупомянутый г. Карпов был построен 15 мая 1644 г., однако, в течение двух лет он оставался стоялым острогом. Правительству не удалось туда набрать на службу «вольных охочих людей» по причине высокой опасности города, расположенного на Муравском шляхе. Когда же в 1646 г. там начали возводить земляной вал [6, с. 207], тогда на «вечное житьё» в Карпов были сведены первые жители. Сначала поселили 12 пушкарей из Орла и

Мценска [11, с. 426] и служилых людей из Кром [11, с. 443]. На следующий 1647 г. туда свели ещё 100 ливенских полковых казаков [11, с. 440]. Д.К. Зеленин к первым насельникам этого сторожевого города к тому же относит сведенцев из Курска, Одоева, Переяславля-Рязанского, Сапожка и Москвы [8, с. 49]. И.Н. Миклашевский и Ю.В. Готье подтверждают последние места выходов [10, с. 152; 3, с. 278]. Однако, В.П. Загоровский в число насильно переселённых в г. Карпов (стрельцов, казаков и пушкарей), добавляет ещё выходцев из: Белева, Венева, Дедилова, Печерникова, Рязска и Михайлова. Помимо всех в г. Карпов были сведены многие комарицкие драгуны [6, с. 229]. Таким образом, уже к 1647 г. за стенами деревянных крепостей возникли стрельцовая, казацкая, драгунская, пушкарская слободы. Они сохранились до сих пор, в виде сел с такими же названиями [6, с. 229].

В 1648 г. к ним, в принудительном порядке, присоединили ещё 297 семейств [10, с. 159]. В их число входили 258 орловчан: 199 детей боярских, 50 стрельцов и 9 пушкарей [15, д. 258. л. 78-82]. Остальные сведённые 39 детей боярских, были из под Курска [8, с. 49]. Среди последних Н.А. Благовещенский насчитал 2 выходцев из д. Поветкиной Щигровского у. и 37 душ, выселенных из 10 селений северо-восточного угла будущего Фатежского уезда. По сёлам они распределялись так: 8 семейств вышли из с. Скородного (Липинова), по 3 – из Полсела Горяинова, с. Коронина и д. Дерловой, а также по 1 – из Воробьевки, Янининой, Никольского под Яниным, Богоявленского с Усожи, а также д. Умеренковой и сл. Радиной. Примечательно, что этот Обмяцкий стан к сер. XVII в. был самым густонаселённым в тогдашнем Курском уезде [2, с. 203-204]. Следовательно, места вывода сведенцев определялись пропорционально заселённости территории.

Теперь перейдём к географии заселения г. Обояни. Эта крепость была построена в 1649 г. [2, с. 517-518] на повороте с Муравского на Бакаев шлях, но глубоко в тылу от Белгородской черты [12, с. 370]. Её поставили среди обильных пашенных земель, расположенных «в крепких местах», среди лесов и между рекой Обоянкой (притоком Псла) [12, с. 408-409]. Такое выгодное географическое положение одновременно предопределило две ключевых траектории в заселении этой местности: северную траекторию из сведенцев и местную окружную из сходцев.

Начнём с первой категории переселенцев. Итак, целый ряд исследователей И. Н. Миклашевский, Д. К. Зеленин и Л. Н. Чижикова в один голос утверждают, что дети боярские в г. Обоянь были сведены из Орла, Курска и других мест [10, с. 153; 8, с. 49; 22, с. 19]. В РГАДА нам удалось обнаружить дело, где описывается состав обоянских заселенцев. На основе этого документа мы составили таблицу. В связи с тем, что этот вопрос в историко-географической традиции подробно не освещался, рассмотрим его.

Таблица 1. Сведённые в 1650 г. дети боярские в г. Обоянь [16, д. 328, л. 78-92].

Категория сведенцев	Ор-ловчане	Курчане
СЛУЖАТ ТЕ, КОГО ВЕРСТАЛИ	158	280
ВЫБЫВШИЕ ПО УВАЖИТЕЛЬНЫМ ПРИЧИНАМ, НО ЗАМЕНЕННЫЕ:	11	13
«умерли, вместо них сыновья их»	6	4 ¹
«по Москве»	1	4 ²
«за старостью и увечьями от службы отставлены, а вместо них сыновья их»	4	7 ³

¹ 1 раз заменили зятем.

² После возвращения обязывались вернуться. В явившихся их количество не учитывалось.

³ 2 раза заменили племянником и 1 раз внуком.

по «Государеву указу и по розрядной памяти» заменены сыновьями	-	2
«за бедность, и за одиночество, и за воровство, и за увечья» отстранили от службы и заменили другим	-	1
ВЫБЫВШИЕ ПО НЕ УВАЖИТЕЛЬНЫМ ПРИЧИНАМ, НО ЗАМЕНЕННЫЕ	10	6
Бежали, получив жалование, но заменены для городского дела поручителями	10 ¹	3 ²
Не явились, но были заменены	-	3 ³
ИТОГО В ЯТЕХ	174	300
Нетчики дети боярские в Обояни не бывали	17	3
Не взяв жалованья из города сбежали	9	2
Взяв жалование из города сбежали со всем	7	3
ИТОГО В НЕТЯХ	38	7
Недокомплект сведенцев	33	7
ИТОГО ПЛАНИРОВАЛОСЬ К ПЕРЕСЕЛЕНИЮ	207	307

Итак, мы видим, что среди орловчан нетчиков значительно больше (81, 7 к 18, 3 %), нежели у курян (97, 7 к 2, 3 %). Следовательно, куряне с большим удовольствием сходили со своих прежде обжитых мест. Скорее всего, это было вызвано усилившимися на Курский у. набегами крымских татар в 40 – 50 гг. XVII века [12, с. 296]. Нельзя было сказать о наличии всеобщей радости при сведении орловчан, т.к. почти каждый пятый из них не явился. Видимо, помимо приказа, у них мало было поводов к подобному движению из относительно безопасных орловских мест в сторону пересечения Бакаева и Муравского шляхов, пусть даже и за Белгородской чертой. Таким образом, мы видим, что в разных местах выхода желаемость сведения в ту или иную местность отличалась и зависела от ряда различных факторов.

На основе полученных данных мы можем оценить эффективность системы поручительства в сведении служилых людей. Итак, в десяти г. Обояни за 1650 г. мы видим, что у каждого служилого человека имелось от 3 до 4 поручителей, т.е. «порука в деньгах и в службе» [14, д. 228, л. 61]. Из представленной таблицы мы видим, что из 24 детей боярских, не явившихся по уважительной причине (смерть, старость и ранения, царский указ ...), только один был заменён человеком со стороны. Это замещение объяснялось так: «... за одиночество...» [16, д. 328, л. 86], – т.е. не было родных. Остальные же замещались родственниками, т.е. 2 раза племянниками, по 1 разу внуком и зятем, а в остальных случаях служилых меняли их сыновьями.

Иначе, в этом плане, дело обстояло среди не явившихся по неуважительной причине. Из 16 таких детей боярских только 5 были заменены родными (4 раза сыновьями и 1 – родственником). Ещё один скрывшийся сам нанял вместо себя постороннего человека. Заботами по замене остальных 10 нетчиков были обременены их поручители. Эта проблема упрощалась для тех поручителей, чей не явившийся или беглец предварительно не взял государственного жалования. Когда же беглец брал предварительную плату, тогда: «государево жалованье доправлено ... на поручиках ево», – а деньги от сбежавшего отдавались новонаянтому служилому человеку. Подобный случай мы встречаем с беглецом Т. А. Хаменским [16, д. 328, л. 88].

¹ 3 раза заменили сыновьями, 1 раз – родственником и 1 раз бежавшие наняли вместо себя других.

² 1 беглец не взял государственного жалования и бежал в Карпов. 2 других бежали «безвестно». Один из них, к тому же еще взял государственное жалование. Впоследствии деньги за него вернули его поручители. Вместо всех беглецов были наняты посторонние люди.

³ 1 из них был заменен собственным сыном.

Таким образом, мы видим, что система поручительства применялась только к категории неблагонадёжных служилых людей. Среди же остальных замещения происходили, в основном по принципу преемственности поколений.

Теперь перейдём к категории сходцев. С самого начала основания г. Обояни население украинских городов высоко оценило достоинства месторасположения этой крепости и со всех сторон устремилось туда. Мы можем подсчитать первоначальные масштабы этого стечения сходцев. Ведь нам известно общее количество вновь поселенных дворов, по росписи воеводы И. Колтовского, насчитывалось 568. Из этого числа вычтем 474 вышеупомянутых курских и орловских сведенцев [16, д. 328, л. 78-92]. Тогда получим, что только в первый год основания Обояни туда пришло 94 двора сходцев, составлявшие 16,5 % от всех пришедших. Это подтверждается данными А. А. Новосельского писавшего, что в период с 1649 – 1652 г. только из Курского у. в новопостроенную Обоянь бежало 149 душ. Примечательно, что это составляет 36,7 % от всех бежавших крестьян и бобылей из Курского у. за период 1632 – 1652 годов [12, с. 407]. Таким образом, благоприятность обоянских мест доказывается статистически. Более того, по мнению составителей сборника по Обоянского у., этот поток различных категорий сходцев [2, с. 517-518] продолжал приселяться туда даже в XVIII веке [20, с. 27].

Помимо доминирующей северной траектории заселения, в г. Обояни имелись и исключения в виде обратной траектории с юга. Известен случай, когда в 1646 г. М. Б. Селихов из Орла [17, д. 54. л. 1153об] был сведён в г. Карпов [15, д. 258. л. 53]. Однако, в 1650 г. его уже там нет, а находим мы его в том же году в г. Обояни в качестве орловского сведенца сына боярского [16, д. 328, л. 81]. С тех пор его поместье находится в д. Бегичевой Обоянского уезда [19, д. 2351, л. 532об-533]. Из этого случая мы видим и то, что М. Б. Селихов, прожив некоторое время в г. Карпове, не потерял своего статуса орловского сведенца.

Переходя к сходцам г. Карпова нужно отметить, что обмен служилыми людьми между Обоянью и Карповом был в то время распространённым явлением. Так, курский сведенец сын боярский П. Тимирязев из Обояни бежал в г. Карпов [16, д. 328, л. 84.]. Несмотря на повышенную опасность, имелись на Белгородской черте, в качестве сходцев, и бывшие беглые крестьяне. Так, в росписи крестьян и бобылей, бежавших из Курского у. числится, что в Карпов с 1644 г. бежало 59 человек [12, с. 407].

Интересным будет рассмотреть географию заселения служилых людей д. Петровы Будищи, отошедшей в нач. XVIII в. из Суджанского в Обоянский уезд. Оно основалось с 1664 по 1668 год. При заселении этой деревни доминировала местная траектория из Обоянского же уезда. 5 душ пришли из дер. Бегичевой, по 1 душе из деревень Пещаной, Картомышевой и Череневой, а 3 казака пришли туда из самой Обояни. Один из них «живал в Обояни на посаде в казаках», а два других сошли из сл. Казачей. Северная траектория была представлена только 2 переехавшими вместе в 1664 г. выходцами из Мценского у., деревень Андросовой и Агарковой [18, д. 661, л. 67-72].

Подведя итоги географии заселения Обоянского у., отметим, что в ней прослеживалась как северо-западная траектория, так и северо-восточная. Первая протекала из: окрестностей Москвы той же губ., Тульской губ. (Белева, Венева, Деилова и Одоева), Орловской губ. (Орла, Мценска, Кром, Ливен и Комарицкой волости). Вторая выходила из Рязанской губ. (Переяславля-Рязанского, Сапожка, Ряжска, Михайлова, Печерникова). Была существенна уже и местная траектория из под Курска той же губ., которая занимала более половины всех переселенцев в уезд.

Перейдём к следующему уезду. «На средней татарской сакме [21, с. 17]» малороссийскими переселенцами в 1661 г. был построен г. Суджа [1]. Этот процесс не был стихийным, т.к. контролировался Московским правительством. В разное время туда пришло более тысячи черкас из более, чем 120 различных мест [21, с. 21]. Однако, помимо малороссиян этот край заселялся и великороссами. В РГАДА нами было обнаружено дело, согласно ко-

тому можно подробно рассмотреть изначальную географию заселения Суджанского у. служилыми людьми.

Итак, известно, что с 1665 по 1679 гг. в Суджанский у. по 1 чел. сошло из Смоленска той же губ., дворцовой Дудинской волости будущей Калужской губ. и г. Вольного Слободско-Украинской губернии. 10 чел. переселились из Тульской губ. (Белёва 9 и Новосили 1 душа) и 46 – из Орловской губ. (Мценска 16, Севска 14, Кром 7, Орла 5, Трубчевска 2, а также по 1 душе из Болхова и Карачева). Больше всего 281 служилых людей сошло из Курской губ. (Курска 151, Обояни 107, Рыльска 6, Старого Оскола 2, а также по 4 из Путивля, Хотмыжска, Карпова и по 1 душе из Яблони, Корочи и Белогорода) [18, д. 661, л. 72].

Социальный облик всех сходцев на 92, 3 % состоял из детей боярских (312 душ). Из них 19 чел. уже были на службе и имели поместья в местах своего выхода. Остальные же 293 детей боярских были беспоместными, но были на службе в местах своего выхода, где и жили у родных. Служилых по прибору среди сходцев насчитывалось всего 14 казаков. Среди сходцев видим мы и крестьянский элемент, которого насчитывалось всего 3, 5 %. Эта группа состояла из: 8 монастырских крестьян и 4 тяглых людей [18, д. 661, л. 71-72]. Следовательно, беглые крестьяне не всегда доминировали среди самовольно сошедшего населения. Их количественный состав зависел от месторасположения вновь создаваемой крепости, политики государства по отношению к беглым, а также социального состава населения, проживающего на близлежащей территории. На примере окрестностей Суджи мы видим, что в 1660-х гг. самого крестьянства там было не так много.

Хотя в вышеуказанном составе переселенцев не указываются выходцы из Суджанского же уезда, нужно отметить, что тогда там имелось местное население. А. И. Терлецкий относительно этого вопроса писал однозначно: «население в Судже существовало гораздо раньше 1664 года» [21, с. 28]. Тот же автор отмечал, что в этой местности сохранилось несколько селений, в которых теплилась жизнь и в период Золотой Орды и после него. К ним он относит местности близлежащие к нынешним селениям Косторное, Горналь, Гирьи и др. [21, с. 11-14]. По его предположению, в первых двух могли жить северяне, а в Гирьи – татары. Возможно, это местное население, впоследствии частично вошло в состав служилых людей. Возвращаясь же к вышеупомянутым сходцам, отметим, что по обилию пустых мест в тех краях, они пришли «на дикое поле» и основали там 24 селения. А именно: 19 деревень (Солдатскую, Черную Ольху, Скороходовку, Ульны, Съезжую Поляну, Чистое Поле, Заломную, Бирюковку, Хотез Колодезь, Саморядовку, Петровы Будущи, Новые Будущи, Поречную, Маховую, Каменца Колодезя, Любостани, Короткую, Кривецкой Будущи и Суходолу) и 5 сёл (Скородное, Козыревку, Белицу, Щегольку и Долгого Колодезя) [18, д. 661, л. 67-72]. В составленной нами таблице № 2, представленной ниже, мы можем рассмотреть особенности географии заселения некоторых из упомянутых нами выше селений.

Таблица 2. География заселения 6 селений Суджанского у. с 1665 по 1669 гг. [18, д. 661, л. 8-25].

Сколько дворов заселили селение	Когда	По сколько душ	Откуда вышли переселенцы
с. Скородное, 24 дв.	1665 – 1669 гг.	По 4	Курского у. д. Ваниной.
		По 2	Хотмыжского у. с. Плехово; Курского у. д. Дични и Березовской, а также посада г. Курска.
		По 1	Курского у. деревень Плаксино, Свиридовой, Дроняево, Выползова, Уколово, Долженково, Сулова, Митрофаново, Житень, Маслово, а также сел Покровское и Сорокино.

д. Солдатская, 17 дв.	1666 – 1669 гг.	По 2	Курского у. неизвестного посада г. Курска и сл. Казацкой того же города, а также с. Rogozna.
		По 1	Курского у. посада г. Курска, сл. Пушкарной и Троицкой того же города, а также сел Вильны, Евглевское, Воскресенское и деревень Жирово, Березуцкая на Ломне, Митрофаново, Ширково, Апальковой, Плаксиной.
д. Черная Ольга, 10 дв.	1666 г.	По 4	Курского у. д. Духовца.
		По 2	Курского у. д. Косторной.
		По 1	Курского у. деревень Вежицах, Чертовой, Рассыльной и Ваниной.
д. Скороходова, 15 дв.	1666 – 1670 гг.	По 1	Курского у. деревень Зуевой, Шевякиной, Звягинцевой, Колычевой, Солдатской, Растворовой, Нагаевой и Шаховой; Севского у. деревень Кузьминки, Бычки, Ковелиной и Долбилкине, селе Марве, а также Комарицкой вол.; Кромского у. д. Сухочевой; а также из казаков г. Корочи.
д. Ульны, 14 дв.	1665 – 1669 гг.	По 1	Белевского у. д. Песковатой; Трубческого у. д. Утки и с. Трукове; Севского у. д. Козловской; Путивльского у. посада г. Путивля, д. Глушковой, а также Молчанского монастыря; Рыльского у. деревни Панкеевой и Переступлиной; Курского у. д. Пахомовой; Обоянского у. д. Чиреневой, неизвестной слободы посада г. Обояни, и сл. Казацкой того же города, а также г. Карпова.
д. Саморядовка, 19 дв.	1665 – 1669 гг.	По 2	Курского у. д. Солдатской; Обоянского у. с. Зорина.
		По 1	Смоленского у.; Белевского у. с. Семионове; Курского у. деревень Ваниной, Беломесной, Саморядовой, Долженковой, Фролой, Кобелевой, Бобрищевой и г. Курска; Обоянского у. сел Михайловского и Гостомль, деревень Гочевой и Череневой; а также г. Вольного.

Итак, мы видим, что все эти селения заселялись не одновременно. Землячества на уровне сел, т.е. выселенцы из одного и того же населённого пункта, являются более редкостью (д. Ванина, Долженково и Духовец Курского у.). Это свидетельствует о том, что выселялись излишки, нуждающиеся в поместьях. Однако если выходцы из одного населённого пункта встречались, то они совместно пытались селиться на новом месте. Служилые по отечеству и по прибору в одних и тех же селениях испомещались вместе. В связи с тем, что первые составляли большинство, то последние ассимилируются ими впоследствии.

Количество дворов в селениях не было стабильным и колебалось в диапазоне от 10 до 24. На наш взгляд, это свидетельствовало о том, что процесс колонизации этих селений только начался. Подтверждение этому мы видим в д. Саморядовой. Известно, что туда с 1665 – 1669 гг. заселилось 19 чел. из 17 различных населённых пунктов, располагавшихся в 5 различных уездах ЦЧ. Все они представлены выше в таблице № 2. Из местных преданий известно, что впоследствии в это селение подселились ещё 40 дв. рязанских бондарей, которые к тому же захватили часть окрестных земель у служилых людей. Некоторые детали этой истории были перепутаны местными жителями [22, с. 20], но факт остаётся фактом, что подселения в означенные селения Суджанского у. происходили и в последующее время.

На этот счёт Л. Н. Чижикова пишет, что вольные поселенцы из русских уездов, купив земли, жалованные казакам Сумского Слободского полка в междуречье Псла и Суджи, ещё основали русские села: Пушкарная, Русская Конопелька, Сторожевое, Осиповка, и др. [22, с. 19]. А. И. Терлецкий к концу XVII в. в их число добавляет села Гуйву с Мартыновкой и деревни Растворову, Козыревку и Каменку [21, с. 28]. О вольной колонизации некоторых сёл Суджанского у. свидетельствует и Е. А. Гукова [4, с. 59].

Подводя итог географии заселения Суджанского у., отметим, что сам характер схода определил освоение этой местности. Другими словами, здесь имела сильная местная траектория, подразделяющаяся на вспомогательную внутриуездную и основную внутригубернскую. Если судить даже по первоначальному заселению, то местная западная траектория прослеживается здесь в 24 выходцах из Рыльска, Путивля и Севска, а местная южная – в 12 сходцах из городов Белгородской Черты: Вольного, Хотмыжска, Карпова, Белгорода и Яблонова. Местная восточная траектория представлена разве только 2 выходцами из Оскола. Таким образом, мы видим, что к 1670 г. прилегающая к Суджанскому у. местность уже была достаточно заселена, т.к. 83,1 % от всех сходцев пришли из той же будущей Курской губернии. Северная траектория уже перестаёт здесь доминировать, т.к. на её долю приходится только 17,2 % от всех пришедших в эту местность. Последняя протекала из: Смоленска и Рязани одноимённых губ., дворцовой Дудинской волости будущей Калужской губ., Тульской губ. (Белёва и Новосили), Орловской губ. (Мценска, Севска, Кром, Орла, Трубчевска, Болхова и Карачева).

Много общего в заселении Суджанского и Обоянского у. обусловило их соседство, а также расположение на одной и той же речной системе. Более того, заселение одного уезда плавно перетекало в другой. Ведь активная колонизация притоков Псла проходила поочерёдно с востока на запад во время укрепления тылов Белгородской черты. Оба этих уезда преимущественно заселялись местной курской траекторией и располагали множеством детей боярских желающих иметь поместья в тылу. Особенность Суджанского у. состояла в изначальном наличии местного населения, а также в близком соседстве с малороссиянами из Сумского слободского полка. Отличие же Обоянского у. состояло в сильной северо-восточной Рязанской траектории. Это было вызвано заселением г. Карпова, где изначально из-за опасности мало кто хотел добровольно селиться и куда сводили по разнарядке служилых людей со всех краёв государства.

Первоначальная география заселённого в 1665-1669 гг. Суджанского у. выглядела лавинообразно. Чем ближе место выхода было к заселяемой территории, тем больше оттуда было переселенцев. Выглядело это так: из Тульской пришло 10 чел., Орловской – 46, Курской – 281. Похожую картину мы наблюдаем среди первоначальных заселенцев г. Обояни в 1650 г., куда доминирующий поток двигался из под Курска и затем уже Орла, составлявший 90, 5 %. В Карпове, заселённом немного ранее, картина доминирующих мест выхода была подобной, но перевес там прослеживался уже в пользу Орлян. Из приведённого мы можем заключить, что очагам расселения требовалось время для созревания до выселенческой кондиции. Накопление же достаточной плотности населения на юге со временем смещало траекторию заселения в сторону новых переселенческих очагов, в том числе по причине оскудения прежних.

Список источников и литературы

1. Бабин, И. П. (2015). *История основания города Суджи // Суджа и суджане в Отечественной и зарубежной истории и культуре // URL: Oldkursk.ru* (дата обращения: 17.05.2022).
2. Благовещенский, Н. А. (1899). *Четвертное право*. Москва: Тип-я Тов. Кушнерев и Ко. 538 с.
3. Готье, Ю. В. (1906). *Замосковский край в XVII веке*. Москва: Тип-я Г. Лиснера и Д. Совко. 602 с.
4. Гукова, Е. А. (2009). *Оборона южных рубежей России в XVIII веке: Украинская линия и украинский ландмилицкий корпус (1710-1780 гг.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02*. Московский гуманитарный университет, Москва. 254 с.
5. Ден, В. Э. (1902). *Население России по пятой ревизии*. Т. 1. Москва: Университетская тип-я. 392 с.
6. Загоровский, В. П. (1969). *Белгородская черта: дис. ... док. ист. наук: 07.00.02*. Воронежский государственный университет имени Ленинского комсомола, Воронеж. Т. 1. 287 с.
7. Загоровский, В. П. (1969). *Белгородская черта: дис. ... док. ист. наук: 07.00.02*. Воронежский государственный университет имени Ленинского комсомола, Воронеж. Т. 2. 250 с.
8. Зеленин, Д. К. (1913). *Великорусские говоры с неорганическим и непереходным смягчением задненебных согласных с связи с течениями позднейшей великорусской колонизации*. СПб.: Тип-я А. В. Орлова. 544 с.
9. Колотушкин, А. А. (2015). *Белгородская губернская администрация: регламент, состав и основные направления деятельности (1727-1779 гг.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02*. Белгородский государственный исследовательский университет, Белгород. 245 с.
10. Миклашевский, И. Н. (1894). *К истории хозяйственного быта Московского государства. Ч. 1. Заселение и сельское хозяйство южной окраины XVII века*. Москва: Тип-я Д.И. Иноземцева. 310 с.
11. Неделин, В. М. (2012). *Древние города земли Орловской. XII-XVIII века. История. Архитектура. Жизнь и быт*. Орел: Вешние воды. 544 с.
12. Новосельский, А. А. (1948). *Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века*. Москва – Ленинград: Изд-во Акад. Наук СССР. 452 с.
13. Пономарёва, О. Б. (1999). *Социально-экономическое и культурное развитие Белгородской губернии (1727-1779 гг.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02*. Российская экономическая академия им. Г. В. Плеханова, Москва. 241 с.
14. Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 210. Оп. 4. Д. 228.
15. РГАДА. Ф. 210. Оп. 4. Д. 258.
16. РГАДА. Ф. 210. Оп. 4. Д. 328.
17. РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Д. 54.
18. РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Д. 661.
19. РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 2351.
20. Тимофеев, А. (1883-1884). *Заметка о четвертном землевладении бывших государственных крестьян Обоянского уезда // Сборник статистических сведений по Обоянскому уезду (Курской губернии)*. Издание Обоянского уездного земства. Москва: Тип-я наследн. Гурьянова. С. 177-191.
21. Терлецкий, А. И. (1895). *Исторические заметки о городе Судже и его уезде // Памятная книжка Курской губернии на 1894 г*. Курск: Тип-я Курского Губернского Правления. С. 1-154.
22. Чижикова, Л. Н. (1988). *Русско-украинское приграничье. История и судьбы традиционно-бытовой культуры (XIX-XX века)*. Москва: Наука, 250 с.

References

1. Babin, I. P. (2015). *Istoriya osnovaniya goroda Sudzhi* [The history of the founding of the Sudzha city] in *Sudzha i sudzhane v Otechestvennoj i zarubezhnoj istorii i kul'ture*. URL: Oldkursk.ru (date accessed: 17.05.2022). (in Russian).
2. Blagoveshchenskii, N. A. (1899). *Chetvertnoe pravo* [Quarter right]. Moscow, Print. Tov. Kushnerev i Ko. (in Russian).
3. Got'e, Yu. V. (1906). *Zamoskovnyi kraj v XVII veke* [Territory beyond Moscow in the XVII-th century]. Moscow, Print. G. Lisnera i D. Sovko. (in Russian).
4. Gukova, E. A. (2009). *Oborona yuzhnykh rubezhei Rossii v XVIII veke: Ukrainskaya liniya i ukrainskii landmilitskii korpus (1710-1780 gg.)* [Defense of the southern borders of Russia in the XVIII-th century: the Ukrainian line and the ukrainian land police corps (1710-1780)] (doctoral dissertation). Moscow Humanitarian University, Moscow.
5. Den, V. E. (1902). *Naselenie Rossii po pyatoi revizii* [Population of Russia according to the fifth revision]. Vol. 1. Moscow, University Press. (in Russian).
6. Zagorovskii, V. P. (1969). *Belgorodskaya cherta* [Belgorod line] (doctoral dissertation). Voronezh State University named after Lenin Komsomol, Voronezh. Vol. 1.
7. Zagorovskii, V. P. (1969). *Belgorodskaya cherta* [Belgorod line] (doctoral dissertation). Voronezh State University named after Lenin Komsomol, Voronezh. Vol. 2.
8. Zelenin, D. K. (1913). *Velikorusskie govory s neorganicheskim i neperekhodnym smyagcheniem zadnenednykh soglasnykh s svyazi s techeniyami pozdneishei velikorusskoi kolonizatsii* [Great Russian dialects with inorganic and intransitive mitigation of back-palatal consonants in connection with the currents of the later russian colonization]. St. Petersburg, Print. A. V. Orlova. (in Russian).
9. Kolotushkin, A. A. (2015). *Belgorodskaya gubernskaya administratsiya: reglament, sostav i osnovnye napravleniya deyatel'nosti (1727-1779 gg.)* [Belgorod provincial administration: regulations, composition and main activities (1727-1779)] (doctoral dissertation). Belgorod State Research University, Belgorod.
10. Miklashevskii, I. N. (1894). *K istorii khozyaistvennogo byta Moskovskogo gosudarstva. Ch. 1. Zaselenie i sel'skoe khozyaistvo yuzhnoi okrainy XVII veka* [To the history of the economic life of the Moscow state. Part 1. Settlement and agriculture in the southern outskirts of the XVII century]. Moscow, Print. D. I. Inozemceva. (in Russian).
11. Nedelin, V. M. (2012). *Drevnie goroda zemli Orlovskoi. XII-XVIII veka. Istoriya. Arkhitektura. Zhizn' i byt* [Ancient cities of the Oryol land. XII-XVIII centuries. Story. Architecture. Life and mode of life]. Orel, Veshnie vody Publ. (in Russian).
12. Novosel'skii, A. A. (1948). *Bor'ba Moskovskogo gosudarstva s tatarami v pervoi polovine XVII veka* [The struggle of the Muscovite state with the Tatars in the first half of the XVII century]. Moscow-Leningrad, Academy of Sciences of the USSR Press. (in Russian).
13. Ponomareva, O. B. (1999). *Sotsial'no-ekonomicheskoe i kul'turnoe razvitie Belgorodskoi gubernii (1727-1779 gg.)* [Socio-economic and cultural development of the Belgorod province (1727-1779)] (doctoral dissertation). Russian Economic Academy. G. V. Plekhanov, Moscow.
14. Timofeev, A. I. (1883-1884). *Zametka o chetvertnom zemlevladdenii byvshikh gosudarstvennykh krest'yan Oboyanskogo uezda* [a note about the quarter landownership of the former state peasants] in *Sbornik statisticheskikh svedenii po Oboyanskomu uezdu (Kurskoi gubernii)*. Izdanie Oboyanskogo uezdnogo zemstva. Moscow, Print. house of Guryanov's heirs, 177-191. (in Russian).
15. Terletskii, A. I. (1895). *Istoricheskie zametki o gorode Sudzhe i ego uezde* [Historical notes about the Sudzha city and its county] in *Pamyatnaya knizhka Kurskoj gubernii na 1894 g.* Kursk, Print. house of the Kursk provincial government, 1-154. (in Russian).
16. Chizhikova, L. N. (1988). *Russko-ukrainskoe prigranich'e. Istoriya i sud'by traditsionno-bytovoii kul'tury (XIX-XX veka)* [Russian-Ukrainian borderland. History and fate of traditional everyday culture (XIX-XX centuries)]. Moscow, Nauka Publ. (in Russian).

Попов П. В.
(Воронеж)

УДК 94(47)

ПОЯВЛЕНИЕ ПУШКАРЕЙ КАК СОЦИАЛЬНОЙ ГРУППЫ НАСЕЛЕНИЯ В ГОРОДАХ ЮГА РОССИИ И БЕЛГОРОДСКОЙ ЧЕРТЫ В КОНЦЕ XVI-XVII ВЕКАХ¹

Актуальность избранной автором статьи темы обусловлена тем, что полное и глубокое изучение российской истории XVII века невозможно без изучения региональной истории и, в частности, такой важной её составляющей, как изучение истории провинциального общества, в том числе вопросов, связанных с его образованием или появлением отдельных групп населения. В связи с этим, автором было исследовано появление одной из групп служилого населения общества Юга России – пушкарей. Пушкари в южнорусских городах являлись довольно немногочисленной группой служилых «приборных» людей, которые обслуживали артиллерию. Цель статьи – рассмотреть процесс появления пушкарей как социальной группы населения в городах Юга России и Белгородской черты в XVI-XVII веках. Методологическая база исследования базируется на следующих основных исторических принципах и методах: принцип историзма, принцип объективности, сравнительно-исторический метод, историко-типологический метод, статистический метод. В целом, работа построена на основе применения проблемно-хронологического и системного методов, что позволяет рассматривать события в рамках единого общеисторического контекста. Работа опирается на широкий круг архивных и опубликованных источников. В результате проведенного исследования автор приходит к выводу, что появление пушкарей как группы населения городов Юга России и Белгородской черты в конце XVI-XVII веках было связано со строительством военных городов-крепостей для защиты южных рубежей государства и комплектованием их гарнизонов. Существовало три основных способа заселения новых городов: принудительное переселение («сведение») служилых людей из старых городов, добровольное переселение изъявивших желание служилых людей («сходство») и набор «вольных, охочих» людей. Однако, во второй половине XVII века, в связи с окончательным формированием гарнизонов южнорусских городов, пушкари фактически становятся замкнутой служилой группой населения, так как основными способами пополнения рядов пушкарей остаются их перевод из других городов и набор из пушкарских семей.

Ключевые слова: Россия, XVII в., южное пограничье, Белгородская черта, служилые люди, пушкари.

The relevance of the topic chosen by the author of the article is due to the fact that a complete and in-depth study of Russian history of the 17th century is impossible without studying regional history and, in particular, such an important component as studying the history of provincial society, including issues related to its formation or the emergence of certain population groups. In this regard, the author investigated the emergence of one of the groups of the service population of the society of the South of Russia - the gunners. The gunners in the southern Russian cities were a rather small group of service "instrument" people who served the artillery. The purpose of the article is to consider the process of the emergence of gunners as a social group of the population in the cities of the South of Russia and the Belgorod line in the 16th-17th centuries. The methodological base of the study is based on the following basic historical principles and methods: the principle of historicism, the principle of objectivity, the comparative historical method, the historical typological method, the statistical method. In general, the work is based on the use

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 21-18-00024) на базе ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет имени И. А. Бунина»

of problem-chronological and systemic methods, which allows us to consider events within a single general historical context. The work draws on a wide range of archival and published sources. As a result of the study, the author comes to the conclusion that the emergence of gunners as a population group in the cities of the South of Russia and the Belgorod line at the end of the 16th-17th centuries was associated with the construction of military fortress cities to protect the southern borders of the state and the recruitment of their garrisons. There were three main ways of settling new cities: forced relocation ("reduction") of service people from old cities, voluntary relocation of service people who expressed a desire ("similarity") and the recruitment of "free, willing" people. However, in the second half of the 17th century, in connection with the final formation of the garrisons of the southern Russian cities, the gunners actually become a closed service group of the population, since the main ways to replenish the ranks of the gunners remain their transfer from other cities and recruitment from the Pushkar families.

Keywords: Russia, 17th century, southern borderland, Belgorod line, military personnel, gunners.

DOI: 10.24888/2410-4205-2022-33-4-68-76

Появление пушкарей как группы населения Юга России обусловлено социально-экономической и военно-политической обстановкой на Юге страны в конце XVI века. Исторически к Югу России в рассматриваемый период относится и территория современного Центрального Черноземья. В документах рассматриваемой эпохи данные земли назывались «Подем» [7, с. 6]. В период политической раздробленности эта территория была далекой южной окраиной Рязанского княжества. Возможно, на этой территории находилось несколько городов и других населенных пунктов [12, с. 10-22]. Кроме того, на этой территории занимались промыслами: рыбной ловлей, охотой, бортничеством, собирательством. После монгольского нашествия русское население «Поля» резко сокращается, что и послужило причиной для такого названия этой территории. После образования русского централизованного государства в конце XV – начале XVI века здесь проходила посольская дорога в Крымское ханство, по реке Дон передвигались русские и турецкие послы, а русские люди по-прежнему занимаются здесь промыслами. Кроме того, через Поле в XVI веке проходили дороги, по которым крымские и ногайские татары совершали грабительские набеги на Россию. Российское государство вынуждено было вести здесь напряжённую борьбу с внешними противниками. С 1540-х гг. на территории Поля была организована станичная и сторожевая служба для предупреждения татарских набегов. Кроме того, вдоль южных границ к югу от Оки во второй половине XVI века была возведена сплошная линия оборонительных сооружений – засечная черта. Она протянулась на 500 километров через Переяславль-Рязанский, Венев, Крапивну, Одоев. В 1550-1560-е гг. на южной границе строились новые крепости: Михайлов (1551), Шацк (1553), Дедилов (1554), Болхов (1555), Рязск (1557), Орёл (1566), Данков (1568). После смерти Ивана Грозного продолжилось укрепление русских южных рубежей и строительство новых русских городов-крепостей на Поле. Первыми из них были Воронеж и Ливны, которые были построены в 1585-1586 годах [7, с. 6-8]. В начале царствования Михаила Федоровича к русским «полевым» городам относились Воронеж, Ливны, Елец (1592), Белгород (1596), Курск (1596), Оскол (1596), Царев-Борисов (1599), Валуйки (1599) [6, с. 36]. Дальнейшие задачи внешней политики (борьба с крымскими и ногайскими татарами, «воровскими» черкасами с Речи Посполитой [35, л. 61-62, 109-118, 327, 376-382], борьба с Речью Посполитой за возвращение утраченных в годы Смуты земель) диктовали расширение российского присутствия на территории Поля. В середине XVII века здесь строится 800 километровая сплошная линия укреплений – Белгородская засечная черта. Во второй половине XVII века продолжается строительство новых городов на южной окраине России, в том числе и «за чертой». Все вновь построенные населенные пункты вошли в состав образованной в 1658 году административно-территориальной единицы – «городов Белгородского полка» или Белгородского раз-

ряда. Рассмотрим более подробно появление пушкарей как группы населения на южных рубежах России в конце XVI-XVII веках¹.

В ходе основания новых русских городов на южной окраине складывались основные группы их населения. Особенностью южных городов являлось то, что они основывались как военные города-крепости, вследствие чего основную массу населения составляли служилые люди: казаки, стрельцы, пушкарки, затынщики, воротники, казенные плотники, казенные кузнецы. Преобладали служилые люди «по прибору», а служилые люди «по отечеству» были представлены в основном дворянами и детьми боярскими [4, с. 110]. Невоенного гражданского населения было очень мало. Постепенно вокруг вновь основанных городов появлялись села и деревни, основную массу населения которых составляли крестьяне и дети боярские [10, с. 90].

Существовало три основных способа заселения новых русских городов: «сведение» [3, с. 312-321], «сходство» [37, с. 29-38] и набор [3, с. 312-321]. Под сведением понимается принудительное переселение служилых людей из других русских городов [2, с. 275]. Рассмотрим этот способ более подробно.

Основанию города предшествовали издание царского указа и приговора Боярской думы об основании города, а также разведка местности и определение места для строительства города. Часто место определялось примерно. Например, так было с основанием Воронежа. Во фрагменте указа царя Федора Ивановича и приговора Боярской думы воеводам-основателям Воронежа Семену Федоровичу Сабурову, Василию Григорьевичу Биркину и Ивану Григорьевичу Судакову-Мясному указывалось, что город нужно построить «на Дону, на Воронеже, не доезжая Богатого Затону два днища». Конкретное место постройки должны были определить воеводы [19, с. 368].

Ресурсы и люди для строительства города брались из других русских городов. Сначала людские и материальные ресурсы концентрировались в сборном пункте, в роли которого выступал один из городов. Так, базой для строительства Валук (1599) был выбран город Оскол. Сюда прибывали воевода, служилые люди (дети боярские, стрельцы, казаки, служилые черкасы и так далее), в том числе 12 пушкарей и даже священнослужители. Весь отряд состоял почти из 400 человек. Необходимая для нового города артиллерия и военные запасы были доставлены из Ливен и Серпухова [16, с. 1-3]. Собрав все необходимое, отряд во главе с воеводой отправлялся в поход. Деятельность отряда по постройке нового города четко регламентировалась распоряжениями из Москвы. Служилые люди должны были участвовать в строительстве города. Скорее всего, часть из них после постройки города отправлялась назад на свои места и заменялась новыми [23, л. 65-67, 80], а часть оставалась служить в новом городе на постоянной основе [17, с. 25].

Вслед за постройкой города к нему отводилась, отмежевывалась земля. Каждая служилая группа населения получала землю для строительства двора. Служилые люди в городах селились в особых слободах по роду службы, например, пушкарки жили в Пушкарских слободах. Причем место под слободу отводилось даже, если на момент постройки города еще не было того или иного разряда людей. Так, в Воронеже до 1624 года не было ямщиков, но земля под слободу была выделена. По соседству с ней были земли воронежских пушкарей и других служилых людей, которые эти земли захватили. Когда в городе появились ямщики, то возникла конфликтная ситуация между ямщиками и другими служилыми людьми, в том числе и пушкарями. Последовал царский указ с требованием произвести розыск по этому делу [8, с. 2-3].

Сохранились довольно подробные сведения о том, как происходило переселение на «вечное житье», то есть «сведение». В одной из отписок Мещовского воеводы Степана Щербачева от 20 марта 1648 года узнаем, что воеводе было велено прислать на вечное жи-

¹ См. подробнее историю строительства Белгородской черты – Загорский, В. П. (1968). *Белгородская черта*. Воронеж: Изд-во ВГУ. 291 с.

тье в город Болховой самых лучших, «семьянистых и прожиточных» служилых людей с женами, детьми и всем имуществом. Для переселения было выбрано 30 человек. После выбора составлялись особые списки переселенцев, которые отправлялись в Разряд и воеводе в город, в который «сведенцы» переселялись. Переселение обычно происходило не сразу. Сначала на новое место отправлялись главы семейств и старшие дети «для того, чтобы им дворами устроиться, указные свои пашни пахать... и хлебом посеять». Их жены и младшие дети оставались временно на старых местах, чтобы убрать хлеб и приготовиться к переселению по первому зимнему пути. Воеводам предписывалось оберегать семьи этих служилых людей, не судить их без царского указа и следить за тем, чтобы им «ни от каких людей налоги и тесноты и изгоны никакия не были». Выселявшиеся получали поддержку деньгами и продовольствием («подмогу») от оставшихся служилых людей их чина. Правительство также старалось поддержать переселенцев: выделяло землю под дворовое строение [28, л. 245, 275-276] и для ведения хозяйства [27, л. 466, 491-493]; выдавало хлебное и денежное жалованье [21, л. 104-163], в том числе, так называемое «селитебное» или принимало на свой счёт постройку двора [33, л. 346-352, 382, 406-407]; выдавало вначале семена для посева [34, л. 99-103, 105]; снабжало оружием [32, л. 64-68]. Так же правительство предписывало воеводам следить за тем, чтобы переселенцы сразу начинали пахать пашню, а если они не хотели делать этого добровольно, то нужно было заставить их пахать «в неволю» [17, с. 152-157].

Такое принудительное «сведение» практиковалось довольно часто, например, в 1637 году при строительстве Усерда на вечное житьё было поселено 24 пушкаря [16, с. 22-27].

Очень часто принудительное переселение не нравилось переселявшимся, так как приходилось разрушать старое хозяйство и заводить новое, что вряд ли было приятно для тех зажиточных и «семьянистых» служилых людей, которых правительство хотело видеть на окраине [17, с. 152-157]. Сохранилось большое количество дел по челобитным лиц, не желавших переселяться в новые места [30, л. 280, 282-283]. Правительство неохотно удовлетворяло такие челобитные, а если это и случалось, то только тогда, когда правительство было уверено, что те лица, которые предлагаются челобитчиками вместо себя, также являются достаточно состоятельными, чтобы устроиться на новом месте [33, л. 408-416] или тогда, когда выбранные для переселения оказывались слепы, ранены и так далее. Кроме легального уклонения практиковались и нелегальные способы избежать переселения (и, очевидно, гораздо чаще): взятки воеводам и головам, ответственным за переселение новых служилых людей. Кроме того, многие просто уклонялись от переселения. В таком случае правительство требовало от воевод принимать суровые меры, так, в одной из грамот Лебедянскому воеводе Коптеву предписывалось «сыскав жен и детей их, посадить их в тюрьму, пока мужья их не съищутся», а затем выслать их в Карпов «с наказанием за поруками». «А всяких чинов людям велено было сказать и в торговые дни бирючу велети кликать не по один день: которые Карповские или иных которых городов сведенцы... их дети и братья и племянники учнуть жить на Лебедяни или в уезде у родимцев своих, или у друзей» и последние не скажут об этом воеводе, а он узнает об этом от сторонних людей, то за такую вину их, у них будут отняты их поместья и будут отданы тем, которые доведут до воеводы информацию о нежелающих переселяться [17, с. 152-157]. Также частым явлением было бегство сведенцев из новых городов [29, л. 301-303].

Однако, кроме принудительно переселенных служилых людей были и те, кто добровольно хотел переселиться, таких служилых людей называли «сходцы». В уже упомянутой отписке Мещовского воеводы Степана Щербачева было отмечено, что 30 человек для переселения были выбраны «на вечное житье по их сказке и по выбору» [17, с. 152-157]. В 1654 году в Нежегольске пожелало добровольно поселиться 115 служилых людей из разных украинских городов: Белгорода, Болхова, Корочи, Карпова. Они записывались на службу в различные группы служилых людей, в том числе, в пушкари [37, с. 29-38]. Что могло привлечь «сходцев»? Скорее всего, это возможность повысить свой социальный статус (запи-

саться в более высокий разряд служилых людей, что не было редкостью [36, л. 89]), получить земли и жалованье от правительства и, тем самым, улучшить своё материальное положение.

Бывали также случаи переселения не только групп населения, но и отдельных лиц, в том числе крестьян. Правительство иногда освобождало их из-за преступлений, которые совершали их помещики. Так, в 1650 году «указал Государь иноземца Петрушкина крестьянина Глебова Осташку Иванова, прозвище Тимошку, с женой и с детьми, от него Петрушки, за его, Петрушкино воровство от крестьянства освободить и послать за черту в новые украинские города... из Разряда» [17, с. 166].

Еще одним способом заселения новых русских городов «на Поле» был набор желающих служить людей. Сразу после Смутного времени и в середине XVII века во время строительства Белгородской черты воеводы новых городов испытывали острую потребность в желающих записаться на военную службу, поэтому правительство относительно лояльно относилось к записи в служилые люди даже тех, кто законного права на это не имел. Например, в 1637 году был построен город Усерд. Царским указом было предусмотрено, что здесь будет поселено 1000 служилых людей, в том числе, 25 пушкарей и затинциков. Однако набор шел медленно, и в 1639-1640 году в Усерде было 609 служилых людей, а в 1651-1652 году – 744 человека [18, с. 304].

Желающих поступить на военную службу можно разделить на две категории: те, кто имел право добровольно и легально поступить на службу («охочие вольные и гулящие люди») и те, кто такого законного права не имел, но их записывали в служилые люди, так как в противном случае страдала бы боеспособность украинских городов.

Если говорить об «охочих вольных и гулящих людях», то к ним, как правило, относились родственники служилых людей и посадского торгово-ремесленного населения, которые не были ещё записаны ни в какое тягло (отцы, утратившие работоспособность, дети, племянники, братья и так далее). Однако, это могли быть и не родственники, а люди, которые не были ни в каком тягле и жили тем, что работали у других людей. Они не имели определенных занятий и постоянного местожительства, «кормились походя» переходя с места на место, живя и работая, то у одних людей, то у других. Так же, к «вольным и гулящим людям» относились нищие и бродяги, которые жили на милостыню [11, с. 86-87].

Если же говорить о тех, кто не имел законного права записываться в служилые люди, но воеводы вынуждены были их записывать в силу нехватки служилых людей, то здесь картина была чрезвычайно пёстрая: это были беглые частновладельческие крестьяне [31, л. 131-133], монастырские крестьяне, крестьяне-раскольники, холопы [14, с. 29-31], беглые служилые люди [26, л. 15] и посадские люди и другие группы беглого и тяглового населения [14, с. 29-31]. Так, в 1635 году в Чернавский острог записалось 10 пушкарей: отпущенный на свободу крестьянин; торговец из города Мценска; казак из Новосили; два бывших пушкаря из Ельца, которые передали свою службу родственникам; елецкий сын боярский, который еще не был повёрстан; три стрелецких родственника (братья); холоп сына боярского из Ельца [5, с. 247-248]. Пушкари таких наборов не всегда добросовестно несли службу. Например, пушкари в Обояни, набранные из «охочих вольных и гулящих людей», построили далеко от города и от других пушкарей свои дворы («на сторонних землях») и не являлись в город в случае набегов крымских татар [13, с. 178].

О каких-либо требованиях к лицам, набираемым в пушкари, неизвестно. Но скорее всего, это были люди, которые умели обращаться с пушками. Эта ситуация, как видится, не была редкостью: практически в каждый южный город-крепость отправлялись наказы воеводам о том, как нужно «сидеть в осадное сиденье». Подготовка к «осадному сиденью» подразумевала, в том числе и роспись по крепостным стенам и пушкам пушкарей и городских жителей им в помощь [15, с. 5-13]. На Юге России в XVII веке каждый житель, будь то военный служилый человек или гражданский, умел обращаться с оружием и по большому счёту, являлся воином.

Из-за такого набора всех желающих в гарнизоны новых городов-крепостей часто старые города лишались большей части своего прежнего служилого населения. Москва вынуждена была принимать меры для решения данной проблемы. Так, усердскому воеводе Ивану Бутурлину в 1637 году в воеводском наказе приказывалось не принимать на службу тех людей, которые не имели на это право по закону, в том числе, беглых служилых людей других городов («новый город строить, а старых не пустошить») [18, с. 304]. А бегство служилых людей было обычным делом на южной окраине Российского государства в XVII веке из-за тяжелой службы [24, л. 478-486] и податей [22, л. 284-286]. Кроме того, бегство могло быть вызвано тяжелым материальным положением и, в силу этого, невозможностью нести тяжелую военную службу [25, л. 374-375], а также желанием убежать в новые города, чтобы получить государево жалованье. В 1679 году орловский воевода получил указ, в котором сообщалось, что в городе Черни служилые люди, в том числе и пушкарки, сбежали со службы со своими детьми и женами в разные новопостроенные города, из-за чего в Черни осталось очень мало служилых людей. Указ строго запрещал принимать кому-либо беглецов и оказывать им содействие, кроме того, орловскому воеводе предписывалось поставить на дорогах крепкие сторожи и послать «посыльщиков» для поимки беглецов. Если беглецы попадались, то их нужно было наказывать битьем батогами и выслать на прежнее место службы за поруками [14, с. 80-81].

За новоприбранного пушкаря давалась поручная запись всех уже находящихся на службе пушкарей города. В этой поручной записи упоминалось, что пушкарь, который принимается на службу, должен хорошо служить, не убегать в другие государства (в Крым, к ногайским татарам, в Литву, к немцам и так далее), не красть, не играть в азартные игры, не пить, казне государевой убытка не принести и прочее. Провинившегося ждало суровое наказание, вплоть до смертной казни, а на поручиков накладывалась пеня [1, с. 320-322].

Такая форма набора служилых людей, в том числе и пушкарей, практиковалась в первой половине XVII века, до окончания строительства Белгородской черты. Однако после того, как гарнизон городов Белгородского разряда был сформирован, правительство, до этого сквозь пальцы смотревшее на запись в пушкари тех, кто по закону право на это не имел, резко ужесточает свою политику [36, л. 59-61]. На Белгородской черте даже проводятся массовые сыски беглых крестьян (Воронежский уезд – 1660, 1666; Усманский уезд – 1660 и так далее) [9, с. 252-253]. Во второй половине XVII века остаётся два основных способа комплектования пушкарей – перевод из старых городов и набор в пушкари из семей самих пушкарей (сыновей, племянников и других родственников). Пушкари, по сути, становятся замкнутой служилой группой южнорусского населения [13, с. 178].

Таким образом, появление пушкарей как группы населения на Юге России в конце XVI-XVII веках было связано со строительством военных городов-крепостей для защиты южных рубежей государства и комплектованием их гарнизонов. Существовало три основных способа заселения новых городов: принудительное переселение («сведение») служилых людей из старых городов, добровольное переселение изъявивших желание служилых людей («сходство») и набор «вольных, охочих» людей. Часто воеводы вынуждены были принимать на службу всех желающих, в том числе и тех, кто законного права на это не имел. Однако, во второй половине XVII века, в связи с окончательным формированием гарнизонов южнорусских городов, такая практика практически прекращается. Основными способами пополнения рядов пушкарей остаются их перевод из других городов и набор из пушкарских семей. Пушкари становятся замкнутой служилой группой южнорусского населения.

Список источников и литературы

1. Акты юридические или собрание форм старинного делопроизводства. СПб.: Тип. И-го Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1838. 509 с.

2. Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археологической комиссией. Т. 8. СПб.: Тип. В. В. Пратц, 1875. 442 с.
3. Анпилогов, Г. Н. (1967). *Новые документы о России конца XVI – начала XVII в.* Москва: МГУ. 544 с.
4. Багaley, Д. И. (1887). *Очерки из истории колонизации степной окраины Московского государства.* Москва: Университетская типография. 615 с.
5. Волков, В. А. (2004). *Войны и войска Московского государства.* Москва: Эксмо, 2004. 571 с.
6. Глазьев, В. Н. (1989). *История южнорусских стрельцов (конец XVI – начало XVIII вв.): автореф. дис. ... канд. истор. наук: 07.00.02.* Воронеж.
7. Глазьев, В. Н. (2018). *Очерки истории города Воронежа и Воронежского уезда в конце XVI-XVII веках.* Воронеж: Издательский дом ВГУ. 270 с.
8. Древние грамоты и другие письменные памятники, касающиеся Воронежской губернии и частью Азова. Кн. 2. Собр. и изд. Н. Второвым и К. Александровым-Дольником. Воронеж: Тип. губернского правления, 1852. 301, VIII с.
9. Загоровский, В. П. (1968). *Белгородская черта.* Воронеж: Изд-во ВГУ. 291 с.
10. Загоровский, В. П. (1982). *История Воронежского края от А до Я.* Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство. 309 с.
11. Ключевский, В. О. (2004). *История сословий в России: Полный курс лекций.* Минск: Харвест. 208 с.
12. Ковалевский, В. Н. и др. (2015). *Археологическое открытие древнего Воронежа.* Научный редактор В. Н. Глазьев. Воронеж: Центрально-Черноземное книжное изд-во. 127 с.
13. Левыкин, А. К. (1985). *Русские городовые пушкари второй половины XVII века // Вопросы истории.* № 3. С. 176-180.
14. Материалы для истории Воронежской и соседних губерний. Кн. 1. Изд. М. Ф. Де-Пуле. Воронеж: Тип. губ. Правления, 1861. 474 с.
15. Материалы для истории колонизации и быта степной окраины Московского государства (Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губернии) в XVI-XVIII столетии, собранные в разных архивах и отредактированные Д. И. Багалеем / Д. И. Багaley. Харьков: Тип. К. Л. Счасни, 1886. 398 с.
16. Материалы для истории колонизации и быта Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губерний. Т. II. / Д. И. Багaley. Харьков: Тип. К. Л. Счасни, 1890. 456 с.
17. Миклашевский, И. Н. (1894). *К истории хозяйственного быта Московского государства. Ч. I. Заселение и сельское хозяйство южной окраины XVII в.* Москва: Тип. Д. И. Иноземцева. 310 с.
18. Новосельский, А. А. (1948). *Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в.* Отв. ред. член-корр. АН СССР С. В. Бахрушин. Москва, Ленинград: Изд-во института истории АН СССР. 570 с.
19. Разрядная книга 1475-1598 гг. / В. И. Буганов, М. Н. Тихомиров. Москва: Институт истории АН СССР, Наука, 1966. 614 с.
20. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 210. Оп. 12. Д. 12.
21. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 210. Оп. 12. Д. 18.
22. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 210. Оп. 12. Д. 92.
23. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 210. Оп. 12. Д. 105.
24. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 210. Оп. 12. Д. 107.
25. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 210. Оп. 12. Д. 117.
26. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 210. Оп. 12. Д. 131.
27. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 210. Оп. 12. Д. 139.
28. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 210. Оп. 12. Д. 170.
29. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 210. Оп. 12. Д. 219.
30. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 210. Оп. 12. Д. 236.

31. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 210. Оп. 12. Д. 258.
32. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 210. Оп. 12. Д. 274.
33. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 210. Оп. 12. Д. 328.
34. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 210. Оп. 12. Д. 354.
35. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 210. Оп. 12. Д. 471.
36. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 210. Оп. 12. Д. 772.
37. Холмогоров, В. И. (1885). *Акты, относящиеся к Малороссии* // Чтения в Императорском обществе истории и древностей Российских при Московском университете. Кн. 2. Москва: Университетская типография. 456 с.

References

1. Akty yuridicheskie ili sobranie form starinnogo deloproizvodstva [Legal acts or a collection of ancient records management forms]. St. Petersburg, Tip. II-go Otdeleniya Sobstvennoy E. I. V. Kantselyarii. 1838. (in Russian).
2. Akty, odnosyashchiesya k istorii Yuzhnoy i Zapadnoy Rossii, sobrannye i izdannye Arkheograficheskoy komissiiy. T. 8. [Acts relating to the history of Southern and Western Russia, collected and published by the Archaeographic Commission. T. 8.]. St. Petersburg, Tip. V. V. Pratts. 1875. (in Russian).
3. Anpilogov, G. N. (1967). *Novye dokumenty o Rossii kontsa XVI – nachala XVII v.* [New documents about Russia in the late 16th - early 17th centuries]. Moscow, MGU. (in Russian).
4. Bagalei, D. I. (1887). *Ocherki iz istorii kolonizatsii stepnoy okrainy Moskovskogo gosudarstva* [Essays from the history of the colonization of the steppe outskirts of the Moscow State]. Moscow, Universitetskaya tipografiya. (in Russian).
5. Volkov, V. A. (2004). *Voyny i voyska Moskovskogo gosudarstva* [Wars and troops of the Moscow State]. Moscow, Eksmo Publ. (in Russian).
6. Glaziev, V. N. (1989). *Istoriya yuzhnorusskikh strel'tsov (konets XVI – nachalo XVIII vv.)* [The history of the South Russian archers (late 16th - early 18th centuries)]. (doctoral dissertation abstract). Voronezh.
7. Glaziev, V. N. (2018). *Ocherki istorii goroda Voronezha i Voronezhskogo uyezda v kontse XVI-XVII vekakh* [Essays on the history of the city of Voronezh and the Voronezh district in the late XVI-XVII centuries]. Voronezh, Izdatel'skiy dom VGU. (in Russian).
8. Drevnie gramoty i drugie pis'mennye pamyatniki, kasayushchiesya Voronezhskoy gubernii i chast'yu Azova. Kn. 2. [Ancient letters and other written monuments relating to the Voronezh province and part of Azov. Book. 2] in N. Vtorov i K. Aleksandrov-Dol'nik. Voronezh, Tip. gubernskogo pravleniya. 1852. (in Russian).
9. Zagorovsky, V. P. (1968). *Belgorodskaya cherta* [Belgorod line]. Voronezh, Izd-vo VGU. (in Russian).
10. Zagorovsky, V. P. (1982). *Istoriya Voronezhskogo kraya ot A do Ya* [History of the Voronezh region from A to Z]. Voronezh, Tsentral'no-Chernozemnoe knizhnoe izd-vo. (in Russian).
11. Klyuchevsky, V. O. (2004). *Istoriya sosloviy v Rossii: Polnyy kurs lektsiy* [History of Estates in Russia: A Complete Course of Lectures]. Minsk, Kharvest. (in Russian).
12. Kovalevsky, V. N. and others. (2015). *Arkheologicheskoe otkrytie drevnego Voronezha* [Archaeological discovery of ancient Voronezh]. Nauchnyy redaktor V. N. Glaz'ev. Voronezh, Tsentral'no-Chernozemnoe knizhnoe izd-vo. (in Russian).
13. Levykin, A. K. (1985). *Russkie gorodovye pushkari vtoroy poloviny XVII veka* [Russian city gunners of the second half of the 17th century] in *Voprosy istorii*, 3, 176-180. (in Russian).
14. Materialy dlya istorii Voronezhskoy i sosednikh guberniy. Kn. 1. [Materials for the history of the Voronezh region and the accumulation of provinces. Book. one.] in M. F. De-Pule. Voronezh, Tip. gub. Pravleniya. 1861. (in Russian).

15. *Materialy dlya istorii kolonizatsii i byta stepnoy okrainy Moskovskogo gosudarstva (Khar'kovskoy i otchasti Kurskoy i Voronezhskoy gubernii) v XVI-XVIII stoletii, sobrannye v raznykh arkhivakh i redaktirovannye D. I. Bagaleem* [Materials for the history of colonization and life of the steppe outskirts of the Moscow state (Kharkov and partly Kursk and Voronezh provinces) in the 16th-18th centuries, collected in various archives and edited by D. I. Bagalei] in D. I. Bagalei. Kharkiv, Tip. K. L. Schasni. 1886. (in Russian).

16. *Materialy dlya istorii kolonizatsii i byta Khar'kovskoy i otchasti Kurskoy i Voronezhskoy guberniy. T. II.* [Materials for the history of colonization and life of Kharkov and partly Kursk and Voronezh provinces. T. II.] in D. I. Bagalei. Kharkiv, Tip. K. L. Schasni. 1890. (in Russian).

17. Miklashevsky, I. N. (1894). *K istorii khozyaystvennogo byta Moskovskogo gosudarstva. Ch. I. Zaselenie i sel'skoe khozyaystvo yuzhnoy okrainy XVII v.* [To the history of the economic life of the Moscow state. Part I. Settlement and agriculture of the southern outskirts of the 17th century]. Moscow, Tip. D. I. Inozemtseva. (in Russian).

18. Novoselsky, A. A. (1948). *Bor'ba Moskovskogo gosudarstva s tatarami v pervoy polovine XVII v.* [The struggle of the Muscovite state with the Tatars in the first half of the 17th century], otv. red. chlen-korr. AN SSSR S. V. Bakhrushin. Moscow, Leningrad, Izd-vo instituta istorii AN SSSR. (in Russian).

19. *Razryadnaya kniga 1475-1598 gg.* [Discharge book 1475-1598] in V. I. Buganov, M. N. Tikhomirov. Moscow, Institut istorii AN SSSR, Nauka. 1966. (in Russian).

20. Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov (RGADA). F. 210. Op. 12. D. 12. (in Russian).

21. RGADA. F. 210. Op. 12. D. 18. (in Russian).

22. RGADA. F. 210. Op. 12. D. 92. (in Russian).

23. RGADA. F. 210. Op. 12. D. 105. (in Russian).

24. RGADA. F. 210. Op. 12. D. 107. (in Russian).

25. RGADA. F. 210. Op. 12. D. 117. (in Russian).

26. RGADA. F. 210. Op. 12. D. 131. (in Russian).

27. RGADA. F. 210. Op. 12. D. 139. (in Russian).

28. RGADA. F. 210. Op. 12. D. 170. (in Russian).

29. RGADA. F. 210. Op. 12. D. 219. (in Russian).

30. RGADA. F. 210. Op. 12. D. 236. (in Russian).

31. RGADA. F. 210. Op. 12. D. 258. (in Russian).

32. RGADA. F. 210. Op. 12. D. 274. (in Russian).

33. RGADA. F. 210. Op. 12. D. 328. (in Russian).

34. RGADA. F. 210. Op. 12. D. 354. (in Russian).

35. RGADA. F. 210. Op. 12. D. 471. (in Russian).

36. RGADA. F. 210. Op. 12. D. 772. (in Russian).

37. Kholmogorov, V. I. (1885). *Akty, odnosyashchiesya k Malorossii* [Acts relating to Little Russia] in *Chteniya v Imperatorskom obshchestve istorii i drevnostey Rossiyskikh pri Moskovskom universitete*, kn. 2. Moscow, Universitetskaya tipografiya. (in Russian).

Прокофьев А. И.
(Екатеринбург)

УДК 94(470)"16/18"

ХРОНОНИМ «РУССКО-ПОЛЬСКАЯ ВОЙНА 1654-1667 ГГ.» В ИМПЕРСКОЙ И СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ: ОСОБЕННОСТИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ОНОМАСТИКИ

Статья посвящена изучению историографической традиции в изучении Русско-польской войны 1654-1667 гг. В историографии военные действия между Московским государством и Речью Посполитой в 50-60-е гг. XVII в. обозначались разными хрононимами: «война Алексея Михайловича с Польшей», «русско-польская война», «Тринадцатилетняя война», «война Москвы с Польшей за Малороссию». Эти ономастические единицы выразили полифонию мнений, с которыми историки до 1917 г. и после него смотрели на события середины XVII в. Необходимо ли в исторической науке закрепить определенное имя собственное за этой войной, или же историография может сохранить разнообразие при описании, говоря об одном и том же? В статье изложены причины неоднозначности всех вариантов используемых хрононимов, за исключением «Тринадцатилетняя война 1654-1667 гг. Московского государства с Речью Посполитой». Обосновывается важность корректного использования хрононима, связанного с противостоянием двух соперничающих государств раннего Нового времени. Отталкиваясь от воспроизведенного в статье арсенала понятийного и ономастического материала, которым пользовались историки, автор делает ряд важных наблюдений.

Ключевые слова: Тринадцатилетняя война, хрононим, историография, понятие, интерпретация.

Military operations between the Moscow State and the Polish-Lithuanian Commonwealth in the 50–60s 17th century were designated by different chrononyms: “Alexei Mikhailovich's war with Poland”, “Russian-Polish war”, “Thirteen Years' War”, “Moscow's war with Poland for Little Russia”. These onomastic units expressed the polyphony of opinions with which historians, before and after 1917, looked at the events of the middle of the 17th century. Is it necessary in historical science to fix a certain proper name for this war, or historiography may preserve diversity in the description, talking about the same thing? The article expounds the reasons for the ambiguity of all variants of the used chrononyms, with the exception of “The Thirteen Years' War of 1654–1667 between the Moscow state with the Polish-Lithuanian Commonwealth”. The importance of the correct use of the chrononym associated with the confrontation between two rival states of the early modern period is substantiated.

Keywords: Thirteen Years' War, chrononym, historiography, concept, interpretation.

DOI: 10.24888/2410-4205-2022-33-4-77-84

Рассматривая проблему знака и знаковой системы с типологией русской культуры XI-XIX вв., Ю. М. Лотман предварял свои фактические рассуждения связью между понятиями *значения* и *ценности*. Семиотик обратил внимание на следующее: «<...>, то или иное событие может по-разному оцениваться в зависимости от того, является ли оно просто фактом материальной жизни (не-знаком) или имеет еще какой-то *дополнительный социальный* (знаковый) *смысл*» (курсив в этом месте и далее в цитатах наш, за исключением оговоренных случаев. – А. П.) [11, с. 156]. Признавая за историографическим накоплением информации статус не только информационный, но и социальный, обращаем угол зрения на то, какие языковые инструменты (в понятиях, семантических и синтаксических способах их образования. – А. П.) использовало сообщество историков

прошлого. Х.-Г. Гадамер подметил особенность плотной взаимосвязи толкователя и истолкования: «Толкователь и не подозревает о том, что он привносит в истолкование себя самого и свои собственные понятия. Языковая формулировка так тесно сплетена с самим мнением интерпретатора, что она никогда не становится для него отдельным предметом рассмотрения» [6, с. 469]. Данное высказывание открывает не только *рефлексивный* момент при интерпретации событий и постройке понятия, но, вместе с тем, отсылает исследователей к *саморефлексии* и логике составления понятийного аппарата. В случае нарушаемой целостности аппарата, это ведет к *логическим ошибкам*: «Ошибки, нарушающие логику изложения материала: 1) пропуск фактов, приводящий к нарушению связности текста; 2) необоснованные выводы: выводы, противоречащие сказанному ранее; 3) выражение в одном тексте двух взаимоисключающих точек зрения (если это не оправдано художественно); 4) логическое кольцо (Рассуждение – такой текст, в котором автор рассуждает) О. л. нарушают логичность одного из коммуникативных качеств речи» [8, с. 247].

Пространство, необходимое при отражении исторического события (комплекса событий), выражается в лексеме, четко указывающей на специфическую *ономастическую единицу*. Ее основная функция – выделение из языка названного отрезка времени или отдельных событий. Это – хроним. Определение ему представила Н. В. Подольская в «Словаре русской ономастической терминологии»: «Разряд онима. Собственное имя отрезка времени. [...] Примеч.: определенные отрезки времени, важные для человеческого общества тем, что в них локализовано какое-либо событие или события, характеризующиеся определенными тенденциями; именно эти события обычно и служат названием для данного отрезка времени; праздники и памятные даты относятся сюда же» [14, с. 162].

Предварительный теоретический экскурс выводит к природе того, что есть *понятие*. Философ и логик Е. К. Войшвилло посвятил данной теме монографию. Высказываясь о роли понятия в познании, логик рассмотрел позиции о понятии у представителей Львовско-Варшавской школы логического позитивизма (К. Айдукевича и Т. Котарбиньского; относясь к ним скептически и критически) и советских философов П. С. Попова и П. В. Копнина (переработав их рассуждения), после чего обозначил свою позицию. Она звучит следующим образом: «Понятие как форма (вид) мысли, или как мысленное образование, есть результат обобщения предметов некоторого класса и мысленного выделения самого этого класса по определенной совокупности общих для предметов этого класса – и в совокупности отличительных для них – признаков» [5, с. 87-91, цит. на с. 91].

Исходя из изложенных выше рассуждений, перейдем к детализации относительно хронима и как понятия, и как класса названий исторических событий с его внутренней характеристикой. Специальной ономастической терминологии насчет военных действий Н. В. Подольская, к сожалению, не предложила. Словари, посвященные общей исторической ономастике, отсутствуют (имеются топонимические словари, связанные с исторической географией; словари фамилий; словари исторических терминов для теории и методологии исторической науки etc.). Результативную модель для «ономастических единиц, называющих военные события и действия термином “милитарионим”», сконструировала Н. А. Фатеева [17]. Временная и историко-географическая привязка «милитарионимов» также расширена и структурирована филологом на примере Сталинградской битвы 1942-1943 гг. [16].

В первой статье Н. Фатеева под милитарионимами понимает «хронимы, называющие военные события, заслуживают особого внимания, должны быть выделены в отдельный класс [...] (от лат. *militaris* – ‘военный’ и греч. *опута*, *опома* – ‘имя’))» [17, с. 57]. Согласно критериям новообразовываемых терминов, обозначенных Н. Подольской, милитарионим выделяет специфическую область имен собственных. В то же время, любые «созданные термины оцениваются специалистами как удачные, менее удачные и совсем непригодные. Но эти оценки терминов, как правило, субъективны. Многое здесь зависит от общеизвестности или малоизвестности термина (общеизвестный, как правило, стихийно

принимается за удачный, хотя это не всегда соответствует истине)» [14, с. 7–12; цит. на с. 9]. Примеры Н. Фатеевой разворачиваются, в основном, на событиях Второй мировой войны (4 из 10: Ледовое побоище, Кожуховский поход, Бородинское сражение, Брусиловский прорыв служат дополнением к примерам из XX в. – *А. П.*). Окончательный вывод, с которым затруднительно не согласиться: «Все приведённые выше факты говорят о том, что милитарии являются наиболее сложной, требующей особого внимания категорией в ономастической науке, а также в лингвострановедении, лингводидактике и межкультурной коммуникации» [17, с. 59].

Предложенная модель Н. Фатеевой проработана в следующей статье, где выделены имена собственные внутри милитарии «Сталинградская битва»: 1) антропонимы (по Н. Подольской «имена собственные, обозначающие человека или группу людей»; здесь – военачальники); 2) топонимы (в широком смысле); 3) эргонимы (у Н. Подольской «собственное имя делового объединения людей, в том числе союза, организации, учреждения, корпорации, предприятия, общества, заведения, кружка»; у Н. Фатеевой – названия фронтов как оперативных построений армий, армии, дивизии, полки); 4) фалеронимы (названия орденов); 5) документонимы (названия именных приказов на примере «Приказа № 227 Народного комиссара обороны И. В. Сталина от 28 июля 1942 г. («Ни шагу назад!»)); 6) прагмоним (у Н. Подольской «прагмоним – номен для обозначения сорта, марки, товарного знака»; у Н. Фатеевой – «танк Т-34», «миномет БМ-13», т. е. имя собственное продукции военной промышленности); 7) геортонимы (наименование памятных дат, приуроченных к военным событиям); 8) гемеронимы (оним для средств массовой информации); 9) артионимы (имя собственное произведений искусства, созданных в годы войны) [16, с. 100; 14, с. 30–31, 166, 113]. Не для всех онимов, указанных в материале, нашлись аналоги в словаре Н. Подольской, что демонстрирует образование новых ономастических единиц. Для военных действий 50–60-х гг. XVII в. актуальными будут только первые три, ввиду их общего характера и меньшей специфичности в применяемых областях исторической ономастики.

После развернутого представления теоретической и практической сторон создания ономастических единиц, обратимся к ситуации с хрононимом «русско-польская» война.

Ответ на вопрос потребует встречного уточнения: что подразумевается под Россией и Польшей с X до середины XVII в. (и вкладывается ли туда современное понимание хрононимов. – *А. П.*)? В одном случае, если вести отсчет от соперничества Древнерусского государства и Королевства Польского, выйдет одна сумма. Добавляя в противостояние войны Галицко-Волынского княжества (некоторое время и королевства), получаем иную цифру. Война Московского государства с Речью Посполитой 1577–1582 гг. не есть война исключительно русско-польская, так как войска Королевства Польского и Великого княжества Литовского (далее – ВКЛ. – *А. П.*) выступили совместно против войск Московского государства. Русско-польская война 1609–1618 гг. (или интервенция Речи Посполитой на земли Московского государства, где помимо польских и литовских войск участвовали и казаки Войска Запорожского) также происходила не исключительно между русскими и поляками. Русско-польская война 1632–1634 гг., единственная из трех, имеет устойчивое историографическое название «Смоленская» (основной акцент был на отвоевании Смоленска у Речи Посполитой; по артиониму, т. е. имени города, выделен хрононим войне. – *А. П.*). О чем это свидетельствует?

В языке историков на протяжении двух веков наблюдается деонимизация понятия «война Московского государства с Речью Посполитой». Деонимизация – «переход онима в апеллатив без аффиксации» [14, с. 54]. Наряду с этим действием, размывались подлежащее и сказуемое, что привело к появлению домена «русско-польских» (не упоминая количество русско-турецких. – *А. П.*) войн, различающихся исключительно по датам или основным действующим лицам и территориям. Выделение качеств, свойств, отношений и ограничений милитарии приводят либо к семантическому и синтаксическому упрощению, либо к нагрузке. Таким образом, перерабатываемые признаки логики (по содержащемуся

разделу в монографии Е. К. Войшвилло. – *А. П.*), призваны упорядочить данную неопределенность [5, с. 110-117].

Приведем основу: русско-польская война. Субъект – война, предикат – русско-польская. Сама по себе, не называет нам, *какая именно* война произошла. Далее, дополняем хроним – основанный на временном ограничении – война 1654-1667 гг. То есть, в течение тринадцати лет, что выделяет ее на фоне иных «русско-польских» войн и другой «Тринадцатилетней войны» (Королевства Польского с Тевтонским орденом в 1454-1466 гг. – *А. П.*). Деонимизация этнонимов «русский» и «польский» не сообщает, *кто* принимал участие в военных действиях: народы или все же государства? Ситуация с детализацией / формализацией хронимов (милитарионимов) остается логической проблемой. С другой стороны, понятие «война царя Алексея Михайловича с польским королем Яном Казимиром в 1654-1667 гг.» фигурирует здесь *парадоксальным* сообщением (хроним, как понятие, не применяет имен монархов; фактически, войны объявляли монархи. – *А. П.*). Но и «Тринадцатилетняя война 1654-1667 гг. Московского государства с Речью Посполитой за земли ВКЛ и юго-восточные воеводства Королевства Польского» (автор статьи приспособил бы именно его в качестве милитарионима (наиболее объясняющего), но посчитал речевой избыточностью. – *А. П.*) также не подходит. Прибывает очередной вопрос: как именовали данную войну историки XIX-XX вв.?

Историографическими примерами, в которых находились разновидности хронима (милитарионима), окажутся труды историков имперского периода: Д. Н. Бантыш-Каменского, С. М. Соловьева, Н. С. Голицына, М. О. Кояловича, П. О. Бобровского. Советский период представлен работами: И. Ф. Лочмеля, Л. С. Абецдарского, А. Н. Мальцева, том 3 коллективного труда «История Украинской ССР» (в 10 томах), О. П. Артюшевского. Вне всякого сомнения, в иных работах XIX и XX в. улавливаются и другие оттенки хронима «русско-польская» война. Тем не менее, в перечисленных выше есть как образцы «нормы», так и вариации.

Д. Бантыш-Каменский сообщал о «военных действиях в Украине» 1655 г.; сказал о «военных действиях» 1659 г.; более того, и в первой части «Истории Малой России» он не называл каким-либо хронимом войну. Все же, избрав такой: «Андрусовский договор, окончивший тринадцатилетнюю (орфография Д. Бантыш-Каменского. – *А. П.*) между двумя Государствами *вражду и несогласие ...*» [3, с. 5, 35, 95]. Историк предпочел хроним, построенный на отрезке времени, а не через привязку к хронимам (названиям любой территории, включая страну. – *А. П.*) и этнонимам. С. Соловьев действовал по той же модели, как и Д. Бантыш-Каменский, избегая милитарионима большую часть описания военных действий. И, будто повторяя, высказал собственную мысль после известий о ходе переговоров по Андрусовскому перемирию: «Так окончилась в Восточной Европе опустошительная тринадцатилетняя война, по важности причин своих и следствий соответствующая тринадцатилетней войне и вообще религиозным борьбам в XVI и XVII столетиях» [15, с. 184]. Индуктивная составляющая высказывания позволила *сопоставить* хронимы не только количественно (в годах), но и качественно.

Военный историк Н. Голицын разделил «войну между Россией и Польшей» 1654-1667 гг. на «1-ю войну с Польшей за Малороссию (1654-1655)» и на «2-ю войну с Польшей за Малороссию (1658-1666)», объединив их общим хронимом «1-я и 2-я войны России с Польшей при царе Алексее Михайловиче» [7, с. 594, 651]. Трехкомпонентный хроним, исключая из описания ВКЛ, не облегчает восприятия военных действий, запрашивая вспомогательного раскрытия того, почему с 1655 по 1658 г. не велась борьба с Речью Посполитой. Дистанция у военного историка занята войной Московского государства и Шведского королевства за Ливонию, Эстляндию и Ингерманландию в 1656-1658 гг. Патриарх западнорусистов М. Коялович схожим образом совместил антропоним с хронимом – «война Алексея Михайловича с Польшей», исходящей из Переяславской рады 1654 г.; другого хронима историк в тексте не предложил [10, с. 243].

Не менее известный военный историк П. Бобровский войну Московского государства с Речью Посполитой выразил несколькими хрононимами: «Тринадцатилетняя война с Польшей (1654-1667 гг.)»; «царь Алексей Михайлович в 1654 г. начал войну с Польшей за православных христиан»; «Русско-Польскую войну, окончившуюся андрусовским перемирием в 1667 году» [4, с. 26, 30, 36]. В итоге, кроме «русско-польской» войны, встречаются хрононимы, существовавшие на тот момент в исторической науке. Тем самым, схожие друг с другом милитарионимы в имперской историографии потребуют дополнительного логического развертывания, внося некоторое разночтение.

Советский период облегчал усвоение «русско-польской войны» как элемента освободительной тенденции «украинского и белорусского народов против панско-польского ига» (нарратив упрощался через поглощение идеологией. – А. П.). У И. Лочмеля (историка из БССР. – А. П.) это «война Москвы с Польшей за Белоруссию (1654-1667 гг.)» [12, с. 58-60]. Умозаключение, построенное на идентичном мотиве (здесь подразумевается формулировка М. Кояловича. – А. П.) противостояния одной фигуры с фигурой большего размера, ложное в сути. Известно, что Тринадцатилетняя война велась не за одну территорию ВКЛ, но и за земли, на которые претендовало Войско Запорожское.

А. Мальцев и Л. Абецдарский – два историка (из РСФСР и БССР. – А. П.), активно разбиравших военные действия на землях ВКЛ в 1654-1667 гг. Одна из ранних статей А. Мальцева о кампании 1654 г. вмещала в себя: 1) понятие «война за Белоруссию и освобождение Смоленска в 1654 г.»; 2) два историографических хрононима – «война за Белоруссию в 1654-1667 гг.» и «борьба за Белоруссию и Украину в 1654-1667 гг.» (разбор работ И. Лочмеля и А. А. Савича); 3) два исторических хрононима – «с начала военных действий между Россией и Польшей» и «в войне между Россией и Речью Посполитой» [13, с. 125, 127, 143]. Л. Абецдарский практиковал не менее разнообразный аппарат: 1) понятие «освободительная борьба народных масс Белоруссии во время русско-польской войны 1654–1667 гг.»; 2) сам хрононим «русско-польская война 1654-1667 гг.» и его абстрактная версия «длительная русско-польская война закончилась подписанием Андросовского (орфография Л. Абецдарского. – А. П.) перемирия» [1, с. 144, 146, 200].

Кампании 1654-1655 гг. правомерно изображены как «война за Белоруссию». Что касается вариативности: за Белоруссию (в понимании середины XVII в. / середины XX в.? – А. П.) или ВКЛ (при условии взятия столичной Вильны в 1655 г.); что подразумевается под Украиной середины XVII в.; нет явного ответа, кроме *презентистского* применения хорононимов, подобрать сложно. Абстрактный хрононим Л. Абецдарского – синоним «русско-польской войны», между тем понятие «освободительная борьба народных масс...», выступающее термином, прокладывает путь к логической ошибке. Если народ – это крестьяне и мещане, большинством своим выступившие в поддержку Московского государства в 1654-1656 гг., то откуда появились шиши (антирусские отряды из крестьян и мещан. – А. П.) на занятых землях, из народных же масс? Противоречие в том, что формализованная идеологема не работает на примере войны, а, следовательно, не утилитарна в качестве универсального и нейтрального объяснения.

В 1980-е гг. авторы коллективного труда «История Украинской ССР» (в 10 томах), в томе 3 задействовали общую формализованную идеологему советской историографии «совместная борьба русского, украинского и белорусского народов против агрессии *шляхетской Польши*» (очевидны здесь тавтология и презентизм. – А. П.); повторилась безымянная «русско-польская война, затянувшаяся *на многие годы*» [16, с. 80, 94]. Белорусско-украинский историк О. Артюшевский немного расширил идеологему до «совместной антикрепостнической борьбы трудящихся масс России, Украины и Белоруссии в период освободительной борьбы 1648-1654 гг. и русско-польской войны 1654-1667 гг.»; «русско-польская война»; «русско-польская война 1654-1667 гг.» [2, с. 78, 96, 97, 118]. Общим для обеих работ стало целенаправленное конструирование понятийного аппарата не в историографическом наполнении, а в ракурсе идеологического корректирова-

ния. Продолжалась и некоторая тенденция, сформировавшая безымянный хрононим «длительная / на многие годы война».

От воспроизведенного в статье арсенала понятийного и ономастического материала, которым пользовались историки, появляются несколько соображений.

Первое – вопрос о том, к какому *типу культуры* отнести хрононим «русско-польская война». Ю. Лотман выделил несколько структур: 1) семантический (символический); 2) синтактический; 3) асемантический и асинтактический; 4) семантико-синтактический. Первые два касаются периода русской истории до Просвещения (семантический – допетровское время, синтактический – петровская эпоха). Вторые два – фаза Просвещения; период, наступивший после Французской революции 1789 г. [11, с. 157-179] Хрононим «русско-польская война» прошел через призмы историков во всех четырех культурных структурах, с увеличением вариантов самого себя в нескольких *значениях*. Данное обстоятельство приводит к следующему пункту.

Второе – выделяемый корневой хрононим выступает понятием по отношению к остальным его синонимам. *Ценность* милитарионима состоит в вычленении *имени собственного* из домена «русско-польских» войн; его *нейтральном идеологическом* фоне, без лишнего акцентирования военных действий лишь на одном театре военных действия (ВКЛ или Войска Запорожского). Таковым признается «Тринадцатилетняя война Московского государства с Речью Посполитой в 1654-1667 гг.». Дальнейшее указание *на то, за что* шла война – избыточность самого понятия, вполне переносимая в ситуативный контекст. «За земли ВКЛ и юго-восточные воеводства Королевства Польского» – немаловажная *предсуппозиция*: «понятие, возникшее в логике, где оно обозначает семантический компонент суждения, который должен быть истинным» [8, с. 276]. Этим достигается обособление хрононима из множества «русско-польских» войн, облегчающее *речевой акт* (в социолингвистической интерпретации – *А. П.*) [8, с. 308].

Третье затрагивает значение и ценность понятия. Этот компонент восприятия расположен в области *аксиологии*, являясь предметом отдельного исследования. Е. Войшвилло беспристрастно полагал, что «именно благодаря понятиям абстрактное мышление характеризуется как обобщенное отражение действительности. Всякий отдельный предмет и т. д. познается на основе некоторого общего понятия, как отдельное в чем-то общем (медь как металл со своими особыми характеристиками, Октябрьская социалистическая революция – на основе понятия революции вообще» [5, с. 102].

Четвертое обращает внимание на процесс создания и интерпретации хрононима. «Русско-польская» война подчеркивает некую историческую преемственность борьбы Московского государства и Речи Посполитой за земельное наследие Рюриковичей. Военные действия XVI и XVII в. – *эпизоды* ожесточенной схватки, сменявшиеся очередными военными приготовлениями. Каждое звено конфликта, получившее имя собственное, способно, в качестве понятия, донести большее количество не только исторической, но и историографической информации.

Список источников и литературы

1. Абецедарский, Л. С. (1978). *Белоруссия и Россия. Очерки русско-белорусских связей второй половины XVI-XVII вв.* / Под ред. З. Ю. Копысского. Минск: Вышэйшая школа. 256 с.
2. Артюшевский, О. П. (1987). *Совместная антикрепостническая борьба трудящихся масс России, Украины и Белоруссии. Вторая половина XVI – 60-е годы XVII ст.* Киев: Головное изд-во издательского объединения «Вища школа». 155 с.
3. Бантыш-Каменский, Д. Н. (1830). *История Малой России. Часть вторая.* Москва: В Тип. Семена Селивановского. 223 с.

4. Бобровский, П. О. (1891). *К характеристике военного искусства и дисциплины в войсках XVII и начала XVIII столетия*. СПб.: Тип. Департамента Уделов. 44 с.
5. Войшвилло, Е. К. (1989). *Понятие как форма мышления: логико-гносеологический анализ*. Москва: Изд-во МГУ. 239 с.
6. Гадамер, Х.-Г. (1988). *Истина и метод: Основы философской герменевтики*: Пер. с нем. / Общ. ред. и вступ. ст. Б. Н. Бессонова. Москва: Прогресс. 704 с.
7. Голицын, Н. С. (1878). *Русская военная история*. Ч. II. От Иоанна III до Петра I. СПб.: Тип. товарищества «Общественная польза». 691 с.
8. Жеребило, Т. В. (2010). *Словарь лингвистических терминов*. Изд. 5-е, испр. и доп. Назрань: ООО «Пилигрим». 486 с.
9. *История Украинской ССР в 10 томах. Том 3* (1983). Освободительная война и воссоединение Украины с Россией. Начало разложения феодализма и зарождение капиталистических отношений (вторая половина XVII-XVIII вв.). Киев: Наукова думка. 719 с.
10. Коялович, М. О. (1884). *Чтения по истории Западной России*. Издание четвертое. СПб.: Тип. Суворина. 341 с.
11. Лотман, Ю. М. (2002). *Статьи по семиотике культуры и искусства (Серия «Мир искусств»)* / Сост. Р. Г. Григорьева, пред. С. М. Даниэля. СПб.: Академический проект. 544 с.
12. Лочмель, И. Ф. (1940). *Очерк истории борьбы белорусского народа против польских панов*. Москва: Воениздат. 163 с.
13. Мальцев, А. Н. (1951). *Война за Белоруссию и взятие Смоленска в 1654 г.* // Исторические записки. Москва. Т. 37. С. 125-143.
14. Подольская, Н. В. (1978). *Словарь русской ономастической терминологии*. Москва: Наука. 198 с.
15. Соловьев, С. М. (1897). *История России с древнейших времен. Книга третья. Том XI-XV*. Второе издание. СПб.: Издание Высочайше утвержденного Товарищества «Общественная польза». 1580 с.
16. Фатеева, Н. А. (2018). *Милитарионимное поле Сталинграда* // Известия ВГПУ. № 7 (130). С. 99-104.
17. Фатеева, Н. А. (2018). *Названия военных событий как особый класс хронимов* // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. № 2. С. 57-59.

References

1. Abetsedarskiy, L. S. (1978). *Belorussiya i Rossiya. Ocherki russko-belorusskikh svyazey vtoroy poloviny XVI-XVII vv.* [Belarus and Russia. Essays on Russian-Belarusian Relations in the Second Half of the 16th-17th Centuries]. Pod red. Z. Yu. Kopysskogo. Minsk, Vysheyshaya Shkola Publ. (in Russian).
2. Artyushevskiy, O. P. (1987). *Sovmestnaya antikrepostnicheskaya bor'ba trud-yashchikhsya mass Rossii, Ukrainy i Belorussii. Vtoraya polovina XVI – 60-e gody XVII st.* [Joint anti-serf struggle of the working masses of Russia, Ukraine and Belarus. Second half of the 16th - 60s of the 17th century]. Kiev, Vishcha shkola Publ. (in Russian).
3. Bantysh-Kamenskiy, D. N. (1830). *Istoriya Maloy Rossii. Chast' vtoraya* [The History of Little Russia. Part Two]. Moscow, Tip. Semena Selivanovskogo. (in Russian).
4. Bobrovskiy, P. O. (1891). *K kharakteristike voennogo iskusstva i distsipliny v voy-skakh XVII i nachala XVIII stoletiya* [On the characteristics of military art and discipline in the troops of the XVII and early 18th century]. St. Petersburg, Tip. Departamenta Udelov. (in Russian).

5. Voyshvillo, E. K. (1989). *Ponyatie kak forma myshleniya: logiko-gnoseologicheskiy analiz* [The concept as a form of thinking: logical and epistemological analysis]. Moscow, MGU Publ. (in Russian).
6. Gadamer, Kh.-G. (1988). *Istina i metod: Osnovy filos. Germenevtiki* [Truth and Method: Fundamentals of Philosophy]. Obshch. red. i vstup. st. B. N. Bessonova. Moscow, Progress Publ. (in Russian).
7. Golitsyn, N. S. (1878). *Russkaya voennaya istoriya* [Russian military history]. Ch. II. Ot Ioanna III do Petra I. Sankt-Petersburg, Tip. tovarishchestva Obshchestvennaya pol'za. (in Russian).
8. Zherebilo, T. V. (2010). *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms]. Izd. 5-e, ispr. i dop. Nazran', Piligrim Publ. (in Russian).
9. *Istoriya Ukrainskoy SSR v desyati tomakh* (1893). *Tom tretiy. Osvoboditel'naya voyna i vossoedinenie Ukrainy s Rossiey. Nachalo razlozheniya feodalizma i zarozhdenie kapitalisticheskikh otnosheniy (vtoraya polovina XVII-XVIII vv.)* [History of the Ukrainian SSR in ten volumes. Volume three. liberation war and the reunification of Ukraine with Russia. The beginning of the disintegration of feudalism and the emergence of capitalist relations (the second half of the 17th-18th centuries)]. Kiev, Naukova dumka Publ. (in Russian).
10. Koyalovich, M. O. (1884). *Chteniya po istorii Zapadnoy Rossii. Izdanie chetvertoe* [Readings on the history of Western Russia]. St. Petersburg, Tip. Suvorina. (in Russian).
11. Lotman, Yu. M. (2002). *Stat'i po semiotike kul'tury i iskusstva (Seriya «Mir iskusstv»)* [Articles on the semiotics of culture and art (Series "World of Arts")]. Sost. R. G. Grigor'eva, pred. S. M. Danielya. St. Petersburg, Akademicheskiiy proekt Publ. (in Russian).
12. Lochmel', I. F. (1940). *Ocherk istorii bor'by belorusskogo naroda protiv pol'skikh panov* [Essay on the history of the struggle of the Belarusian people against the Polish lords]. Moscow, Voenizdat. (in Russian).
13. Mal'tsev, A. N. (1951). *Voyna za Belorussiyu i vzyatie Smolenska v 1654 g.* [Essay on the history of the struggle of the Belarusian people against the Polish lords] In *Istoricheskie zapiski*, 37, Moscow, 125-143. (in Russian).
14. Podol'skaya, N. V. (1978). *Slovar' russkoy onomasticheskoy terminologii* [Dictionary of Russian onomastic terminology]. Moscow, Nauka (in Russian).
15. Solov'ev, S. M. (1897). *Istoriya Rossii s drevneyshikh vremen. Kniga tret'ya* [History of Russia since ancient times]. Tom XI-XV. Vtoroe izdanie. Sankt-Petersburg, Izdanie Vysochayshhe utverzhennogo Tovarihschestva Obshchestvennaya pol'za. (in Russian).
16. Fateeva, N. A. (2018). *Militarionimnoe pole Stalingrada* [Military field of Stalingrad] in *Izvestiya VGPU*, 7 (130), 99-104. (in Russian).
17. Fateeva, N. A. (2018). *Nazvaniya voennykh sobytiiy kak osoby klass khrononimov* [Names of military events as a special class of chrononyms] in *Vestnik VGU. Seriya, Filologiya. Zhurnalistika*, 2, 57-59. (in Russian).

Мельникова А. Р.
(Елец)

УДК 94(47)

ПОСАДСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО РЕГИОНА БЕЛГОРОДСКОЙ ЧЕРТЫ В ЭПОХУ ПЕТРОВСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЛАНДРАТСКОЙ КНИГИ ЕЛЬЦА 1716 Г.)¹

Исторический регион Белгородской черты – территория современного Центрально-Черноземья России. Эти плодородные земли начали интенсивно осваиваться только во второй половине XVII в., после строительства комплекса военно-оборонительных сооружений. Хозяйственное развитие подтолкнуло рост населения городов-крепостей. Социальные процессы, проходящие в регионе, вызывают большой интерес, особенно это касается посадского населения. Недостаточная освещенность данного вопроса в историографии, а также особое внимание к региональной истории обуславливают научную значимость статьи. Основным источником работы стала переписная (ландратская) книга 1716 г. Она хранится в фонде 350 Российского государственного архива древних актов (РГАДА). Целью исследования выступает анализ социального состава посадского населения Ельца в 1716 г. Подробно рассматриваются вопросы количества жителей и состава их семей, а также возрастные категории населения. Важное место занимает сравнение данных за 1716 г. с показателями переписи 1710 г., которые присутствуют в ландратской книге.

Ключевые слова: посадское население, ландратская книга, семья, состав населения, Елец.

The historical region of the Belgorod Line is the territory of the modern Central Black Earth Region of Russia. These fertile lands began to be intensively developed only in the second half of the 17th century, after the construction of a complex of military defense structures. Economic development pushed the growth of the population of fortified cities. The social processes taking place in the region are of great interest, especially for the townspeople. Insufficient coverage of this issue in historiography, as well as special attention to regional history, determine the scientific significance of the article. The main source of the work was the census (Landrat) book of 1716. It is stored in fund 350 of the Russian State Archive of Ancient Acts (RSAAA). The aim of the study is to analyze the social composition of the township population of Yelets in 1716. The issues of the number of residents and the composition of their families, as well as age categories of the population, are considered in detail. An important place is occupied by a comparison of the data for 1716 with the 1710 census figures, which are present in the landrat book.

Keywords: township population, landrat book, family, composition of the population, Yelets.

DOI: 10.24888/2410-4205-2022-33-4-85-92

На протяжении XVI-XVIII вв. территория современного Центрального Черноземья постепенно интегрировалась в социально-экономическое пространство быстро развивающегося Российского государства. Несмотря на то, что здесь изначально преобладало служилое население (колонизация края шла в упорной борьбе с Крымским ханством, Османской империей и различными кочевыми сообществами), торговоремесленное (посадское) население присутствовало в регионе изначально [10]. Небольшие посадские слободы стали интенсивно развиваться после Смутного времени, но все равно численно уступали поселениям служилого населения вплоть до XVIII в. Посадское население

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 21-18-00024) на базе ФГБОУ ВО "Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина"

ние почти не было занято военной службой (за редкими исключениями), а занималось торговлей, ремеслами и отхожими промыслами. После реформ 1649-1650 гг. эта категория населения получила монопольное право на ведение торговли, но оно часто нарушалось, а, в конце концов, было отменено в 1714 г. [8, с. 286]. Посадские люди стали чаще разоряться и менять свой социальный статус.

Слободы посадских людей располагались обычно близ водоемов, поскольку так было легче вести хозяйственную деятельность. В XVII-XVIII вв. посадские люди оказывали большое влияние на развитие торгового дела в городе, что касается и исследуемого нами Ельца [5, с. 78]. В основном их товар был представлен на местном рынке, но некоторые ездили по соседним уездам.

Посадские люди исторического региона Белгородской черты не часто были в центре внимания ученых. Советские историки писали о них в связи с «классовой борьбой», которая якобы охватила почти все города в XVII в [1, с. 73; 18]. Среди современных исследователей следует отметить работы Д. А. Ляпина, Н. А. Жирова, С. К. Кондратьевой, Т. В. Жибровой [3; 4; 5; 6; 11; 12; 13]. Только С. К. Кондратьева изучала посадские слободы Ельца и Воронежа целенаправленно и защитила кандидатскую диссертацию на эту тему. Т. В. Жиброву больше интересовал торговый аспект, а Д. А. Ляпина и Н. А. Жирова – социальный.

Информация о посадских людях Ельца в начале XVIII в. изложена в ценном историческом источнике – ландратской книге 1716 г. Вопрос о достоверности ландратских книг относится к числу дискуссионных. П. Н. Милюков обосновал идею о том, что государство было разочаровано этой переписью, так как она прошла неудачно и потому ландратские книги не могут быть достоверны [15, с. 471]. Со временем мнение о том, что ландратская перепись была неэффективной и даже отразила кризис подворного налогообложения, стала преобладать в исторической науке [17, с. 328]. Исключением могут быть только мнения М. В. Клочкова и Б. Б. Кафенгауза — автора обширного раздела о финансовых реформах первой четверти XVIII в. [9, с. 422]. В настоящий момент ландратские книги принято использовать как исторический источник, но с большой долей осторожности.

Ландратская книга Ельца и уезда была составлена комиссией во главе с ландратом (помощником губернатора) Григорием Михайловичем Наумовым. Рукопись представляет собой объемный фолиант в 1368 листов [16]. Вначале следует описание города, а затем — уезда. Информация в данной книге четко разделена на столбцы по тексту, что выгодно отличает ее от переписей этого времени других уездов. Листы делятся на две колонки — «наличные» и «убылые», где отмечаются данные по населению с обязательным указанием того, как «убыл» или «прибыл» тот или иной человек в сравнении с прошлой переписью (умер, родился, «сшёл безвестно», переселился и проч.). Описание города содержит упоминание следующих категорий населения: священнослужители, подьячие, бобыли, нищие, стрельцы, пушкари, воротники, казаки, посадские люди, дети боярские, солдатские дети, зависимые люди. Численно преобладающей группой были служилые люди, среди которых, в свою очередь, доминировало казачество (499), затем следовали стрельцы (160) и пушкари (112) [11, с. 258]. Количество посадских людей составило, согласно данным переписи, 124 человека.

В качестве предмета исследования нами была выбрана Черная слобода посадских людей – самая старая из существующих неслужилых слобод города. Социальные процессы, происходящие здесь, во многом можно считать показательными относительно группы населения включавшей торговцев и ремесленников.

Итак, согласно данным переписи в Черной слободе в 1716 г. было 55 дворов, из которых 7 вдовьих (семьи, состоящие исключительно из женщин). В источнике приводятся параллельные данные с переписью 1710 г., в которой указано 65 дворов. Таким образом, за небольшой промежуток времени количество дворов сократилось. Причиной этому была убыль населения и объединение семей.

Перейдем к непосредственному анализу социального состава Черной слободы г. Ельца. В источнике указано, что общее количество местных жителей составляло 223 человек. В их число входят мужчины, женщины и дети. Нами были произведены расчеты, в ходе которых было установлено, что женщин здесь проживало больше, чем мужчин (56 % и 44% соответственно). Это связано с тем, что в период с 1710 по 1716 г. девочек рождалось больше, чем мальчиков [16]. К тому же не стоит забывать о существовании вдовьих дворов.

Рассмотрим население Черной слободы по следующим градациям: половозрастная структура, состав семьи и количество детей во дворах. Начнем с анализа возрастного состава (Диаграмма 1). В слободе проживали 98 человек мужского пола, из них дети и юноши до 16 лет составили большинство – 37 %. Основную массу мужского населения представляли люди среднего возраста, которых мы условно разделили на две категории. Каждая из них доходила до 21 % от общего числа мужчин. Количество мужчин от 16 до 25 было небольшим – всего 12%. Скорее всего, это было связано с тем, что в начале XVIII в. юношей часто забирали в солдаты. Мужчин старше 55 лет было меньше всех остальных категорий – всего 9 %. Люди того времени редко доживали до 70 лет, и, как правило, старшим поколением считались лица, достигшие 55 лет.

Диаграмма 1. Возраст мужчин Черной слободы по данным 1716 г.

Приступим к изучению количественной составляющей возрастных групп женского населения Черной слободы (Диаграмма 2). На данной территории их проживало 125 человек (с учетом вдовьих дворов). Большинство женщин составили девушки до 16 лет. В процентном соотношении их количество составило 37%. Примечательно то, что процент полностью совпал с аналогичной категорией у мужчин. Возрастная группа от 25 до 40 лет составила 25 %. Именно в этом возрасте большинство девушек из других слобод выходило замуж за местных жителей. Следом были женщины преклонного возраста – около 15 %. Этот показатель выше, чем у мужчин, так как женщины, как правило, жили дольше и чаще становились вдовами. Остальные две категории (16-25 лет и 40-55 лет) составили примерно по 11 %. Молодые девушки выходили замуж за стрельцов, пушкарей и казаков и, соответственно, селились в их дворах в других слободах.

Диаграмма 2. Возраст женщин Черной слободы по данным 1716 г.

Для того чтобы понять специфику социальных явлений, нужно проанализировать процессы, которые происходили в среде посадских людей. Важнейшим социальным институтом являлась семья. Ее члены были связаны общностью быта и совместной производственной деятельностью. Проанализируем особенности формирования семей в Черной слободе. Отметим, что большинство человек состояли в браке. Неженатых мужчин было всего трое. Причиной чему был их молодой возраст. На попечении парней, ставших сиротами, оставались братья и сестры.

Обычно выделяют следующие виды семьи: нуклеарная и расширенная. Нуклеарная или нерасширенная семья включала в себя только родителей и детей. Число таких семей в Черной слободе составило 60%. Это довольно интересный показатель, поскольку до середины XIX в. расширенная семья была распространенным явлением. Пожилые родители часто проживали со своими уже взрослыми детьми и внуками. Здесь же сложилась иная ситуация. Молодые семьи стремились обособиться. Однако стоит отметить, что расширенные семьи тоже упоминались и составили немалый показатель – 40 % [4, с. 71]. В нее входили, как правило, сразу три поколения.

Любопытен тот факт, что мужчины довольно часто состояли в браке с женщинами, которые были старше их. В Черной слободе по переписи 1716 г. таких семей было 35 % от общего числа. Дело было в том, что овдовевшие мужчины стремились жениться во второй раз. У многих женщин имелись дети, которые могли помогать по хозяйству. Мужчины видели в этом некую выгоду, поэтому в списках о наличных со дворов посадских людей довольно часто упоминаются падчерицы и пасынки.

Приступим к рассмотрению количественного состава семей в Черной слободе. Для наглядного представления обратимся к диаграмме 3. Наибольший процент (44 %) был отмечен у семей из 4-5 человек. Это могли быть как нуклеарные, так и расширенные семьи. Дворы, в которых проживали 2-3 человека, составили 40 %. Как правило, такие семьи не были расширенными. В их состав входили лишь родители без детей или с одним ребенком. Большие семьи, где проживали более 5 человек, составили самый малый процент – 16 %. Таким образом, в Черной слободе большинство составили не расширенные семьи, хотя в начале XVIII в. в России, как правило, были большие дворы [8].

Диаграмма 3. Количественный состав семьи в черной слободе.

Обратимся к вопросу о числе детей, проживающих в семьях (Диаграмма 4). У большинства родителей рождался один ребенок (35%). Есть несколько причин такого процесса. Во-первых, в Черной слободе было много молодых семей [6, с. 10]. Во-вторых, по ландратской книге 1716 г. была отмечена высокая смертность малолетних детей. Семьи, в которых было двое детей, составили примерно четверть от общего количества. Каждая пятая семья имела трех детей. В некоторых дворах они отсутствовали (16 %). Это было связано с тем, что довольно часто упоминались семьи преклонного возраста, дети которых селились отдельно со своими мужьями и женами. Самый маленький процент (4%) составили семьи, имеющие 4 и более детей.

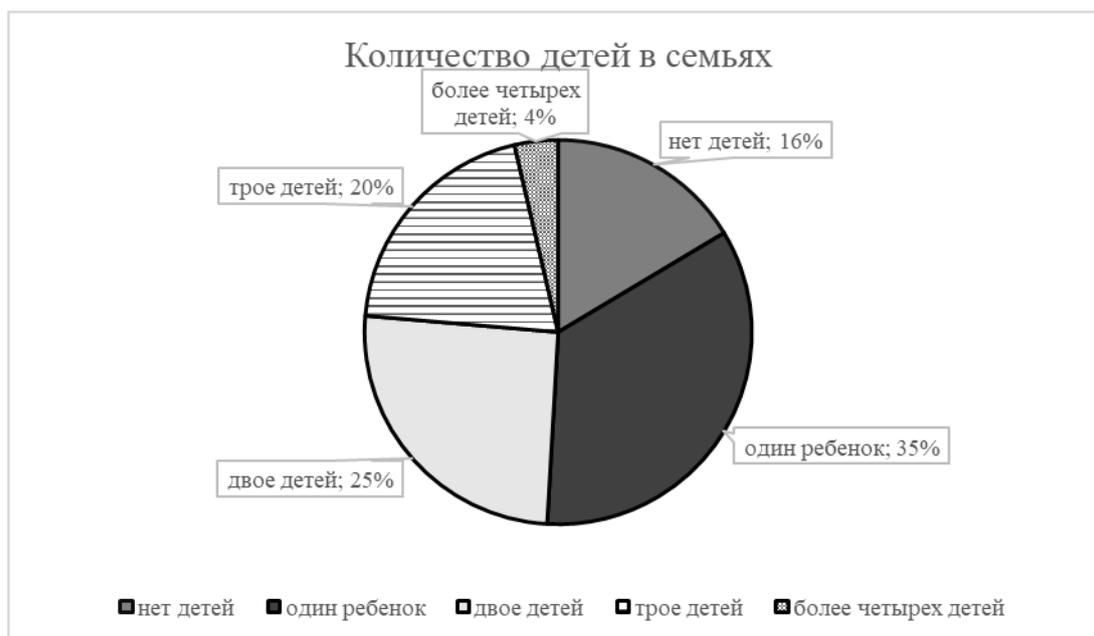

Диаграмма 4. Количество детей в семьях посадских людей.

В ландратской книге представлены подробные сведения об убыли населения. Приводится полная информация с именами и возрастом. Среди причин убыли стоит отметить следующие: смерть, замужество, пропавшие безвестно, уход в солдаты, на завод или в другой город (Диаграмма 5). Количество умерших составило более половины (54%) от общего числа «убылых» людей. К сожалению, причина смерти не указана. Замуж было выдано около 20% женщин от количества убывшего населения. Девушки переходили в дома мужей, и, как правило, селились в Казачьей, Кузнецкой, Троицкой, Пушкарской, Стрелецкой и Черной слободах. Пропало безвестно около 11%. Примерно 9% от общего числа «убылых людей» были взяты в солдаты. Отметим, что в основном забирали парней, которые достигли двадцатилетнего возраста. Всего небольшая часть населения сошла на завод – 3%. Столько же ушло в город Ливны по неизвестным причинам. Общее количество «убылых людей» из Черной слободы по переписи 1716 г. составило 74 человека [16].

Диаграмма 5. Причины убыли населения в Черной слободе г. Ельца

Итак, число дворов по сравнению с переписью 1710 г. заметно уменьшилось. Сократилось и число жителей Черной слободы. Женщин здесь проживало больше, чем мужчин. После проведенного анализа прослеживается тенденция, согласно которой молодые люди заметно преобладали над прочими возрастными категориями. Семьи в основном состояли из 4-5 человек, реже всего встречались дворы с большим количеством проживающих. У многих семей было всего по одному ребенку, также большим показателем был отмечен во дворах с двумя и тремя детьми. Также необходимо отметить, что с 1710 по 1716 г. в посадские дворы прибыло (29 человек) в два с половиной раза меньше, чем убыло (74 человека). Таким образом, естественная убыль местного населения составила 72%. Дело было в том, что смертность сильно превышала в эти годы рождаемость и некоторые жители переселились в соседние слободы.

Список источников и литературы

1. Базилевич, К. В. (1936). *Из истории городских восстаний XVII в.* // Книга и пролетарская революция. № 6. С. 72-75.
2. Глазьев, В. Н. (2001). *Власть и общество на юге России в XVII в.: противодействие уголовной преступности.* Воронеж: Издательство ВГУ. 429 с.
3. Жиброва, Т. В. (2019). *Женица в русской провинции XVII в. (по материалам юга России)* // Исторический курьер. № 3 (5). С. 131-138.
4. Жиров, Н. А. (2020). *Организация повседневного пространства населения Юга России в начале XVII в. в контексте демографической динамики развития местного общества* // История: факты и символы. № 2 (23). С. 65-75.
5. Жиров, Н. А., Ляпин, Д. А. (2020). *Динамика социального состава населения Черноземья во второй половине XVII – первой трети XVIII вв. (на примере Елецкого уезда)* // История: факты и символы. № 3 (24). С. 72-82.
6. Жиров, Н. А., Ляпин, Д. А. (2017). *Социальная организация и формы поведенческих моделей населения южнорусского общества в контексте урбанизации Центрально-Черноземного региона в конце XVI – начале XVIII веков* // История: факты и символы. № 4 (13). С. 7-14.
7. Кабузан, В. М. (1963). *Народонаселение России в XVIII - первой половине XIX в.: По материалам ревизий.* Москва: Наука. 157 с.
8. Кизеветтер, А. А. (1903). *Посадская община. Россия в XVIII столетии.* Москва: Университетская типография. 810 с.
9. Ключков, М. В. (1911). *Население России при Петре Великом по переписям того времени.* Санкт-Петербург: Сенатская типография. 435 с.
10. Кондратьева, С. К. (2012). *Посадские люди юга России в XVII веке: автореф. дис. ... канд. истор. наук: 07.00.02.* Воронеж.
11. Ляпин, Д. А. (2021). *Ландратские книги: характеристика источника и его информационный потенциал* // Quaestio Rossica. № 9 (1). С. 254-264.
12. Ляпин, Д. А., Мизис, Ю. А. (2021). *Поведенческие модели населения крепостей юга России в XVII в. (по материалам Воронежского, Козловского и Тамбовского уездов)* // Журнал Фронтальных Исследований. № 3. С. 11-28.
13. Ляпин, Д. А. (2021). *Опыт изучения ландратских книг Петровского времени* // Российская история. № 1. С. 37-45.
14. Мизис, Ю. А. (2006). *Формирование рынка Центрального Черноземья во второй половине XVII - первой половине XVIII вв.* Тамбов: Юлиус. 815 с.
15. Милюков, П. Н. (1905). *Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII в. и реформа Петра Великого.* Санкт-Петербург: типография М. М. Стасюлевича. 678 с.
16. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 350. Оп. 1. Д. 113.
17. Струмилин, С. Г. (1966). *Очерки экономической истории России и СССР.* Москва: Наука. 514 с.
18. Чистякова, Е. В. (1975). *Городские восстания в России в первой половине XVII в.* Воронеж: Издательство ВГУ. 246 с.

References

1. Bazilevich, K. V. (1936). *Iz istorii gorodskikh vosstaniy XVII v.* [From the history of urban uprisings in the 17th century] in *Kniga i proletarskaya revolyutsiya*, 6, 72-75. (in Russian).
2. Glaziev, V. N. (2001). *Vlast' i obshchestvo na yuge Rossii v XVII v.: protivodeystviye ugolovnoy prestupnosti* [Power and society in the south of Russia in the 17th century: counteraction to criminality]. Voronezh, VGU Publ. (in Russian).

3. Zhibrova, T. V. (2019). *Zhenshchina v russkoy provintsii XVII v. (po materialam yuga Rossii)* [Woman in the Russian province of the 17th century. (Based on materials from the south of Russia)] in *Istoricheskiy kur'yer*, 3 (5), 131-138. (in Russian).
4. Zhiron, N. A. (2020). *Organizatsiya povsednevnogo prostranstva naseleniya Yuga Rossii v nachale XVII v. v kontekste demograficheskoy dinamiki razvitiya mestnogo obshchestva* [Organization of everyday space of the population of the South of Russia at the beginning of the 17th century. in the context of the demographic dynamics of the development of local society] in *Istoriya: fakty i simvoly*, 2 (23), 65-75. (in Russian).
5. Zhiron, N. A., Lyapin, D. A. (2020). *Dinamika sotsial'nogo sostava naseleniya Chernozem'ya vo vtoroy polovine XVII – pervoy treti XVIII vv. (na primere Yeletskego uyezda)* [Dynamics of the social composition of the population of the Chernozem region in the second half of the 17th - first third of the 18th centuries. (on the example of the Yelets district)] in *Istoriya: fakty i simvoly*, 3 (24), 72-82. (in Russian).
6. Zhiron, N. A., Lyapin, D. A. (2017). *Sotsial'naya organizatsiya i formy povedencheskikh modeley naseleniya yuzhnorusskogo obshchestva v kontekste urbanizatsii Tsentral'no-Chernozemnogo regiona v kontse XVI – nachale XVIII vekov* [Social organization and forms of behavioral models of the population of South Russian society in the context of urbanization of the Central Black Earth region in the late 16th - early 18th centuries] in *Istoriya: fakty i simvoly*, 4 (13), 7-14. (in Russian).
7. Kabuzan, V. M. (1963). *Narodonaseleniye Rossii v XVIII - pervoy polovine XIX v.: Po materialam reviziy* [Population of Russia in the 18th - the first half of the 19th century: Based on the materials of revisions]. Moscow, Nauka. (in Russian).
8. Kizevetter, A. A. (1903). *Posadskaya obshchina. Rossiya v XVIII stoletii* [Posad community. Russia in the XVIII century]. Moscow, Universitetskaya tipografiya. (in Russian).
9. Klochkov, M. V. (1911). *Naseleniye Rossii pri Petre Velikom po perepisyam togo vremeni*. [The population of Russia under Peter the Great according to the censuses of that time.]. St. Petersburg, Senatskaya tipografiya. (in Russian).
10. Kondrat'yeva, S. K. (2012). *Posadskie lyudi yuga Rossii v XVII veke*. [Posad people of the south of Russia in the 17th century]. (doctoral dissertation abstract). Voronezh. (in Russian).
11. Lyapin, D. A. (2021). *Landratskiye knigi: kharakteristika istochnika i yego informatzionnyy potentsial* [Landratsky books: characteristics of the source and its information potential] in *Quaestio Rossica*, 9 (1), 254-264. (in Russian).
12. Lyapin, D. A., Mizis, Yu. A. (2021). *Povedencheskiye modeli naseleniya krepostey yuga Rossii v XVII v. (po materialam Voronezhskogo, Kozlovskogo i Tambovskogo uyezdov)* [Behavioral models of the population of fortresses in southern Russia in the 17th century. (Based on the materials of the Voronezh, Kozlovsky and Tambov counties)]. in *Zhurnal Frontirnykh Issledovaniy*, 3, 11-28. (in Russian).
13. Lyapin, D. A. (2021). *Opyt izucheniya landratskikh knig Petrovskogo vremeni* [The experience of studying Landrat books of the time of Peter the Great] in *Rossiyskaya istoriya*, 1, 37-45. (in Russian).
14. Mizis, Yu. A. (2006). *Formirovaniye rynka Tsentral'nogo Chernozem'ya vo vtoroy polovine XVII - pervoy polovine XVIII vv.* [Formation of the market of the Central Chernozem region in the second half of the 17th - first half of the 18th centuries]. Tambov, Yulius. (in Russian).
15. Milyukov, P. N. (1905) *Gosudarstvennoye khozyaystvo Rossii v pervoy chetverti XVIII v. i reforma Petra Velikogo*. [The state economy of Russia in the first quarter of the 18th century. and the reform of Peter the Great]. St. Petersburg, tipografiya M. M. Stasyulevicha. (in Russian).
16. Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov (RGADA). F. 350. Op. 1. D. 113.
17. Strumilin, S. G. (1966). *Ocherki ekonomicheskoy istorii Rossii i SSSR*. [Essays on the economic history of Russia and the USSR]. Moscow, Nauka. (in Russian).
18. Chistyakova, Ye. V. (1975). *Gorodskiy vosstaniya v Rossii v pervoy polovine XVII v.* [Urban uprisings in Russia in the first half of the 17th century]. Voronezh, VGU Publ. (in Russian).

Прошунина Е. В.
(Елец)

УДК 94(47)

**СОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ И ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ
СЕЛЬСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ РЕГИОНА БЕЛГОРОДСКОЙ ЧЕРТЫ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕРЕПИСНЫХ КНИГ
ВОРОНЕЖСКОГО УЕЗДА 1646 И 1716 ГГ.)¹**

Статья посвящена истории колонизации исторической территории Белгородской черты через призму изучения населенных пунктов и их жителей. Данный вопрос все чаще затрагивается в историографии последних лет. В основе работы лег сравнительный анализ двух фискальных источников: переписной книги 1646 г. и ландратской книги 1716 г. Цель статьи проследить динамику увеличения или уменьшения сел и деревень, проанализировать количественный состав местного населения. Отдельно показано значение массовых источников в изучении экономически-социальных процессов. Показано в процентном соотношении, насколько данные источники достоверны. Автор приходит к выводам, что освоение обширных территорий Центрального Черноземья во многом было связано со строительством военно-оборонительных сооружений Белгородской черты. В результате сравнения двух массовых источников, а именно переписной книги 1646 г. и ландратской книги 1716 г. Воронежского уезда можно понять общую специфику развития населенных пунктов. Однако материалы переписей, выполнявшие свои узкие фискальные цели и задачи, являются не полноценными источниками по своей сути. В них наглядно проявилась несовершенствo налогообложения России XVII в. Они могут служить лишь как вспомогательный источник, с которым необходимо работать крайне осторожно.

Ключевые слова: ландратская книга, переписная книга, Воронежский уезд, колонизация, населенные пункты, жители

The article is devoted to the history of the colonization of the historical territory of the Belgorod line on the example of the study of settlements and population. This issue has been increasingly raised in the historiography of recent years. The work is based on a comparative analysis of two fiscal sources: the 1646 census book and the 1716 landrat book. The purpose of the article is to trace the dynamics of the increase or decrease of big and small villages, to analyze the quantitative composition of the local population. The importance of mass sources in the study of economic and social processes is shown separately. It is shown as a percentage how reliable these sources are. The author comes to the conclusion that the development of the vast territories of the Central Chernozem region was largely associated with the construction of military defense structures of the Belgorod line. As a result of comparing two mass sources, namely the census book of 1646 and the landrat book of 1716 of the Voronezh district, one can understand the general specifics of the development of settlements. However, census materials that fulfilled their narrow fiscal goals and objectives are inherently incomplete sources. This is only an auxiliary source, which must be handled with extreme caution.

Keywords: landrat book, census book, Voronezh district, colonization, settlements, inhabitants

DOI: 10.24888/2410-4205-2022-33-4-93-99

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 21-18-00024) на базе ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина».

Строительство Белгородской черты стало судьбоносным событием в истории южной окраины Российского государства XVII в., занимавших территорию современного Центрального Черноземья. Возведения огромного комплекса военно-оборонительных сооружений повлияло на хозяйственное освоение этого края и позволило России продвинуться далее на юг. Белгородская черта – самое значительное в российской истории мощное и сложное военно-инженерное сооружение в русской истории. Ее протяженность составляла около 800 км. В состав Белгородской черты входили различные оборонительные укрепления: крепости, остроги, острожки, валы, рвы и прочее. Но при этом черта являлась не просто линией оборонительных укреплений, а территорией формирования единого пограничного социума. Поэтому нам представляется особенно важным социальный аспект изучения истории Белгородской черты.

Это социальное направление пользуется все большей популярностью в работах историков, исследующих черту. Так, Д.А. Ляпин посвятил ряд работ анализу частной жизни местного населения, а также динамике численности различных категорий местного общества. Схожей проблематикой занимался Н.А. Жиров, сделавший главный акцент на хозяйственном освоении региона [3; 5; 6; 7; 8; 9]. Следует также упомянуть исследования В.Н. Глазьева, С.В. Фурсова, Н.Н. Петрухинцева, рассматривавших социальные процессы с военной и хозяйственной сторон [1; 12; 13]. Е.В. Камараули изучила поселенческую структуру уездов исторического региона Белгородской черты, показала закономерности хозяйственного развития этих обширных пространств [4].

В центре данной статьи находится анализ социального состава населения и динамика развития сельских поселений на основе данных фискальных источников - переписной книги 1646 г. и ландратской книги 1716 г. Воронежского уезда [10]. Переписная книга 1646 г. была опубликована В.Н. Глазьевым, он же впервые детально изучил этот источник на предмет достоверности [10, с. 8-9]. Ландратская книга 1716 г. была в центре внимания статьи Д.А. Ляпина, посвященной ее информативным возможностям и источниковедческим особенностям [5]. Оба историка показали значение и возможности переписных книг, как исторического источника.

Статистический анализ данных массовых источников разного периода времени позволит выявить данные по социальной истории региона в динамике. Особое значение данных источников состоит в том, что они дают возможность сделать целостный временной срез сведений о населении и проследить динамику роста или исчезновения сельских поселений. В итоге мы сможем выявить общие социально-экономические процессы, проходящие в этих пространствах на протяжении более чем полувекового периода.

Ландратские книги, как и переписные книги, находятся в фонде 360 РГАДА для того чтобы выявить наиболее точную информацию мы провели сравнительный анализ ландратской книги 1716 г. с переписной книгой 1646 г. Ученые нечасто используют в своих работах переписные книги, поскольку вопрос об их достоверности остается открытым. В настоящее время В.Н. Глазьевым доказано, что переписная книга Воронежского уезда 1646 г. является достоверной на 70% [10, с. 8-9]. В свою очередь воронежская ландратская книга была составлена в 1716 г. по вполне традиционному принципу, в точно таких же традициях, как и перепись 1646 г. В этой связи мы можем условно предположить, что достоверность новой переписи также составляло около 70%, хотя вопрос этот спорен. Д.А. Ляпин отмечал, что «ландратская книга может быть достоверной в пределах 70%, но это касается только одной социальной группы – местной служилой элиты, помещиков достаточным количеством крестьянских дворов» [5, с. 101].

Отметим также очевидные трудности, которые ожидали переписчиков в 1716 г. Собранные ими данные необходимо было сверять с материалами переписной книги 1710 г., указывая, что случилось с человеком, фигурировавшим в прошлой переписи, основанной, в свою очередь, на описании 1678 г. Это вызывало неудобство у ландратов, которым приходилось сопоставлять данные со старыми переписями, существовавшими, когда административными единицами были уезды, из-за чего в новой описи приходилось следовать границе уездов на момент 1678 г., хотя официально они уже не существовали. Таким образом, ис-

пользуя данные ландратской книги невозможно проследить и узнать численность и движение населения с большой точностью, но общие тенденции в развитии социума она безусловно отразила. Сведения по населенным пунктам, социальному составу являются достоверными приблизительно на 70%. Так же благодаря сравнительному анализу двух переписей мы сможем выявить информацию по социальным и демографическим изменениям, которые происходили на территории Воронежского уезда.

Процесс колонизации Юга России имел два важных следствия: рост числа сельских поселений и рост числа жителей. При сравнении данных 1646 г. и 1716 г. нами была выявлено, что количество деревень за этот промежуток времени уменьшилось. Эти данные представлены в качестве диаграммы, из которой мы видим, что уменьшение произошло на 4 деревни по сравнению с 1646 г. (См. Диаграмма 1).

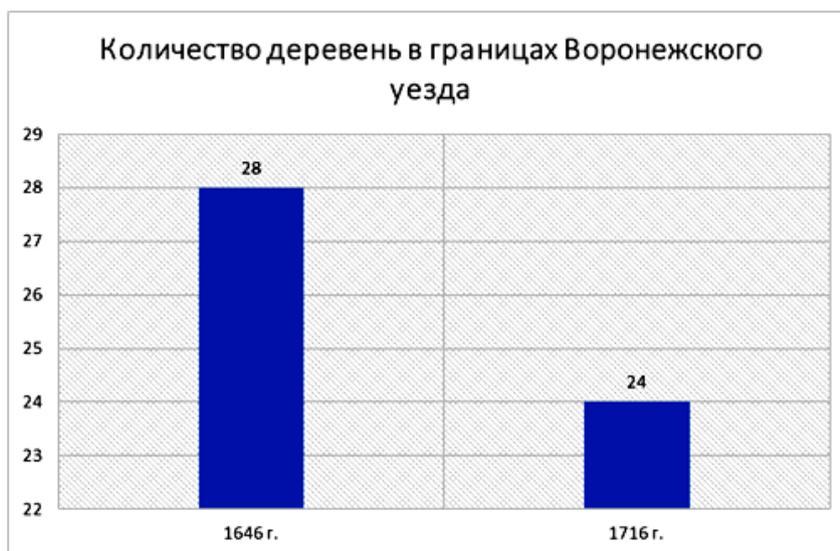

Диаграмма 1. Соотношение количества деревень в границах Воронежского уезда по данным переписей 1646 и 1716 гг.

Если при сравнении изменений количественного состава деревень, мы увидели снижение, то при анализе числа сел нами, напротив, было выявлено, что их количество выросло на 17 единиц (См.: Диаграмма 2).

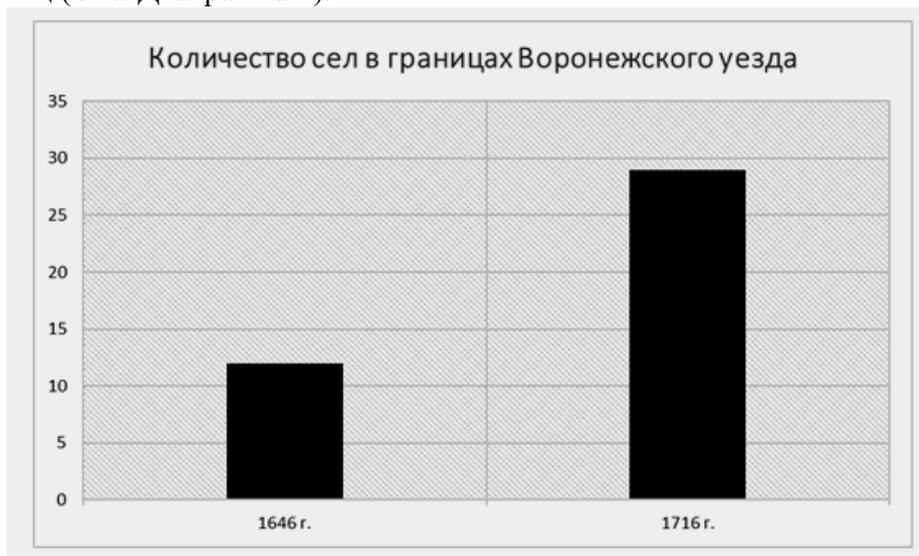

Диаграмма 2. Соотношение количества сел в границах Воронежского уезда по данным переписей 1646 и 1716 гг.

Стремительный рост сел указывает не только на строительство храмов, что является одним из признаков села, но и на заметные успехи колонизации исторического региона Белгородской черты, рост населения и интенсивную распашку новых земель. Количества сельских поселений по данным двух переписей также подтверждает данный факт.

При сравнении числа населенных пунктов уезда в переписной книге 1646 г. и ландратской книге 1716 г., было установлено, что в 1646 г. деревень было – 28, сел – 12 т.е. всего в уезде оказалось зафиксировано 40 поселений. Но в 1716 г. деревень стало 24, а сел 29, что на 14 единиц больше, чем в 1646 г.

Не только по количеству населенных пунктов можно выявить динамику развития колонизации, но и по численному составу проживающих в них людей. Так в 1646 г. наиболее заселенными деревнями являлись: Чураева - 176, Ломова - 254, Новая Слободка - 135, Тюрина - 168, Коренская и Мазикина (См.: Диаграмма 3). Наиболее большими селами по численности населения были Маслова - 180, Заячье – 228, а самый крупный населенный пункт, село Городище, имел 328 человек.

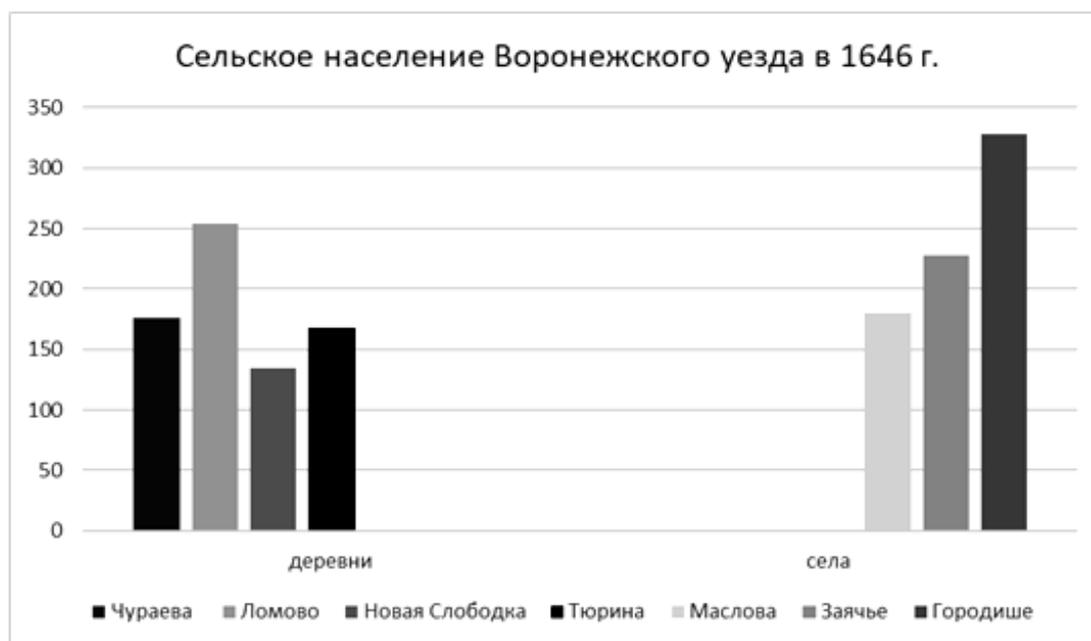

Диаграмма 3. Население крупных сел и деревень Воронежского уезда в 1646 г. по данным переписной книги.

Сравнивая данные диаграммы 1646 г. с переписью 1716 г. можно отметить, что население в несколько раз уменьшилось. Самым крупным селом являлось Борщево с населением в 164 человека. В остальных же населенных пунктах население было небольшим. Прежде всего, это связано с тем, что полные данные по однодворческой группе населения отсутствуют, остается только крестьянство. Но и эти данные являются неточными, так как крестьяне переводились из одного места жительства на другое. В итоге мы не можем точно сказать, сколько было жителей в данных поселениях.

Диаграмма 4. Население крупных сел и деревень Воронежского уезда в 1716 г. по данным ландратской книги.

Итак, в результате сравнения двух массовых источников, а именно переписной книги 1646 г. и ландратской книги 1716 г. Воронежского уезда мы выявили общую специфику изменений населенных пунктов. За 70 лет количество деревень резко уменьшилось, а сел увеличилось в 2 раза. Так же сравнение переписей нам показало, что населенных пунктов стало больше., что еще раз доказывает устойчивую динамику колонизации исторического региона Белгородской черты. Но при рассмотрении населения уезда, мы столкнулись с проблемой неполноты данных. Материалы переписей, выполнявшие свои узкие фискальные цели и задачи, являются не полноценными источниками по самой своей сути. В них наглядно проявилась несовершенство налогообложения России XVII в. Они могут служить лишь как вспомогательный документ, с которым необходимо работать крайне осторожно.

Список источников и литературы

1. Глазьев, В. Н. (2007). *Воронежские воеводы и их окружение в XVI—XVII веках*. Воронеж: Центр духовного возрождения Черноземного края. 166 с.
2. Глазьев, В. Н. (2012). *Заселение городов-крепостей Центрального Черноземья в контексте социальной политики российского правительства в конце XVI в.* // Столица и провинция: история взаимоотношений: Материалы Шестой регион. науч. конф. Воронеж: Изд-во ВГУ. С. 7—11.
3. Жиров, Н. А. (2022). *Социально-экономическое развитие территории бывшей Белгородской черты по материалам «Экономических примечаний» к планам Генерального межевания Елецкого уезда Орловской губернии* // Вопросы истории. № 9 (1). С. 76-84.
4. Камараули, Е. В. (2018). *Формирование поселенческой структуры в южных уездах России в первой половине XVII в. (на примере Воронежского уезда)* // История: Факты и Символы. № 3 (16). С. 97-105.
5. Ляпин, Д. А. (2022). *Воронежская Ландратская книга 1716 г. как источник по истории региона Белгородской черты* // Проблемы социальных и гуманитарных наук. № 2 (31). С. 98-102.

6. Ляпин, Д. А. (2021). *Основные поведенческие модели населения Белгородской черты в середине XVII в.* // Былые годы. № 16 (2). С. 452-460.
7. Ляпин, Д. А., Жиров Н. А. (2016). *Динамика численности населения Юга России в конце XVI – начале XVIII вв. (на примере Ельца)* // Гуманитарные и юридические исследования. № 3. С. 93-97.
8. Ляпин, Д. А., Жиров, Н. А. (2017). *Социальная организация и формы поведенческих моделей населения южнорусского общества в контексте урбанизации Центрально-Чернозёмного региона в конце XVI - начале XVIII веков* // История: Факты и символы. № 4. С. 7-14
9. Ляпин, Д. А., Мельникова, А. Р. (2021). *Социальные процессы в уездах, защищенных Белгородской чертой, во второй половине XVII в. (по материалам Шацкого уезда)* // Белгородская черта: сборник статей и материалов по истории Белгородской оборонительной черты. Вып. 6. Белгород: Изд-во Сичкаревой Е.В. С. 154-160.
10. *Переписная книга Воронежского уезда 1646 года* (1998). / Подготовка текста, вступительная статья и примечания В. Н. Глазьева. Воронеж: Издательство ВГУ. 208 с.
11. РГАДА. Ф. 350. Оп. 1. Д. 188. Л. 1-201.
12. Петрухинцев, Н. Н. (2018). *«Разрядная» военная реформа Алексея Михайловича и ее влияние в 1658–1660 гг. на южные служилые «города» России (по материалам городов Липецкого края)* // История: факты и символы. № 3 (16) С. 106–129
13. Фурсов С. В. (2018). *Город Добрый и уезд по материалам ландратской переписи 1716 г.* // История: факты и символы. № 4 (17). С. 86–94.

References

1. Glaz'ev, V. N. (2007). *Voronezhskie vovody i ih okruzhenie v XVI—XVII vekah* [Voronezh governors and their entourage in the 16th–17th centuries]. Voronezh: Centr duhovnogo vozrozhdenija Chernozemnogo kraja. 166 p. (in Russian).
2. Glaz'ev, V. N. (2012). *Zaselenie gorodov-krepostej Central'nogo Chernozem'ja v kontekste social'noj politiki rossijskogo pravitel'stva v konce XVI v.* [Settlement of the fortified cities of the Central Black Earth Region in the context of the social policy of the Russian government at the end of the 16th century] in *Stolica i provincija: istorija vzaimootnoshenij: Materialy Shestoj region. nauch. konf.* Voronezh, Izd-vo VGU, 7—11.
3. Zhiron, N. A. (2022). *Social'no-jekonomicheskoe razvitie territorii byvshej Belgorodskoj cherty po materialam «Jekonomicheskikh primechanij» k planam General'nogo mezhevanija Eleckogo uezda Orlovskoj gubernii Voprosy istorii* [Socio-economic development of the territory of the former Belgorod line based on the materials of the "Economic Notes" to the plans of the General survey of the Yelets district of the Oryol province] in *Voprosy istorii*. 9 (1), 76-84.
4. Kamarauli, E. V. (2018). *Formirovanie poselencheskoj struktury v juzhnyh uezdah Rossii v pervoj polovine XVII v. (na primere Voronezhskogo uezda)* [Formation of the settlement structure in the southern districts of Russia in the first half of the 17th century. (on the example of the Voronezh district)] in *Istorija: Fakty i Simvolj*. 3:16, 97-105.
5. Ljapin, D. A. (2022). *Voronezhskaja Landratskaja kniga 1716 g. kak istochnik po istorii regiona Belgorodskoj cherty* [Voronezh Landratskaya book of 1716 as a source on the history of the region of the Belgorod line] in *Problemy social'nyh i gumanitarnyh nauk*. 2: 31, 98-102.
6. Ljapin, D. A. (2021). *Osnovnye povedencheskie modeli naselenija Belgorodskoj cherty v seredine XVII v.* [The main behavioral models of the population of the Belgorod line in the middle of the XVII century] in *Bylye gody*. 16: 2, 452-460.
7. Ljapin, D. A., Zhiron N. A. (2016). *Dinamika chislennosti naselenija Juga Rossii v konce XVI – nachale XVIII vv. (na primere El'ca)* [Dynamics of the population of the South of Russia in the late 16th - early 18th centuries. (on the example of Yelets)] in *Gumanitarnye i juridicheskie issledovanija*. 3, 93-97.

8. Ljapin, D. A., Zhiron, N. A. (2017). *Social'naja organizacija i formy povedencheskih modelej naselenija juzhnorusskogo obshhestva v kontekste urbanizacii Central'no-Chernozjomnogo regiona v konce XVI - nachale XVIII vekov* [Social organization and forms of behavioral models of the population of South Russian society in the context of urbanization of the Central Black Earth region in the late 16th - early 18th centuries] in *Istorija: Fakty i simvoly*, 4, 7-14.

9. Ljapin, D. A., Mel'nikova, A. R. (2021). *Social'nye processy v uezdah, zashhishhennyh Belgorodskoj chertoj, vo vtoroj polovine XVII v. (po materialam Shackogo uezda)* [Social processes in the counties protected by the Belgorod line in the second half of the 17th century. (Based on the materials of the Shatsk district)] in *Belgorodskaja cherta: sbornik statej i materialov po istorii Belgorodskoj oboronitel'noj cherty*, 6. Belgorod, Izd-vo Sichkarevoj E.V., 154-160.

10. *Perepisnaja kniga Voronezhskogo uezda 1646 goda* (1998) [Census book of the Voronezh district of 1646] / Podgotovka teksta, vstupitel'naja stat'ja i primechanija V. N. Glaz'eva. Voronezh, Izdatel'stvo VGU, 208 p.

11. RGADA, f. 350, op. 1, d. 188, 1-201.

12. Petruhincev, N. N. (2018). «Razrjadnaja» voennaja reforma Alekseja Mihajlovicha i ee vlijanie v 1658–1660 gg. na juzhnye sluzhilye «goroda» Rossii (po materialam gorodov Lipeckogo kraja) [] in *Istorija: fakty i simvol*, 3: 16, 106–129

13. Fursov S. V. (2018). Gorod Dobryj i uezd po materialam landratskoj perepisi 1716 g. // *Istorija: fakty i simvoly*. № 4 (17). S. 86–94.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Долгих А. Н.
(Липецк)

УДК 947.071

**КРЕСТЬЯНСКИЙ ВОПРОС В РОССИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ
XIX ВЕКА ГЛАЗАМИ П. П. СЕМЕНОВА-ТЯН-ШАНСКОГО**

Темой настоящей работы является исследование взглядов выдающегося российского исследователя-географа, статистика и активного деятеля крестьянской реформы 1861 г. П. П. Семенова-Тян-Шанского на проблемы крепостного права в дореформенный период. Основным источником для этого являются его мемуары, недавно переизданные. Его взгляды на сей счет выглядят сегодня весьма актуально, имея в виду, что многие современные публицисты и даже историки пытаются представить крепостничество в России как довольно гуманное явление, связанное с правильной организацией сельскохозяйственного труда, обращают особое внимание на помощь помещиков крестьянам в условиях голода и всякого рода стихийных бедствий, а также полагают, что крестьянская поземельная община давала «поселянам» серьезную защиту против помещичьих притязаний в отношении личности крестьян и результатов их труда. Позиция П. П. Семенова-Тян-Шанского в этом смысле является более традиционной: он не скрывает наличие злоупотреблений помещичьим правом, особенно в отношении к дворовым людям, но одновременно стремится показать многообразие подобных отношений в большой России, высказывая задним числом надежду на то, что решение этой вековой проблемы могло быть лишь решением «сверху», оправдывая, таким образом, последовавшую затем крестьянскую реформу 1861 г.

Ключевые слова: крепостное право, владельческие крестьяне, дворовые люди, помещики, российское самодержавие, крестьянская община, крестьянская реформа.

The topic of this work is the study of the views of the outstanding Russian researcher-geographer, statistician and active figure of the Peasant reform of 1861 P. P. Semenov-Tyan-Shansky on the problems of serfdom in the pre-reform period. The main source for this is his memoirs, recently reprinted. His views on this matter look very relevant today, bearing in mind that many modern publicists and even historians are trying to present serfdom in Russia as a rather humane phenomenon associated with the proper organization of agricultural labor, pay special attention to the help of landlords to peasants in conditions of famine and all kinds of natural disasters, and also believe that peasant the land community gave the "settlers" serious protection against landlord claims regarding the identity of the peasants and the results of their labor. The position of P. P. In this sense, Semenov-Tyan-Shansky is more traditional: he does not hide the existence of abuses of landlord rights, especially in relation to domestic people, but at the same time seeks to show the diversity of such relations in greater Russia, expressing the hope in hindsight that the solution to this age-old problem could only be a solution "from above", justifying thus, the subsequent peasant reform of 1861

Keywords: serfdom, proprietorial peasants, household people, landlords, Russian autocracy, peasant community, peasant reform.

DOI: 10.24888/2410-4205-2022-33-4-100-108

Фигура П. П. Семенова-Тян-Шанского (1827-1914) – выдающегося российско-го исследователя-географа, статистика и видного деятеля крестьянской реформы 1861 г. – является с давних времен «принятой» и позитивно подавае-

мой и дореволюционной официальной историографией, и тогдашними либералами, и в советское время, и тем более сегодня, поэтому всякого рода критические замечания в его адрес почти не звучат. Показателен в этом отношении очерк о нем А. А. Алдан-Семенова, изданный в серии «Жизнь замечательных людей» еще в 1965 г., когда работы о подобных деятелях дворянского происхождения, да еще бывших в свое время помещиками и душевладельцами и не являвшихся революционерами (в любом смысле слова), практически не выходили, тем более в подобной серии. «Такие люди, сколько бы они ни жили, умирают слишком рано» [2, с. 297], – так завершался этот очерк-панегирик. Можно, конечно, сделать поправку на то, что в ту пору не наступил еще излет «оттепели», и все же подобное издание не было типично для советской эпохи. Подобные же позитивные оценки характерны и для нынешней историографии, что связывается и с его научными заслугами, и его значительной ролью в деле подготовки крестьянской реформы [7; 15, с. 5-43].

Темой нашего исследования являются взгляды П. П. Семенова-Тян-Шанского на состояние крестьянского вопроса в первой половине XIX в., то есть до времен начала процесса крестьянского освобождения. В качестве основного источника здесь присутствуют его мемуары, писавшиеся уже в начале XX вв. Конечно, в них имела место некая абберация мышления, определенные неточности [15, с. 485]. Однако, с нашей точки зрения, идеи, высказанные в его воспоминаниях, вполне соответствовали тому негативному отношению к крепостному праву, особенно в правовом аспекте, которое у него проявилось и в пору «великих реформ», и, видимо, имелось и в годы его молодости. Эти взгляды интересно проследить на фоне складывания в данную эпоху так называемой «просвещенной бюрократии», которая в определенной степени была опорой и породила и «великие реформы», и стала основой для формирования «золотого» и «серебряного веков» русской культуры, как писал об этом П. В. Акульшин [1]. Вообще говоря, мемуаристы, обращаясь к этой эпохе, те же дворяне, в силу ряда обстоятельств писали часто правду о чужих имениях и «прелестях» крепостничества в них, но также часто приукрашивали положение «дворни» в своих домах или усадьбах и поведение помещиков – их родственников [6, с. 49, 51-52; 10, с. 43-44, 101-103, 159-16]. В этом отношении мемуары П. П. Семенова-Тян-Шанского, с одной стороны, вполне типичны, так как о себе или о своем деде-помещике он писал в мягких красках, но, с другой стороны, старался и не скрывать негативов подобного правления в тогдашней деревне, особенно в отношении дворовых.

Все это выглядит достаточно актуально именно сегодня, особенно имея в виду то обстоятельство, что в нынешней историографии все в большей степени проявляется тенденция к оправданию крепостничества именно в данной его составляющей; высказан тезис о том, что реальные ужасы крепостничества были придуманы сначала А. Н. Радищевым, затем поддержаны В. И. Семевским, либералами и большевиками, а, на самом деле, помещик был для крестьян фактически «отцом родным», а государственная власть только тем и занималась, что, дескать, пресекала возможности не только лишать жизни крестьян, но «даже обижать» их. Налицо возвращение, на деле, как это ни прискорбно, к подобным мыслям апологетов крепостничества рубежа XVIII-XIX вв. (в разной степени) – к идеям М. М. Щербатова, М. М. Филофова, А. С. Шишкова, Ф. В. Ростопчина, И. В. Лопухина, Н. М. Карамзина, О. П. Поздеева, Н. С. Мордвинова, В. Н. Каразина и др., с чем мы согласиться не можем [5; 9, Т. 1, с. 265-266, 278, 296, 300, 303-304, 307-309, 312-313, 316-318; Т. 2, с. 124, 133, 141-142.13].

Однако к числу подобных изысканий относятся и работы серьезных современных историков. Так, Б. Н. Миронов отмечал, что, с одной стороны, крепостничество в России имело всеобщий характер, «охватывало все общество снизу доверху, от крестьянской избы до императорского дворца, оно пронизывало все государственные институты», характеризовалось зависимостью «человека не только от помещика и государства, но и от сословных корпоративно-общинных структур», с чем мы, в принципе, согласны. Однако, с другой стороны, в отношении владельческой деревни он признавал, что «помещичьи крестьяне, в том

числе после первой ревизии, уравнившей их с холопами, не были... бесправны ни юридически, ни фактически... хотя они и признавались до некоторой степени собственностью помещика, это не привело к полной деперсонализации крестьян: они продолжали считаться податным состоянием, платили государственные налоги, несли обязательную воинскую повинность..., имели право обращаться в коронный суд..., могли... жаловаться на своего владельца. Последнее право было ограничено при Екатерине II, в 1767 г., однако лишь в том смысле, что нельзя было жаловаться непосредственно императрице... Убийство крепостного рассматривалось как тяжкое уголовное преступление. Крепостные имели право на защиту от бесчестия... Отношения крестьян и помещика также регулировались законом, который обязывал последнего заботиться о своих крестьянах, не доводить их до разорения, обеспечивать пропитанием в случае неурожая, не злоупотреблять своей властью под страхом конфискации имения или взятия его в опеку». Наконец, «крепостной ... был защищен общиной, членом которой он являлся. Преодолеть сопротивление общины помещикам удавалось редко, и победа никогда не была полной и окончательной» [11, с. 376, 413; 12, с. 25].

Сам же П. П. Семенов-Тянь-Шанский, будучи половиной своей жизни помещиком, несколько иначе относился к данному явлению. Как писал об этом современный автор, уже в ранней юности ему «довелось в родовом имении на практике ознакомиться с "неписаной конституцией" поместного обычного права и со "всеми тем, что было ужасного" в положении крепостных крестьян» [7, с. 486]. Его мемуары испещрены заметками на эту тему. С одной стороны, он воспринимал подобные отношения как данность и пытался обосновать их существование тем, что в свое время поместья с крестьянами давались «дворянству за его службу государству» и при этом же условия, а эти взаимоотношения, возникшие еще до Соборного уложения 1649 г., хотя и не были никак зарегистрированы, но составляли «то обычное право», по которому обе стороны жили веками, а нарушения его со стороны помещиков являлись лишь «злоупотреблениями» им. Нормальные же и типичные взаимоотношения сторон, по его мнению, соответствовали «как потребностям лучших из дворян-помещиков, так и понятиям и интересам крепких земле крестьян», которые после пожалований их деревень дворянам переходили уже под их юрисдикцию при обязанности первых заботиться о «поселянах», обеспечивая их землей примерно в том же объеме, что и барская запашка, в случае же, если земли не хватало, переводя крестьян на оброк или продавая «излишние для него тягла "на своз"» [15, с. 62-67].

В этой связи совершенно необычным для подобных рассуждений о сути крепостного права являлась позиция автора мемуаров о манифесте Павла I 1797 г. (применительно к которому обычным является мнение о спонтанности его издания, недоработанности, хотя и находящемся в русле сложившейся издавна традиции) [9, т. 2, с. 4-13] относительно ограничения барщины, который, по мнению Семенова-Тянь-Шанского, «был составлен, очевидно, с полным знанием существовавшего в дворянских поместьях обычного права. Устанавливая впервые письменно... принцип равенства в размере между пахотными землями крестьянских наделов и барскими запашками, он утверждал в дворянских поместьях те же поземельные и повинностные отношения какие признаваемы были нашими дедами, и был направлен не против них, а против злоупотреблений, возникших в конце XVIII в. между некоторыми помещиками, которые, в противность обычному праву, увеличив свои запашки свыше крестьянских, вынуждены были требовать от крестьян более, чем трехдневной барщины. При соблюдении же закона и обычного права крестьянин являлся обязательным работником своего помещика только три дня в неделю, а в остальное время был свободен для своих земледельческих занятий». Правда, в ряде случаев все же случались злоупотребления, заключавшиеся в том, что в страдную пору «помещики не назначали заранее дней барщины на целую неделю вперед» (а значит, такой порядок реально существовал), «а выбирали для нее лучшие дни, то есть наиболее пригодные для полевых работ, а худшие, в которые по ненастью трудно было работать, засчитывали в крестьянские дни». Что же касалось зимних месяцев, то помещики посылали в тот период крестьян зарабатывать оброки и продавать их

зерно в городах, что «давало крестьянам почти единственные при крепостном праве денежные заработки», естественно, уже не контролируя ситуацию с тремя днями обязательной барщины, при этом крестьянки занимались в эти обязательные дни прядением льняной пряжи, вязаньем и др. [15, с. 63-64].

Продолжая общий обзор традиционных крепостнических отношений в российской деревне, автор мемуаров отмечал все же, что именно при осуществлении барщинной работы помещики прошлого «чувствовали себя вооруженными ничем не ограниченным правом дисциплинарных взысканий, осуществлявшихся ими со строгостью тогдашней военной дисциплины», что выражалось нередко «в кулачных расправах и телесных наказаниях», большая или меньшая их «суровость» зависела уже от индивидуальных свойств помещика. Однако, по его мнению, хозяева имений прибегали к ним «не часто», так как «опытные в полевых работах крестьяне не могли и не смели при непрерывном наблюдении самих помещиков исполнять их неисправно» [15, с. 64]. С другой стороны, традиция велела помещикам поддерживать разными способами их крестьян в годы неурожая, при пожарах, падеже скота и др., кормить их, что было реально только для лучших землевладельцев, не столь алчных в отношении собственных крестьян, в противном случае крестьяне их «шли по миру» и погибали от последствий голода – отсюда малый «численный прирост населения у крестьян дворянских поместий», в отличие от крестьян государственных имений [15, с. 65].

Наконец, помещик в прежние времена не вмешивался практически в домашние дела его крестьян, не имея «ни времени, ни охоты» этим заниматься. Это касалось и имущественных, и личных отношений его «подданных». Подобные дела разрешались, в основном, «судом стариков» («верных носителей того обычного права, которое народ выработал веками под влиянием различных... условий»), а помещики лишь изредка их утверждали, например, при семейных разделах. С другой же стороны, эти же традиционные отношения в деревне «не попадали в письменные кодексы, которые писались господами для господ же и совсем не касались крестьянской жизни, отгороженной непроницаемой стеною крепостного права от государственной и даже почти от всякой судебной власти». Поэтому, с точки зрения мемуариста, крепостное право не носило «характера невольничества» и не казалось «поселянам» таковым. (Кстати, близкой к нему позиции по данному вопросу придерживался и его младший брат – Н. П. Семенов, считавший, что «внутренняя жизнь общины и при крепостном праве развивалась и текла самостоятельно и свободно»).

Однако, когда помещики нарушали эти сложившиеся издавна порядки, увеличивая барщину, усиливая взыскания, имевшие иногда «характер истязаний» (что сегодня нередко игнорируется многими исследователями и публицистами), заменяя их элементарным произволом, когда крестьяне убеждались, что у них не было никакого иного выхода, а жалобы их в любые инстанции игнорировались, как правило, дело разрешалось «общественною катастрофой, принимавшею одну из трех форм: или общественного самоуправства, или вооруженного... бунта, или, что было всего чаще, тайного убийства помещика...» Подобные явления чаще всего, по мнению мемуариста, происходили «из обычного права помещика брать в свой двор в личную свою службу, временную или постоянную, отдельных членов крестьянской семьи», которую он именовал своеобразной «рекрутской повинностью» помещику, казавшуюся «поселянам» «весьма тяжелою, так как она вырывала из состава их семьи иногда даже лиц, обеспечивающих ее жизнь и существование». Особенно тяжелым, с точки зрения крестьян, было взятие помещиком на роль наложницы «молодой замужней крестьянки», что подрывало основу существования семьи, так как ее муж теперь не мог вступить в новый брак со всеми вытекающими отсюда последствиями. Судя по всему, гибель прадеда и прапрадеда мемуариста были связаны с такими же и им подобными обстоятельствами, – так, по-видимому, думал на сей счет П. П. Семенов-Тян-Шанский [14, с. 60-61; 15, с. 66-68].

Отдельно он рассматривал здесь ситуацию взаимоотношений помещиков с дворовыми людьми. Они, по его мнению, «были крепки уже не земле, которою не пользовались, а самому помещику, и состояли по отношению к нему в личной кабале»; при этом право хозяев поместий распоряжаться их трудом «и налагать на них дисциплинарные взыскания ничем не ограничивалось, и никаких по отношению к ним обязанностей помещики не имели, кроме бесконтрольной, впрочем, обязанности их прокормления и содержания», чем помещики тяготились, а в случаях отсутствия съестных припасов в голодные годы распускали их «по паспортам на собственное прокормление» даже без выплаты оброка (как это было, по словам мемуариста, например, в Смуту начала XVII в.). При этом возвращение дворовых, которые стоили «недешево» помещикам, в крестьянство было, как правило, невозможным, так как они быстро отвыкали от тяжелой крестьянской работы и не становились уже исправными «поселянами»-земледельцами; тогда помещики прибегали к запретам браков между дворовыми, чтобы не увеличивать их числа. Именно в отношении этой категории владельческой деревни отношения двух сторон приобретали крайний характер. По словам мемуариста, ежедневные отношения помещиков к людям бесправным, неограниченно им подчиненным и не имевшим даже права жалобы на самые невыносимые и самые ужасные притеснения, страшно деморализовали не только целые поколения дворовых, но и самих помещиков и поддерживали в них ничем не обузданные страсти. Грубый, жестокий произвол, ежедневная кулачная расправа, тяжкие телесные наказания по отношению к мужской прислуге, а по отношению к женской – обращение ее «девичьих» в гаремы, ненависть барынь к фавориткам своих мужей и жестокие до истязания наказания формально провинившихся – были настолько нередким и привычным явлением в помещичьих усадьбах, что даже не возбуждали особого негодования дворовых, которые «прибегали к последнему отчаянному средству – убийству помещиков или помещиц – только тогда, когда положение их делалось действительно безвыходным» [3, с. 217, 225-227; 4, с. 223-224; 15, с. 68-71].

Мнение человека, видевшего все это и знавшего всю подноготную крепостного права (фактического «рабства», как именовали его сторонники крестьянской эмансипации) [8; 16, с. 259-298], нельзя не учитывать при анализе реального положения вещей в дореформенной России. Чего только стоит его рассказ об известном изверге – помещике Карцове, заживо сварившем в павловское правление в котлах своих крепостных, задумавших заговор против него из-за всякого рода издевательств, дело о котором так и не было завершено вследствие взяток должностным лицам; о гаремах для гостей, организованных неким предводителем дворянства перед самой реформой [15, с. 144-145, 234].

Достоверность его словам придают и воспоминания о своем деде-помещике. При этом он пишет о том, что последний снискал «своей высокой честностью и справедливостью уважение» в том числе и подвластных ему крестьян. В записках Семенова-Тян-Шанского он в данном контексте подан в роли «родного отца» для подвластных ему крестьян (причем, используя здесь выражение самих «поселян»). Отмечено также, что «в то время от сельского хозяина не требовалось никаких теоретических познаний» в агрономической сфере; они должны были быть «хорошими администраторами, непосредственно руководящими работами своих крепостных на свою и их пользу» (очень характерное в своей простоте наблюдение!), при этом они должны также быть ко всем подопечным «справедливыми» в своих требованиях и одновременно «заботливо ограждающими их от случайных и стихийных бедствий». В силу указанных причин этой должности лучше соответствовали, по мнению мемуариста, «люди военные», привыкшие командовать «строевыми и хозяйственными частями», или флотские офицеры, имевшие «целый цикл научных познаний».

Особенное внимание этот «справный» хозяин уделял тому, чтобы барская запашка равнялась по числу десятин крестьянской, при этом следуя смыслу «высокогуманного», по мнению Семенова-Тян-Шанского, вышеупомянутого павловского «закона о трехдневной барщине» 1797 г. (он так его именовал), как его понимал, видимо, сам изображенный в записках помещик. Автор мемуаров отмечал, что «при ежедневном наряде на работы дед...

соблюдал строгую справедливость в распределении дней между барщиною и крестьянскими рабочими днями, неусыпно заботясь о том, чтобы в страдную пору крестьяне успевали вовремя справиться одинаково и с барщиною, и с уборкою своего хлеба»; при этом к «неизбежным, по тогдашним понятиям, телесным наказаниям дед... прибегал редко, да и не имел повода, так как крестьяне при постоянном его наблюдении за полевыми работами привыкли исполнять их исправно». Особенно его крестьяне ценили за то, что в годы неурожаев (случившихся примерно раз в 7 лет) или разного рода бедствий «весь ущерб пополнялся им непосредственно и немедленно», не допуская их нищенства и «употребления» ими в голодные годы «того ужасного черного плотного землистого на вид хлеба, который приготавливался из лебеды с примесью желудей, коры, мякины и даже чернозема...»

Показательно также, что, по словам автора записок, его дед «во внутреннюю жизнь своих крестьян... мало вмешивался», не позволяя себе, как «многие соседние помещики, принудительных браков, производимых ими по необузданному произволу, а иногда даже в виде насмешки, глумления или забавы». Вообще всякого рода крестьянские споры он предоставлял сельскому сходу и «суду стариков». Тем не менее, и в этом автор мемуаров не старался приукрасить крестьянскую жизнь; они «жили тесно и грязно в своих курных избах, не имевших дымовых труб». Еще в худшем положении были дворовые (позднее их было около 60 душ обоего пола), не имевшие никакой собственности, по ночам спавшие «на полу и без всяких кроватей», хотя «прокормление их... было всегда хорошо обеспечено». Тем не менее автор мемуаров с гордостью отмечал, что за 30 лет управления его дедом имения Рязанка количество крестьян в нем «значительно увеличилось», хотя «вообще крепостное население» в России, по его словам, «почти не прирастало... до эпохи» их освобождения [15, с. 58-62, 71].

Наконец, он приводил в своих воспоминаниях и сведения о собственном опыте хозяйствования в с. Петровка Тамбовской губернии с 1847 г., причем постепенно проникаясь «убеждением в несостоятельности существующего порядка и в том деморализующем влиянии, какое он имеет не только на крепостных..., но и на самих помещиков». Тяжело было смотреть, по его словам, на то, «что даже люди образованные, добрые, под влиянием крепостного права становились нередко жестокими и даже бесчеловечными, и что злоупотребление крепостным правом... проявлялось на каждом шагу под влиянием ничем не сдерживаемых личных интересов или страстей. Сколько раз мне приходилось наблюдать, как по вечерам к помещикам являлись бурмистры и старосты их селений и некоторые из крестьян, призванные для объяснений, и как помещик производил в своем кабинете суд и расправу над крепостными. Самой легкою для виновных была кулачная расправа в самом кабинете... Гораздо тяжелее были телесные наказания через посредство дворовых людей, которые от ежедневного и даже ежечасного соприкосновения с крепостными порядками становились самыми зверскими и безнравственными из крестьян». Эти идеи он неоднократно повторял в своих записках.

Автор мемуаров обращал внимание на то обстоятельство, что «все злоупотребления со стороны помещиков... совершались открыто и не возбуждали никакого негодования и протеста со стороны того меньшинства помещиков, которые сами действовали безукоризненно, а втихомолку и действительно принимали отеческие заботы о благосостоянии крепостных людей». Данное заключение Семенова-Тян-Шанского убедительно показывает, насколько мало влияния имела крестьянская община в подобных случаях, как действовал помещик и в отношении ее руководителей, а также сколь мизерным было влияние на сельских хозяев и общественного мнения (как писала в записках о той эпохе Е. Н. Водовозова, «почтенные гости» в те годы внимали «с веселием детской души» историю о том, как некий помещик «за проступок одного крестьянина выдрал всех мужиков и баб... от старика деда до пятилетней внучки», рассматривая его действия как подвиги «древних героев») и законодательства относительно ограничения помещичьих прав в отношении «крещеной собственности» [6, с. 60; 15, с. 197-198, 232-234].

В заключение отметим, что подобный собственный опыт владения крепостными душами приводил, судя по мемуарам, Семенова-Тян-Шанского к выводу о том, что «в глазах сельских хозяев... расправы и вообще телесные наказания были неотъемлемой принадлежностью обязательного крепостного труда – барщины», а сам автор воспоминаний (и в этом мы ему верим) убеждался в том, что «улучшить быт крестьян невозможно иначе, как при полной отмене барщины, а следовательно, при освобождении крестьян от крепостной зависимости; это же могло бы произойти, с его слов, не иначе, как, по выражению А.С. Пушкина, – "по манию царя..."», при этом обращая особое внимание на то обстоятельство, что даже в начале 1850-х гг., по его мнению, «никакого сознания в необходимости отмены крепостного права в поместном дворянстве... почти еще не было» [4, с. 222-223; 15, с. 199, 235].

Список источников и литературы

1. Акульшин, П. В. (2002). *П. П. Семенов-Тян-Шанский и формирование «просвещенной бюрократии» середины XIX в.* // История и развитие идей П. П. Семенова-Тян-Шанского в современной науке и практике школьного образования (Материалы Всероссийской научно-практической конференции). Т. 1. Липецк: РИЦ ЛГПУ. С. 12-13.
2. Алдан-Семенов, А. А. (1965). *Семенов-Тян-Шанский*. Москва: Молодая гвардия. 304 с.
3. Беловинский, Л. В. (2002). *Изба и хоромы. Из истории русской повседневности*. Москва: ИПО Профиздат. 352 с.
4. Беловинский, Л. В. (2016). *Культура русской повседневности: Учебное пособие*. Москва: Академический проект. 716 с.
5. Вахитов, Р. *Крепостное право в России: миф и реальность*. URL: <https://fishki.net/anti/1700973-krepostnoe-pravo-v-rossii-mif-i-realnost.html>.
6. Водовозова, Е. Н. (1987). *На заре жизни: в 2 т. Т. 1 /вступ. ст., подг. текста и коммент. Э. С. Виленской*. Москва: Художественная литература. 511 с.
7. Гловели, Г. Д. (2005). *Семенов-Тян-Шанский Петр Петрович* // Общественная мысль России XVIII – начала XX века: Энциклопедия. Москва: Издательство «Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН)». С. 486-487.
8. Долгих, А. Н. (2015). *Об использовании понятий «рабство» и «свобода» в отношении владельческих крестьян России первой четверти XIX в.* // Государственная власть и крестьянство в XIX – начале XXI в.: сборник статей / отв. ред. А. И. Шевельков. Коломна : Государственный социально-гуманитарный университет. С. 14-18.
9. Долгих, А. Н. (2018). *«Увижу ль о друзья, народ неугнетенный...»: российское дворянство и крестьянский вопрос в XVIII – первой четверти XIX в. Историкографические очерки: в 2 т.* Липецк : ЛГПУ им. П. П. Семенова-Тян-Шанского. Т. 1. 354 с.; Т. 2. 358 с.
10. Каменская, М. Ф. (1991). *Воспоминания / Подг. текста, сост., вступ. ст. и коммент. В. Боковой*. Москва: Художественная литература, 1991. 383 с.
11. Миронов, Б. Н. (1999). *Социальная история России (XVIII – начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: в 2 т. Т. 1.* Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 1999. 548 с.
12. Петрухинцев, Н. Н. (2004). *Причины закрепощения крестьян в России в конце XVI в.* // Вопросы истории. № 7. С. 23-40.
13. Савельев, А. *Выдумки о «темном царстве крепостничества»*. URL: <https://www.russdom.ru/node/3671> (дата обращения: 21.03.2022).
14. Семенов, Н. П. (1994). *Быт крестьян до обнаружения Положения 19 февраля 1861 года* // Конец крепостничества в России (документы, письма, мемуары, статьи) / Сост., общ. ред., вступ. ст. и коммент. В. А. Федорова. Москва: Издательство МГУ. С. 58-61.
15. Семенов-Тян-Шанский, П. П. (2019). *Мемуары: в 5 т. Т. 1. Детство и юность. 1827-1855 /вступ. ст. и коммент. А. А. Богданова и М. А. Семенова-Тян-Шанского*. Москва:

Издательство «Кучково поле». 560 с.

16. Тимофеев, Д. В. (2011). *Европейские идеи в социально-политическом лексиконе образованного российского подданного первой четверти XIX века*. Челябинск: Энциклопедия. 456 с.

References

1. Akul'shin, P. V. (2002). *P. P. Semenov-Tyan-Shanskij i formirovanie «prosveshchennoj byurokratii» serediny XIX v.* [Semenov-Tyan-Shansky and the formation of the "enlightened bureaucracy" of the middle of the XIX century] in *Istoriya i razvitie idej P. P. Semenova-Tyan-Shanskogo v sovremennoj nauke i praktike shkol'nogo obrazovaniya (Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii)*. Vol. 1. Lipetsk, RIC LGPU, 12-13. (in Russian).

2. Aldan-Semenov, A. A. (1965). *Semenov-Tyan-Shanskij* [Semenov-Tyan-Shansky]. Moscow, Molodaya gvardiya. (in Russian).

3. Belovinskij, L. V. (2002). *Izba i horomy. Iz istorii russkoj povsednevnosti* [Izba and mansions. From the history of Russian everyday life]. Moscow, IPO Profizdat. (in Russian).

4. Belovinskij, L. V. (2016). *Kul'tura russkoj povsednevnosti: Uchebnoe posobie* [Culture of Russian everyday life: Textbook]. Moscow, Akademicheskij proekt. (in Russian).

5. Vahitov, R. *Krepostnoe pravo v Rossii: mif i real'nost'* [Serfdom in Russia: myth and reality]. URL: <https://fishki.net/anti/1700973-krepostnoe-pravo-v-rossii-mif-i-realnost.html>. (in Russian).

6. Vodovozova, E. N. (1987). *Na zare zhizni: v 2 t. T. 1, vstup. st., podg. teksta i komment. E. S. Vilenskoj* [At the dawn of life: in 2 vols. Vol. 1, introductory article, subg. text and commentary. E. S. Vilenskaya]. Moscow, Hudozhestvennaya literatura. (in Russian).

7. Gloveli, G. D. (2005). *Semenov-Tyan-SHanskij Petr Petrovich* [Semenov-Tyan-Shansky Pyotr Petrovich] in [Public thought of Russia of the XVIII – early XX century: Encyclopedia]. Moscow, Izdatelstvo Rossijskaya Politicheskaya-ehnciclopediya (Rosspehn), 486-487. (in Russian).

8. Dolgikh, A. N. (2015). *Ob ispol'zovanii ponyatij «rabstvo» i «svoboda» v otnoshenii vladel'cheskih krest'yan Rossii pervoj chetverti XIX v.* [On the use of the concepts of "slavery" and "freedom" in relation to the proprietorial peasants of Russia in the first quarter of the XIX cent] in *Gosudarstvennaya vlast' i krest'yanstvo v XIX – nachale XXI v.: sbornik statej / otv. red. A. I. Shevel'kov*. Kolomna, Gosudarstvennyj Socialno-gumanitarnyj universitet, 14-18. (in Russian).

9. Dolgikh, A. N. (2018). *«Uvizhu l' o druž'ya, narod neugnetennyj...»: rossijskoe dvo-ryanstvo i krest'yanskij vopros v XVIII – pervoj chetverti XIX v. Istoriograficheskie ocherki: v 2 t.* [«I will see about friends, the people are not oppressed...»: the Russian nobility and the peasant question in the XVIII – first quarter of the XIX century. Historiographical essays: in 2 vols.]. Lipetsk, LGPU im. P. P. Semenova-Tyan-Shanskogo. (in Russian).

10. Kamenskaya, M. F. (1991). *Vospominaniya / Podg. teksta, sost., vstup. st. i komment. V. Bokovoj* [Memoirs / Subg. of the text, comp., intro. art. and comment. V. Bokova]. Moscow, Hudozhestvennaya-literatura. (in Russian).

11. Mironov, B. N. (1999). *Social'naya istoriya Rossii (XVIII – nachalo XX v.). Genezis lichnosti, demokraticeskoy sem'i, grazhdanskogo obshchestva i pravovogo gosudarstva: v 2 t. T. 1.* [Social History of Russia (XVIII – early XX century). Genesis of personality, democratic family, civil society and the rule of law: in 2 vols. Vol. 1]. St. Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ. (in Russian).

12. Petruhincev, N. N. (2004). *Prichiny zakreposhcheniya krest'yan v Rossii v konce XVI v.* [The reasons for the enslavement of peasants in Russia at the end of the XVI century] in *Voprosy istorii*, 7, 23-40. (in Russian).

13. Savel'ev, A. *Vydumki o «temnom carstve krepostnichestva»* [Fictions about the «dark kingdom of serfdom»]. URL: <https://www.russdom.ru/node/3671> (date accessed: 21.03.2022). (in Russian).

14. Semenov, N. P. (1994). *Byt krest'yan do obnarodovaniya Polozheniya 19 fevralya 1861 goda* [The life of peasants before the promulgation of the Regulations on February 19, 1861] in *Konec krepostnichestva v Rossii (dokumenty, pis'ma, memuary, stat'i)*. Sost., obshch. red., vstup. st. i komment. V. A. Fedorova. Moscow, Izdatelstvo MGU, 58-61. (in Russian).

15. Semenov-Tyan-SHanskij, P. P. (2019). *Memuary: v 5 t. T. 1. Detstvo i yunost'. 1827-1855 / vstup. st. i komment. A. A. Bogdanova i M. A. Semenova-Tyan-SHanskogo*. [Memoirs: in 5 vols. Vol. 1. Childhood and youth. 1827-1855 / introduction and commentary by A. A. Bogdanov and M. A. Semenov-Tyan-Shansky]. Moscow, Kuchkovo pole Publ. (in Russian).

16. Timofeev, D. V. (2011). *Evropejskie idei v social'no-politicheskom leksikone obrazovannogo rossijskogo poddannogo pervoj chetverti XIX veka* [European ideas in the socio-political lexicon of an educated Russian citizen of the first quarter of the XIX century]. Chelyabinsk, Encyclopedia. (in Russian).

Мухина М. В.
(Калуга)

УДК 930

ВЫБОРЫ ВО ВСЕРОССИЙСКОЕ УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ В КАЛУЖСКОЙ ГУБЕРНИИ (ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

В статье приведены основные исторические источники, выявленные с целью изучения подготовки и проведения выборов во Всероссийское Учредительное собрание в Калужской губернии. Несмотря на имеющееся обширное количество исследований, в большей их части проводятся интересы и идеи Российской социал-демократической партии (большевики). Проблемы проведения первого всероссийского голосования в регионах освещены не достаточно. Только с 1990-х гг. можно говорить о появлении многообразия поднимаемых исследователями проблем, связанных с выборами в Учредительное собрание. Автором выделены следующие группы источников общероссийского и регионального характера: законодательные материалы, делопроизводственная документация центральных и местных органов, ответственных за подготовку и проведение выборов, сборники документов политических партий и общественных организаций, публицистические работы представителей политических партий, источники личного происхождения, периодическая печать. Особого внимания заслуживает одно из дел фонда Ф-1128 Государственного архива Калужской области «Протоколы Мещовской уездной по выборам в Учредительное собрание комиссии», так как является единственным выявленным на данный момент источником, содержащим подробный отчет о проведении выборов в уезде. Автор полагает, что в связи с фрагментарностью региональных источников, отсутствием специально сформированных групп документов в областных архивах лишь комплексное изучение региональных и общероссийских источников позволит детально изучить процесс подготовки и проведения выборов во Всероссийское Учредительное собрание в отдельном избирательном округе. Необходимым условием дальнейшего исследования избирательного процесса в Калужском избирательном округе является расширение источниковой базы за счет материалов архивов, соседних с Калужской губерний, работа по выявлению источников личного происхождения.

Ключевые слова: Всероссийское Учредительное собрание, исторические источники, проведение выборов, Временное правительство, Калужская губерния.

DOI: 10.24888/2410-4205-2022-33-4-109-117

The article contains the main historical sources identified in order to study the preparation and conduct of elections to the All-Russian Constituent Assembly in the Kaluga province. Despite the extensive amount of research available, most of them are conducted by the interests and ideas of the Russian Social Democratic Party (Bolsheviks). The problems of holding the first all-Russian vote in the regions are not covered enough. Only since the 1990s. we can talk about the emergence of a variety of problems raised by researchers related to elections to the Constituent Assembly.

The author identified the following groups of sources of an all-Russian and regional nature: legislative materials, office documentation of central and local bodies responsible for the preparation and conduct of elections, collections of documents of political parties and public organizations, journalistic works of representatives of political parties, sources of personal origin, periodical printing. One of the cases of the fund of the F-1128 State Archive of the Kaluga Region "Protocols of the Meshchovskaya District for Elections to the Constituent Assembly of the Commission" deserves special attention, since it is the only source identified at the moment containing a detailed report on the conduct of elections in the county.

The author believes that due to the fragmentation of regional sources, the absence of specially formed groups of documents in regional archives, only a comprehensive study of regional

and all-Russian sources will allow us to study in detail the process of preparing and holding elections to the All-Russian Constituent Assembly in a separate constituency. A necessary condition for further research of the electoral process in the Kaluga constituency is the expansion of the source base through the materials of archives neighboring the Kaluga provinces, work to identify sources of personal origin.

Keywords: All-Russian Constituent Assembly, historical sources, election holding, Provisional government, Kaluga province.

Тема выборов и работы Всероссийского Учредительного собрания привлекала интерес исследователей разных исторических периодов. В советское время внимание историков по большей части было сконцентрировано на деятельности партии большевиков, что и определяло круг исторических источников: делопроизводственная документация партии, воспоминания и публицистические работы ее лидеров, статистические сведения [10; 30]. С 1990-х гг. спектр исследований значительно увеличился, в научный оборот были введены новые источники [9; 23; 33]. Особое место среди них занимают материалы региональных избирательных комиссий, материалы провинциальной печати, партийная документация местных отделений политических партий, так как выборы в Учредительное собрание впервые позволяли жителям регионов решить, по какому пути пойдет государство.

В данной статье приведены исторические источники, которые были выявлены с целью изучения проблемы подготовки и проведения выборов во Всероссийское Учредительное собрание в Калужской губернии, которая образовывала Калужский избирательный округ. Можно выделить следующие источники: сборники документов центральных и местных органов власти, общественных организаций, политических партий; неопубликованные материалы делопроизводства Всероссийской по делам о выборах в Учредительное собрание комиссии, региональных избирательных комиссий, публицистика, источники личного происхождения, периодическая печать.

К законодательным документам центральных органов власти относится «Положение о выборах в Учредительное собрание», впервые опубликованное Временным правительством. В основу этого документа лег новый избирательный закон, который отвечал интересам различных категорий населения государства. В первом разделе «Положения...» перечислены избирательные округа¹, а также спектр обязанностей каждого звена избирательной системы от Всероссийской по делам о выборах в Учредительное собрание комиссии до участковой. Подробные указания о подготовительных мероприятиях, процедуре выборов, подсчете голосов. В одной из глав раздела выделены действия со стороны должностных лиц, избирателей, политиков, которые могут быть отнесены к нарушениям и соответствующие им действия организаторов выборов. Второй раздел посвящён особенностям выборов в отдаленных губерниях, на национальных окраинах, на которых не распространялись общие правила формирования избирательных округов. Третий раздел посвящён порядку выборов в армии и флоте. Стоит отметить, что «Положение...» и необходимые разъяснения массово публиковались в газетах, журналах, отдельных брошюрах. Отдельно стоит выделить издание, подготовленное членами Особого совещания по изготовлению положения о выборах во Всероссийское Учредительное собрание, видными юристами Я. М. Магазинером и Э. Э. Понтовичем. В нем размещены необходимые организаторам выборов объяснения и комментарии [22].

¹ Избирательный закон предполагал образование 73 гражданских избирательных округов, которые были подотчетны Всероссийской по делам о выборах в Учредительное собрание комиссии. За избирательный округ принималась губерния.

Главным органом, отвечающим за проведение выборов, была Всероссийская по делам о выборах в Учредительное собрание комиссия (Всевыборы). Постановления Всероссийской комиссии представлены в фонде Ф-1338 Государственного архива Калужской области (ГАКО): «Калужская городская по выборам в Учредительное собрание комиссия». Особый интерес представляют материалы, которые хранятся в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ). Так, в фонде Ф.1810 «Всероссийская по делам о выборах в Учредительное собрание комиссия» представлена деловая переписка Всевыборов с Калужской окружной по делам о выборах в Учредительное собрание комиссией, где председатель Окружной комиссии отчитывается о процессе подготовки к выборам, обращается за разъяснениями тех или иных вопросов к председателю Всероссийской комиссии Н. Н. ву¹[7]. Материалы предвыборной работы отражены в таких фондах ГАКО, как Ф-1338 «Калужская городская по выборам в Учредительное собрание комиссия», Ф-925 «Малоярославская уездная по делам о выборах в Учредительное собрание комиссия», Ф-1128 «Мещовская уездная по делам о выборах в Учредительное собрание комиссия» [6]. В делах фондов хранятся протоколы комиссий, ходатайства граждан в их адрес, списки избирателей и кандидатов. В протоколах содержится информация о месте и времени проведения заседаний комиссии, присутствующих членах и приглашенных представителях органов власти и общественных организаций, а так же указываются проблемы, поставленные на рассмотрение, кратких ход обсуждений и резолюция. По этим материалам можно проследить, как шла подготовка к выборам, и финансировались комиссии, какие жалобы поступали от граждан. Кроме того, в фонде Ф-1128 Государственного архива Калужской области представлены материалы заседаний Мещовской уездной по выборам в Учредительное собрание комиссии и подробные результаты голосования по уезду. Одно из дел фонда – дело 4 «Протоколы Мещовской уездной по выборам в Учредительное собрание комиссии» представляет особый интерес, так как является единственным содержащим делопроизводственные материалы участковых комиссий по Калужскому избирательному округу. Архивное дело состоит из двух документов, один из которых обозначен как черновик и представляет собой рукописный текст с некоторыми исправлениями, второй обозначен как копия и является машинописным текстом. Содержание обоих документов практически идентично. В документах в свободной форме приведены результаты голосования по всем участкам Мещовского уезда, отражены нарушения со стороны избирателей и организаторов выборов.

Следующей группой источников являются документы политических партий исследуемого периода, опубликованные в серии изданий «Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века. Документальное наследие»[18; 20; 25; 31; 32]. От Калужской губернии избирательные списки выдвинули следующие партии: партия народной свободы (конституционно-демократическая), трудовая народно-социалистическая партия, партия социалистов-революционеров (эсеры), Российская социал-демократическая рабочая партия (меньшевиков), Российская социал-демократическая рабочая партия (большевиков). К партийному делопроизводству относились протоколы заседаний ЦК и съездов, стенограммы заседаний ЦК, доклады лидеров партии, резолюции по текущим вопросам. Стоит отметить, что в указанной группе большой интерес представляют стенографические отчеты, так как именно в них в полной мере отражено отношение членов партии к той или иной проблеме. Материалы съездов партии позволяют выявить проблемы, существующие в партийных организациях на местах, выяснить, какие меры по их решению предпринимал центральный комитет.

Отдельно стоит выделить сборники документов РСДРП(б) [21]. Помимо указанных видов документации, они содержат варианты агитационных листовок партии, результаты

¹ Авинов Николай Николаевич (1881-1937) – представитель конституционно-демократической партии, председатель Всероссийской по делам о выборах в Учредительное собрание комиссии.

опросов местных отделений партии. Так, составленный по случаю съезда партии опросный лист, позволил получить информацию о точной численности, агитационной работе, проблемах Калужской организации РСДРП(б) к августу 1917 г. Большую ценность имеет переписка секретариата ЦК партии с местными отделениями, в которой представлены распоряжения центрального комитета, отчеты и прошения региональных отделений партии. Эти данные позволяют выделить основные проблемы и задачи, стоявшие перед местными партийными организациями.

Широкий круг источников, имеющих большую ценность для региональных исследований, представлен в сборнике «Общество и революция. Калужская губерния в 1917 году», где в хронологическом порядке расположены документы местных органов власти, общественного самоуправления, отделений политических партий [19]. В адрес Общественного исполнительного комитета, осуществлявшего власть в губернии с марта по ноябрь 1917 г., поступали отчеты о текущих событиях, в которых всегда отражался ряд вопросов: продовольственное положение, политические настроения рабочих и крестьян, правонарушения. Стоит отметить, что ряд городов и уездов не представлял отчеты или это происходило с большим опозданием. Сам губернский комиссар Временного правительства ежемесячно направлял телеграмму министру внутренних дел, где подробно делал отчет о положении дел на вверенной ему территории. В документе отражалось общее социально-экономическое и политическое состояние губернии, приводились случаи отдельных нарушений порядка в уездах и городах. Губернский комиссар Временного правительства в адрес населения и отдельных учреждений издавал приказы, воззвания, постановления, обращения. Изучение приведенных видов документов позволяет выявить проблемы, с которыми сталкивалась региональная власть и пути их решения.

В сборнике «Общество и революция» расположена документация, издаваемая Советами, эта группа представлена, главным образом, воззваниями, призывами и резолюциями. В воззваниях представители рабочих, крестьянских, солдатских объединений выступали с обращениями, схожими с политической агитацией. Главной задачей Советов была подготовка населения к выборам во Всероссийское Учредительное собрание, разъяснение политических программ партий. Большую ценность имеют опубликованные в сборнике статистические данные по результатам выборов городских гласных и выборов в Учредительное собрание. Эти материалы позволяют выявить, какие партии были популярны в различных местностях, как менялись симпатии населения, какой была политическая активность граждан в городах и уездах.

Интерес представляет публицистические работы, появившиеся как в период подготовки к выборам, так и после роспуска Учредительного собрания. К этой группе относятся издания, созданные для ознакомления населения с основными положениями избирательного закона, программами политических партий. Стоит отметить, что большая часть изданий была разработана лидерами различных политических сил с целью пропаганды своих партийных интересов [1; 2; 12]. Так же в эту группу можно отнести работы членов политических партий, появившиеся после роспуска Учредительного собрания, в которых авторы анализируют причины своих побед и поражений на разных этапах избирательного процесса. Отдельно стоит выделить работы лидера РСДРП(б) В. И. Ленина, появившиеся после оглашения результатов выборов в Учредительное собрание. В них предложена тактика действия партии в сложившихся обстоятельствах, детально проанализированы итоги голосования. Лениным был сделан вывод, что фактическую победу на выборах одержала РСДРП(б), так как голоса за нее были отданы в промышленных центрах, а голоса более политически подкованных горожан не могут быть равны волеизъявлению жителей деревни [16, с. 501].

Следующий комплекс источников составляют материалы личного происхождения – мемуары и дневники. Несмотря на особенности данного вида источников, а именно: крайнюю субъективность и эмоциональность, они позволяют более подробно воспроизвести детали событий, сопоставить взгляды представителей различных общественных групп на

происходящее. Стоит отметить, что большая часть мемуаров, где отражена история выборов, издана политиками и общественными деятелями в эмиграции, к примеру, воспоминания членов партии народной свободы М. В. Вишняка, П. Д. Долгорукова, эсера Б. Ф. Соколова [4; 8; 29]. Особый интерес для региональных исследований представляют воспоминания политиков о проведении выборов во Всероссийское Учредительное собрание в провинции. Так, представитель партии РСДРП(б) М. И. Мартынов оставил воспоминания о своей партийной работе в Козельском уезде Калужской губернии, куда прибыл после Октября и занялся предвыборной агитацией [17].

Важным источником для анализа избирательного процесса является центральная и губернская периодическая печать. С 6 сентября по 15 ноября 1917 г. в Петрограде издавалась информационная газета «Известия Всероссийской по делам о выборах в Учредительное собрание комиссии» [11]. В ней публиковались постановления Временного правительства, касающиеся подготовки к выборам в Учредительное собрание, отчеты о проведении предвыборной работы из разных регионов страны.

Особое место занимает периодика, издаваемая в Калуге, так как на страницах изданий велась агитационная работа партий, размещались сообщения о проводимых мероприятиях, печатались теоретические статьи партийных лидеров местного уровня. Так, в газете «Голос Калуги», выходившей ежедневно, печатались отчеты о работе Общественного исполнительного комитета, помещались сообщения о собраниях калужских отделений политических партий. В 1917 г. определилось политическое лицо «Голоса Калуги» - полная поддержка Временного правительства, доведение войны до «победного конца» [5]. Газета издавалась в меньшевистском ключе с поддержкой идеи партии народной свободы [2, с. 102]. Печатным органом последней была газета «Калужская жизнь», издаваемая с 9 июля по 20 августа 1917 г. В ней печатались теоретические статьи видных представителей партии Е. Н. Трубецкого, Н. В. Устрялова, которые были посвящены тактике партийной работы [13]. Газета «Калужский республиканец» издавалась с апреля по октябрь 1917 г. региональным отделением партии социалистов-революционеров (эсеры), с ее страниц велась борьба с большевиками за влияние на народные массы [15]. В ноябре 1917 г. стала выходить газета «Свободный пахарь», являющаяся органом Калужского губернского Совета крестьянских депутатов. Газета, стоя на эсеровских позициях, выступала против буржуазии и политического экстремизма большевиков. На страницах издания публиковались протоколы съездов Совета, проводилась критика противников социалистов-революционеров, размещались агитационные материалы партии эсеров [27]. С требованиями передачи всей полноты власти Учредительному собранию меньшевики выступали на страницах газеты «Калужский рабочий» [14]. С августа по сентябрь 1917 г. калужским отделением РСДРП(б) издавался ежедневный бюллетень «Рассвет» под редакцией одного из лидеров местного отделения партии П. Я. Витолина. Такой формат был единственным возможным для партии в силу отсутствия финансирования. В бюллетене печатались сообщения о митингах, принятых партией резолюциях. Несмотря на то, что РСДРП(б) признавала установление республики Советов единственной формой демократизации, призывы отдать голос за избирательный список № 7 на выборах в Учредительное собрание размещались в бюллетене. С октября 1917 г. большевики стали издавать одноименную газету [26].

Только использование комплекса источников общероссийского и регионального уровней позволяет всесторонне проанализировать процесс подготовки и проведения выборов во Всероссийское Учредительное собрание в отдельно взятом округе. Важно учитывать специфику региональных источников, а именно: их фрагментарность, отсутствие отдельных групп документов в архивах областного уровня. Для более детального исследования избирательного процесса в Калужском избирательном округе видится необходимым дальнейший поиск источников, в том числе личного происхождения, обращение к документам архивов, соседних с Калужской губерний.

Список источников и литературы

1. Абакумов, С. И. (1917). *Почему и зачем будет созвано Учредительное собрание?* Казань: Кн. магазин Маркелова и Шаронова. 16 с.
2. Бауэр, А. А. (2006). *Калужская периодическая печать XIX-XX вв.* Вып. 1 (1804-1917). Калуга. С. 101-103.
3. Болтянский, Г. (1917). *Что нужно знать каждому избирателю: (к выборам в Учредительное собрание)*. Петроград: Книга. 30 с.
4. Вишняк, М. В. (2009). *День прошлому* // Выборы во Всероссийское Учредительное собрание в документах и воспоминаниях современников. Под общ. науч. ред. Ю. А. Веденеева, И. Б. Борисова. Москва: РОИИП. С. 613-677.
5. Голос Калуги. Февраль-ноябрь. 1917.
6. Государственный архив Калужской области (ГАКО). Ф-925. Оп. 1. Д. 1-4; Ф-1128. Оп. 2. Д. 1-3; Ф-1338. Оп. 1. Д. 17.
7. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1810. Оп. 1. Д. 245.
8. Долгоруков, П. Д. (2009). *Великая разруха* // Выборы во Всероссийское Учредительное собрание в документах и воспоминаниях современников. Под общ. науч. ред. Ю. А. Веденеева, И. Б. Борисова. Москва: РОИИП. С. 744-753.
9. Зайцев, И. В. (1998). *Выборы в Учредительное собрание в Калужской губернии* // Вопросы выборов и избирательного права. № 1. Калуга: Символ. С. 28-46.
10. Знаменский, О. Н. (1976). *Всероссийское Учредительное собрание. История созыва и политического крушения*. Ленинград: Наука. Ленингр. отд-ние. 364 с.
11. Известия Всероссийской по делам о выборах в Учредительное собрание комиссии. Сентябрь-ноябрь. 1917.
12. Ионыч, Л. (1917). *Что такое Учредительное собрание*. Петроград: Знаменская скоропечатня, 1917. 16 с.
13. Калужская жизнь. Июль-август. 1917.
14. Калужский рабочий. Декабрь. 1917.
15. Калужский республиканец. Апрель-октябрь. 1917.
16. Ленин, В. И. (2009). *Доклад о праве отзыва на заседании ВЦИК 21 ноября (4 декабря) 1917 г.; Тезисы об Учредительном собрании; Выборы в Учредительное собрание и диктатура пролетариата* // Выборы во Всероссийское Учредительное собрание в документах и воспоминаниях современников. Под общ. науч. ред. Ю. А. Веденеева, И. Б. Борисова. Москва: РОИИП. С. 493-515.
17. Мартынов, М. И. (1921). *Выборы в Учредительное собрание* // Из партийного прошлого: сборник воспоминаний о партийной работе в Калуге / под ред. Калуж. комис. по истории Окт. революции и РКП. Калуга: Гос. изд-во. С. 163-164.
18. *Меньшевики в 1917 году* / под общ. ред. З. Галили, А. Ненарокова, Л. Хеймонса. В 3 т. Т. 1-3. Москва: Прогресс-академия, 1994-1997.
19. *Общество и революция. Калужская губерния в 1917 году* (1999) / Сост. И. В. Зайцев, В. В. Луговой / Под ред. В. Я. Филимонова. Калуга: Фонд «Символ». 432 с.
20. *Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. 1900-1925 гг.* / редкол.: В. В. Шелохаев (отв. ред.) и др. В 3-х т. Т. 3. Ч. 1-2. Москва: РОССПЭН, 1996-2001, 2000.
21. Переписка секретариата ЦК РСДРП(б) с местными партийными организациями. Сборник документов. Т. 2. Москва: Государственное издательство политической литературы, 1957. 504 с.
22. Положение о выборах в Учредительное собрание: текст закона и наказа с предисловием и объяснениями Я. М. Магазинера и Э. Э. Понтовича. Петроград: издание Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов Рабочих и Солдатских Депутатов, 1917. 320 с.

23. Протасов, Л. Г. (1997). *Всероссийское Учредительное собрание: История рождения и гибели*. Москва: РОССПЭН. 368 с.
24. Протоколы Центрального Комитета конституционно-демократической партии. 1915-1920 гг. / отв. ред. В. В. Шелохаев. Москва: РОССПЭН, 1998. 590 с.
25. Протоколы Центрального комитета РСДРП. Август 1917-февраль 1918 гг. / отв. ред. Н. И. Шатагин. Москва: Государственное издательство политической литературы, 1958. 308 с.
26. Рассвет. Август-сентябрь. 1917.
27. Свободный пахарь. Ноябрь. 1917.
28. Святицкий, Н. В. (1918). *Итоги выборов во Всероссийское Учредительное собрание* // Год русской революции. Москва: Московское издательство «Земля и воля». С. 104-106.
29. Соколов, Б. Ф. (2009). *Защита Всероссийского Учредительного собрания* // Выборы во Всероссийское Учредительное собрание в документах и воспоминаниях современников. Под общ. науч. ред. Ю. А. Веденева, И. Б. Борисова. Москва: РОИИП. С. 703-743.
30. Спирин, Л. М. (1968). *Классы и партии в гражданской войне в России (1917-1920 гг.)*. Москва: Мысль. 438 с.
31. Съезды и конференции конституционно-демократической партии. 1905-1920 гг. В 3-х т. Т. 3. Кн. 1. 1915-1917 гг. / отв. ред. В. В. Шелохаев. Москва: РОССПЭН, 2000. 831 с.
32. Трудовая народно-социалистическая партия: Документы и материалы / отв. ред. В. В. Шелохаев. Москва: РОССПЭН, 2003. 624 с.
33. *Учредительное собрание и развитие института выборов в России (1992)* // 1917 год в исторических судьбах России: Науч. конф. «Проблемы истории Октябрьской революции»: Материалы второй сессии / Под общ. ред. П. В. Волобуева, В. А. Корнилова. Ноябрь 1992 года.

References

1. Abakumov, S. I. (1917). *Pochemu i zachem budet sozvano Uchreditel'noe sobranie?* [Why and why will the Constituent Assembly be convened?]. Kazan', Kn. magazin Markelova i Sharonova. (in Russian).
2. Baujer, A. A. (2006). *Kaluzhskaja periodicheskaja pechat' XIX-XX vv.* [Kaluga periodical seal of the XIX-XX centuries]. Vyp. 1 (1804-1917). Kaluga. 101-103. (in Russian).
3. Boltjanskij, G. (1917). *Chto nuzhno znat' kazhdomu izbiratelju: (k vyboram v Uchreditel'noe sobranie)* [What each voter needs to know: (for the elections to the Constituent Assembly)]. Petrograd, Kniga. (in Russian).
4. Vishnjak, M. V. (2009). *Dan' proshlomu* [Tributes to the past] in *Vybory vo Vserossijskoe Uchreditel'noe sobranie v dokumentah i vospominanijah sovremennikov*. Pod obshh. nauch. red. Ju. A. Vedeneva, I. B. Borisova. Moscow, ROIP. 613-677. (in Russian).
5. Golos Kalugi [Kaluga's voice]. February-November 1917. (in Russian).
6. Gosudarstvennyy arkhiv Kaluzhskoy oblasti [State Archive of the Kaluga Region] (GA-KO). F-925. Op. 1. D. 1-4; F-1128. Op. 2. D. 1-3; F-1338. Op. 1. D. 17. (in Russian).
7. Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii [State Archive of the Russian Federation] (GARF). F. 1810. Op. 1. D. 245. (in Russian).
8. Dolgorukov, P. D. (2009) *Velikaja razruha* [The Great Devastation] in *Vybory vo Vserossijskoe Uchreditel'noe sobranie v dokumentah i vospominanijah sovremennikov*. Pod obshh. nauch. red. Ju. A. Vedeneva, I. B. Borisova. Moscow, ROIP. 744-753. (in Russian).
9. Zajcev, I. V. (1998). *Vybory v Uchreditel'noe sobranie v Kaluzhskoj gubernii* [Elections to the Constituent Assembly in the Kaluga province] in *Voprosy vyborov i izbiratel'nogo prava*, 1. Kaluga, Simvol. 28-46. (in Russian).

10. Znamenskij, O. N. (1976). *Vserossijskoe Uchreditel'noe sobranie. Istorija sozyva i politicheskogo krushenija* [All-Russian Constituent Assembly. History of convocation and political collapse]. Leningrad, Nauka. Leningr. otd-nie. (in Russian).
11. Izvestija Vserossijskoj po delam o vyborah v Uchreditel'noe sobranie komissii [Izvestia of the All-Russian Committee on Elections to the Constituent Assembly of the Commission]. September-November. 1917. (in Russian).
12. Ionych, L. (1917). *Chto takoe Uchreditel'noe sobranie* [What is the Constituent Assembly]. Petrograd, Znamenskaja skoropechatnja. (in Russian).
13. Kaluzhskaja zhizn' [Kaluga life. July-August]. 1917. (in Russian).
14. Kaluzhskij rabochij [Kaluga worker]. Dec. 1917. (in Russian).
15. Kaluzhskij respublikanec [Kaluga Republican]. April-October. 1917. (in Russian).
16. Lenin, V. I. (2009). *Doklad o prave otzyva na zasedanii VCIK 21 nojabrja (4 dekabrja) 1917 g.* [Report on the right to recall at a meeting of the All-Russian Central Executive Committee on November 21 (December 4), 1917]; *Tezisy ob Uchreditel'nom sobranii* [Theses on the Constituent Assembly]; *Vybory v Uchreditel'noe sobranie i diktatura proletariata* [Elections to the Constituent Assembly and the dictatorship of the proletariat] in *Vybory vo Vserossijskoe Uchreditel'noe sobranie v dokumentah i vospominanijah sovremennikov*. Pod obshh. nauch. red. Ju. A. Vedeneeva, I. B. Borisova. Moscow, ROIP. 493-515. (in Russian).
17. Martynov, M. I. (1921). *Vybory v Uchreditel'noe sobranie* [Constituent Assembly elections] in *Iz partijnogo proshlogo: sbornik vospominanij o partijnoj rabote v Kaluge* [From the party past: a collection of memories of party work in Kaluga], pod red. Kaluzh. komis. po istorii Okt. revoljucii i RKP. Kaluga, Gos. izd-vo. 163-164. (in Russian).
18. *Men'sheviki v 1917 godu* (1994-1997). [Mensheviks in 1917], pod obshh. red. Z. Galili, A. Nenarokova, L. Hejmonsa. V 3 t. T. 1-3. Moscow, Progress-akademija Publ. (in Russian).
19. *Obshhestvo i revoljucija. Kaluzhskaja gubernija v 1917 godu* (1999). [Society and revolution. Kaluga province in 1917]. Sost. I. V. Zajcev, V. V. Lugovoj, pod red. V. Ja. Filimonova. Kaluga, Fond «Simvol». (in Russian)
20. *Partija socialistov-revoljucionerov. Dokumenty i materialy. 1900-1925 gg.* [Socialist Revolutionary Party. Documents and materials.], redkol.: V. V. Shelohaev (otv. red.) i dr. V 3-h t. T. 3. Ch. 1-2. Moscow, ROСПJeN, 1996-2001, 2000. (in Russian).
21. *Perepiska sekretariata CK RSDRP(b) s mestnymi partijnymi organizacijami. Sbornik dokumentov. T. 2.* [Correspondence of the secretariat of the Central Committee of the RSDLP(b) with local party organizations. Sat. documents. T. 2.]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1957. (in Russian)
22. *Polozhenie o vyborah v Uchreditel'noe sobranie: tekst zakona i nakaza s predisloviem i ob#jasnenijami* Ja. M. Magazinera i Je. Je. Pontovicha. [Provision on elections to the Constituent Assembly: the text of the law and the order with the preface and explanations of J. M. Magaziner and E. E. Pontovich]. Petrograd, izdanie Vserossijskogo Central'nogo Iсполnitel'nogo Komiteta Sovetov Rabochih i Soldatskih Deputatov, 1917. (in Russian).
23. Protasov, L. G. (1997). *Vserossijskoe Uchreditel'noe sobranie: Istorija rozhdenija i gibelj.* [All-Russian Constituent Assembly: The history of birth and death.]. Moscow, ROСПJeN. (in Russian).
24. *Protokoly Central'nogo Komiteta konstitucionno-demokraticheskoy partii. 1915-1920 gg.* [Minutes of the Central Committee of the Constitutional Democratic Party. 1915-1920], otv. red. V. V. Shelohaev. Moscow, ROСПJeN, 1998. (in Russian).
25. *Protokoly Central'nogo komiteta RSDRP. Avgust 1917-fevral' 1918 gg.* [Minutes of the Central Committee of the RSDLP. August 1917-February 1918], otv. red. N. I. Shatagin. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1958. (in Russian).
26. *Rassvet* [Dawn]. August-September. 1917. (in Russian).
27. *Svobodnyj pahar'* [Free plowman]. Nov. 1917. (in Russian).

28. Svjaticckij, N. V. (1918). *Itogi vyborov vo Vserossijskoe Uchreditel'noe sobranie* [Results of elections to the All-Russian Constituent Assembly] in *God russkoj revoljucii*. Moscow, Moskovskoe izdatel'stvo «Zemlja i volja». 104-106. (in Russian).

29. Sokolov, B. F. (2009). *Zashhita Vserossijskogo Uchreditel'nogo sobranija* [Defense of the All-Russian Constituent Assembly] in *Vybory vo Vserossijskoe Uchreditel'noe sobranie v dokumentah i vospominanijah sovremennikov*. Pod obshh. nauch. red. Ju. A. Vedeneeva, I. B. Borisova. Moscow, ROIP. 703-743. (in Russian).

30. Spirin, L. M. (1968). *Klassy i partii v grazhdanskoj vojne v Rossii (1917-1920 gg.)*. [Classes and parties in the Russian Civil War (1917-1920)]. Moscow, Mysl'. (in Russian).

31. S#ezdy i konferencii konstitucionno-demokraticeskoi partii. 1905-1920 gg. [Congresses and conferences of the Constitutional Democratic Party. 1905-1920]. V 3-h t. T. 3. Kn. 1. 1915-1917 gg., otv. red. V. V. Shelohaev. Moscow, ROSSPJeN, 2000. (in Russian).

32. Trudovaja narodno-socialisticheskaja partija: Dokumenty i materialy. [Labour People's Socialist Party: Documents and Materials], otv. red. V. V. Shelohaev. Moscow, ROSSPJeN, 2003. (in Russian).

33. *Uchreditel'noe sobranie i razvitie instituta vyborov v Rossii* (1992). [Constituent Assembly and Development of the Institution of Elections in Russia] in 1917 god v istoricheskikh sud'bah Rossii. Nauch. konf. «Problemy istorii Oktjabr'skoj revoljucii»: Materialy vtoroj sessii. Pod obshh. red. P. V. Volobueva, V. A. Kornilova. Nojabr' 1992 goda. (in Russian).

Политова А. В.
(Пятигорск)

УДК 93/94

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ В ТЕРСКОЙ ОБЛАСТИ: ОСОБЕННОСТИ И ПОТРЕБНОСТИ

Статья посвящена проблеме становления и развития системы образования на территории Терской области Российской империи. Особенное внимание уделяется региональным особенностям и потребностям этой обширной и специфической территориальной единицы. Автор отмечает, что к моменту создания области в качестве полноценного административного субъекта Российской империи регион практически не имел светского образования, а конфессиональное обслуживалось мусульманскими школами в виде коранической школы, мектебе и медресе, обучение в которых сводилось к изучению Корана и религиозных правил, и, частично, приходскими школами, опекаемыми Осетинской духовной комиссией. Анализ источников и объемов финансирования учебных заведений, предоставлявших начальное образование, как и женских «среднеучебных» заведений, показал его недостаточность (за исключением большинства станичных школ), при том что получавшие начальное образование представляли, как правило, бедные слои населения. Как требовалось и серьезное благотворительное участие в создании и обеспечении деятельности сети начальных школ в местах компактного проживания горских народов. К обучающимся, нуждавшимся в финансовой и иной помощи в получении образования, относились и многие студенты-терцы, продолжавшие свое образование в высших учебных заведениях Российской империи.

Ключевые слова: гимназии, развитие, система образования, Терская область, анализ систем.

The article is devoted to the problem of the formation and development of the education system on the territory of the Terek region of the Russian Empire. Particular attention is paid to the features and peculiarities of this vast and specific territory. The author notes that by the time of the creation of the region in the position of the administrative district of the Russian Empire, the region did not have a secular education. Confessional education was served by Koranic schools and parochial schools patronized by the Ossetian Spiritual Commission. An analysis of the sources and volumes of funding for education, formed in primary education, as well as women's "secondary" educational institutions, showed its insufficiency. Primary education covered only the poor sections of society. Students who need financial and other assistance in obtaining education include many local students who continue their education in higher educational institutions of the Russian Empire.

Keywords: gymnasiums, development, education system, Terek region, systems analysis.

DOI: 10.24888/2410-4205-2022-33-4-118-122

Как административно-территориальная составляющая Российской империи, Терская область имела население, по структуре представлявшее из себя сложный конгломерат народов, принадлежавших к разному вероисповеданию, имевших часто очень разный культурный код, испокон веков, проживавших на территории этого региона, или, наоборот, переселившихся сюда в связи с активной имперской политикой по его освоению. Директор 2-ой Тифлисской гимназии А. Лилов отмечал: «Русское правительство, вводя постепенно в жизнь покоренных полудиких горских племен начала цивилизации и правильных гражданских отношений, присоединяет новый миллион

человеческих сил к своему государственному организму» [12, с. 138]. При этом, как известно, это был совсем не механический и очень непростой процесс, сопровождавшийся, в том числе, и открытым сопротивлением в различных его формах. Российские власти, естественно, искали различные пути оптимизации процесса присоединения горских народов к единому российскому социокультурному пространству. Эти поиски беспокоили и равнодушных представителей общественности. Я. Абрамов, ставропольский публицист, в своей статье «Кавказские горцы» настаивал: «...Лучшим средством для ассимиляции туземного населения с пришлым русским и прекращения враждебных отношений между этими двумя элементами народонаселения Кавказа является, после улучшения общих экономических условий жизни туземцев, распространение среди них образования. Единство экономических интересов и единство образования представляют собою такую почву, на которой смешиваются и слипаются народности с самыми различными этническими особенностями» [13, с. 142]. Я. М. Неверов, много сделавший для развития образования в регионе, в том числе в качестве главного инспектора народных училищ на Кавказе, писал: «Покорив враждебные нам племена оружием, мы тем усиленнее должны покорить их нравственно и духовно распространением между ними образования, без которого невозможны успехи гражданственности» [14, с. 103].

К моменту создания Терской области, ознаменовавшему и начало проведения здесь государственной политики в области народного просвещения, регион имел определенный, пусть и небольшой, опыт в организации школьного дела. И опыт этот был наработан благодаря, в основном, в связи с активной деятельностью Осетинской духовной комиссии, функционировавшей с 1847 г. Занимаясь миссионерством, комиссия отрывает, при активной поддержке российских властей, в 1765 г. первую миссионерскую школу в Моздоке [7, с. 30-34]. И лишь в 1826 г. создаются еще в ряде осетинских селений (Джинат, Унал, Саниба) новые миссионерские школы [3, с. 262]. В 1836 г. «...для нравственно-религиозного и гражданского образования юных горцев...» открывается духовное училище во Владикавказе, просуществовавшее до 1863 г. [8, с. 75-76]. Его выпускники, такие, как В. Цораев, Г. Кантемиров, А. Колиев и др., - это те, кто со временем стали просветителями своего народа.

По мере усиления присутствия России в регионе и создания Кавказского наместничества, а затем и Кавказского учебного округа, начавшаяся в округе работа по созданию и расширению сети казенных уездных и приходских учебных заведений затронула и изучаемый регион. Только на территории современной Осетии к моменту образования Терской области под патронажем Осетинской духовной комиссии работало семь приходских школ [9, с. 10]. Параллельно в регионе открываются т.н. полковые школы, обучавшие и детей горцев. Первая из них, при Навагинском полку, начала работу в 1848 г. во Владикавказе: из пятидесяти мест тридцать предназначались для горских учащихся [10, с.93-94]. Именно при этой полковой школе 1 мая 1857 г. откроется первая в Осетии женская школа.

С момента издания в 1853 г. нового «Положения о Кавказском учебном округе» начинает четко прослеживаться линия на следование в регионе цели, обозначенной Николаем I. А именно: «сблизить устройство учебных заведений Кавказского округа с тем устройством, которое введено по подобным заведениям внутренних губерний и таким образом постепенно ввести на Кавказе и за Кавказом ту же систему народного образования, которая существует в прочих частях государства». Согласно сведениям местных исследователей, сразу после завершения Кавказской войны открываются первые школы у чеченцев: в 1865 г. - в с. Старый Юрт, в 1867 г. - в с. Ведено, в 1869 г. - в с. Б. Чечен и др. Занятия в них велись на чеченском языке. При этом, например, в Старом Юрте преподавались русский и арабский языки, чистописание, арифметика. Но все эти школы, как и созданная еще в 1862 г. генералом П. Усларом грозненская школа, просуществовали совсем недолго - из-за отсутствия средств [2, с. 8].

А вот школы, созданные в Грозном, Нальчике по линии Министерства народного просвещения в 1859 году как «горские», заложили основу начального образования детей

горцев в Терской области и имели достаточно долгую и славную историю. Они «...учреждались для детей местной знати и военных чинов и готовили местную молодежь к поступлению в учебные заведения более высокой ступени» [5, с. 106]. Горские школы изначально задумывались в двух основных видах: окружные и начальные. При этом окружные горские школы по статусу приравнивались к уездным училищам. Таким образом, успешно завершившие в них обучение дети имели право поступать без испытаний на обучение в гимназию на уровне 4-го класса. При этих школах открывались пансионы, воспитанники которых обеспечивались бесплатным питанием и жильем, формой. Кроме государства, средства на это выделять стало Общество восстановления православного христианства на Кавказе.

В грозненской горской школе обучались дети чеченцев, русских, армян, ингушей и т.д. Она была очень популярна, прежде всего, у чеченцев, в том числе и потому, что в чеченских аулах не только подобных, но и других светских учебных заведений не было. Материалы 123 фонда Центрального государственного архива Республики Северная Осетия – Алания свидетельствуют о высоком конкурсе на занятие немногочисленных мест в грозненской горской школе. При всей популярности горских школ, количество мест в них было ограничено, да и учились в них не только горцы. Когда в 1884 г. начальник Терской области и Наказной Атаман Терского казачьего войска в своем ежегодном отчете Императору обратил внимание на необходимость развития сети горских школ, была получена по этому поводу одобрительная резолюция, но денег на это опять не нашлось [11, с. 483].

При этом, по мотивированному утверждению Г. Н. Малаховой, «вводя новый тип школ, администрация не закрывала мусульманских школ. В середине XIX в. на Кавказе их было больше, чем русских. В Кавказском учебном округе одна русская школа приходилась на 5.635 жителей, а мусульманская – на 1.309 человек» [6, с. 400]. Зачастую школы эти создавались по инициативе отдельных неравнодушных жителей. К примеру, первая чеченская народная школа была открыта в селении Тембулат-Юрт благодаря чеченскому жителю Ш. Алиеву, организовавшему односельчан через решение общественного схода для сбора денег и строительства школьного здания. Открытая таким образом народная школа состояла из двух отделений, в ней под началом муллы и русского учителя изучались русская, чеченская и арабская грамоты. Жалование им платили сам Ш. Алиев и его брат – полковник Э. Алиев. При неплохом спросе одновременно обучаться в школе могли только сорок мальчиков. Понимание многими взрослыми чеченцами выгод хорошего образования для будущего их детей проиллюстрировано народным рассказом, приведенным в «Чеченском букваре» И. Бартоломея еще в 1866 году: «Был один маленький мальчик; отец посылал его учиться грамоте; мальчику не хотелось идти учиться... Мальчик сказал отцу: ведь ты, когда был маленьким, не учился грамоте, зачем же ты теперь меня посылаешь учиться? Отец ответил сыну: «в то время, когда я был мальчиком, не было у нас грамоты на чеченском языке; теперь же, к счастью молодежи нашей, составили чеченскую грамоту. Прежде, когда я был мальчиком, если бы была эта грамота, то я сам бы учился ей. В то время у нас была только арабская грамота; на изучение ее требовалось много времени и труда; отчего приходилось бросать все домашние работы; кроме того, обучение сына этой грамоте родителям стоило больших издержек. Теперь вот видишь, когда мне нужно что-нибудь написать или прочитывать, я хожу к муллам и упрашиваю их. Если ты теперь выучишься грамоте, и если случится тебе быть в отлучке и писать домой письма, или читать получаемые, и в случае, если бы были какие-нибудь тайны, то не надо будет тебе ходить к другим, кланяться им, а сам будешь читать и писать», - сказал отец мальчику. Мальчик, послушав совет отца, увидел, что слова его справедливы, стал ходить учиться, занимаясь прилежно и, как сказал ему отец, скоро выучился родной грамоте. И вместо того, чтобы ходить к другим и просить писать и читать ему, теперь с подобными просьбами стали обращаться к нему; он получил уважение в народе и стал счастливым» [1, с. 9-13].

К концу изучаемого периода система образования Терской области была представлена средними и низшими учебными заведениями различной ведомственной принадлежности. Это были правительственные, общественные и частные образовательные учреждения, патронируемые Министерством народного просвещения, духовным ведомством, Обществом восстановления православного христианства на Кавказе. Кроме того, в области работала низшая лесная школа, подчиненная ведомству землеустройства и земледелия; войсковая учительская семинария, войсковая сельскохозяйственная школа, войсковая винодельческая школа; техническое училище ведомства путей сообщения; кадетский корпус военного ведомства.

Таким образом, анализ источников и объемов финансирования учебных заведений, предоставлявших начальное образование, как и женских «среднеучебных» заведений, показал его недостаточность (за исключением большинства станичных школ), при том, что получавшие начальное образование представляли, как правило, бедные слои населения. Как требовалось и серьезное благотворительное участие в создании и обеспечении деятельности сети начальных школ в местах компактного проживания горских народов. К обучающимся, нуждавшимся в финансовой и иной помощи в получении образования, относились и многие студенты-терцы, продолжавшие свое образование в высших учебных заведениях Российской империи.

Список источников и литературы

1. Бартоломей, И. (1866). *Чеченский букварь*. Тифлис: О-во восстановления христианства на Кавказе. 154 с.
2. Гонтарева, Е. Н. (1965). *Начальное образование в дореволюционной Чечено-Ингушетии*. Грозный: Чечено-ингушское книжное издательство. 752 с.
3. *История Северо-Осетинской АССР: С древнейших времен до наших дней* (1987). В 2-х т. Изд. 2-е. Т. 1. Орджоникидзе: СО АССР. 562 с.
4. Кобахидзе, Е. И., Ладонина, Н. А. (2017). *Развитие образовательного потенциала Осетии во второй половине XIX века*. Владикавказ: СО-ИГСИ ВН РАН. 321 с.
5. Малахова, Г. Н. (2001). *Становление и развитие российского государственного управления на Северном Кавказе в конце XVIII-XIX вв.* Ростов-на-Дону: Феникс. 400 с.
6. Материалы по истории осетинского народа: Сборник документов по истории народного образования в Осетии (1942). Т. V. Орджоникидзе: СО АССР, 562 с.
7. Свод высочайших отметок по всеподданнейшим отчетам за 1881-1890 год генерал-губернаторов, губернаторов, начальников областей и градоначальников (1893). СПб.: Государственная типография, 483 с.
8. «Свое – чужое» в социокультурном пространстве Северного Кавказа: хрестоматия (2016). Ставрополь: СКФУ. 138 с.
9. Социально-экономическое, политическое и культурное развитие народов Карачаево-Черкессии (1790-1917) (1985). Сборник документов. Ростов-на-Дону: Ростовский университет, 123 с.

References

1. Bartolomej, I. (1866). *Chechenskij bukvar'* [Chechen primer]. Tiflis, O-vo vosstanovlenija hristianstva na Kavkaze Publ. (in Russian).
2. Gontareva, E. N. (1965). *Nachal'noe obrazovanie v dorevoljucionnoj Checheno-Ingushetii. Groznyj* [Add To Selected Primary education in pre-revolutionary Checheno-Ingushetia], Checheno-ingushskoe Publ. (in Russian).

3. Istorija Severo-Osetinskoj ASSR: S drevnejshih vremen do nashih dnejj [History of the North Ossetian ASSR: From ancient times to the present day] (1987). V 2-h t. Izd. 2-e. T. 1. Ordzhonikidze, SO ASSR Publ. (in Russian).
4. Kobahidze, E. I., Ladonina, N. A. (2017). *Razvitie obrazovatel'nogo potenciala Osetii vo vtoroj polovine XIX veka* [The development of the educational potential of Ossetia in the second half of the XIX century]. Vladikavkaz, SO-IGSI VN RAN Publ. (in Russian).
5. Malahova, G. N. (2001). *Stanovlenie i razvitie rossijskogo gosudarstvennogo upravlenija na Severnom Kavkaze v konce XVIII-XIX vv.* [Formation and development of Russian public administration in the North Caucasus at the end of the XVIII-XIX centuries]. Rostov-na-Donu, Feniks. (in Russian).
6. Materialy po istorii osetinskogo naroda: Sbornik dokumentov po istorii narodnogo obrazovanija v Osetii [Formation and development of Russian state administration in the North Caucasus at the end of the 18th - 19th centuries] (1942). T. V. Ordzhonikidze, SO ASSR Publ. (in Russian).
7. Svod vysochajshih otmetok po vsepoddannejšim otchetam za 1881-1890 god general-gubernatorov, gubernatorov, nachal'nikov oblastej i gradonachal'nikov [A set of the highest marks according to the most subordinate reports for 1881-1890 of governors-general, governors, heads of regions and city governors] (1893). St. Petersburg, Gosudarstvennaja Publ. (in Russian).
8. «Svoe – chuzhoe» v sociokul'turnom prostranstve Severnogo Kavkaza: hrestomatija [“Own - alien” in the socio-cultural space of the North Caucasus: a reader]. (2016). Stavropol', SKFU Publ. (in Russian).
9. Social'no-jekonomicheskoe, politicheskoe i kul'turnoe razvitie narodov Karachaevo-Cherkessii (1790-1917) [Socio-economic, political and cultural development of the peoples of Karachay-Cherkessia (1790-1917)] (1985). Sbornik dokumentov. Rostov-na-Donu, Rostovskij universitet Publ. (in Russian).

СОВЕТСКОЕ ГОСУДАРСТВО КАК ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

Волкова И. В.,

Иванов В. В.

(Комсомольск-на-Амуре)

УДК: 623.746.4(47+57)(091)

**ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ СОВЕТСКОЙ БОМБАРДИРОВОЧНОЙ АВИАЦИИ
В КИТАЕ ДЛЯ ВВС СССР (1937-1939 ГГ.)**

Статья посвящена рассмотрению результатов применения бомбардировочной авиации ВВС СССР в рамках оказания военной помощи вооруженным силам Гоминьдана в 1937-1939 гг. Цель публикации состоит в анализе боевого опыта, полученного советскими летчиками в ходе отражения японской агрессии в Китае. Авторами рассмотрены изменения в тактике применения бомбардировочной авиации, приемы совершенствования технических характеристик самолетов, развитие методик подготовки личного состава. Особое внимание уделено в статье рекомендациям, представленным летчиками-бомбардировщиками по результатам боевых вылетов, для внедрения в практику Военно-Воздушных Сил СССР. В основу публикации положены воспоминания непосредственных участников событий и материалы фондов Российского государственного военного архива. Автор приходит к выводу, что боевая практика в Китае позволила советским пилотам накопить опыт, наилучшим образом изучить тактико-технические характеристики своих самолетов и даже внести отдельные доработки в их конструкцию, а анализ боевых вылетов существенно пополнил арсенал тактических приемов советской авиации.

Ключевые слова: японо-китайская война, бомбардировщики, Военно-Воздушные Силы, военная помощь, СССР, Китай.

The article is devoted to the consideration of the results of the using bomber aviation of Air Forces USSR in the framework of providing military assistance to the armed forces of the Kuomintang in 1937–1939. The purpose of the publication is to analyze the combat experience gained by Soviet pilots in repelling Japanese aggression in China. The authors considered changes in the tactics of using bomber aircraft, methods for improving the technical characteristics of aircraft, the development of methods for training personnel. Particular attention is paid in the article to the recommendations presented by bomber pilots based on the results of combat missions, for implementation into the practice of the USSR Air Force. The publication is based on the memoirs of direct participants in the events and materials from the funds of the Russian State Military Archive. The author comes to the conclusion that combat practice in China allowed Soviet pilots to gain experience, study the performance characteristics of their aircraft in the best possible way and even make some modifications to their design, and the analysis of combat sorties significantly expanded the arsenal of tactics of Soviet aviation.

Keywords: Sino-Japanese war, bombers, Air Forces, military aid, USSR, China.

DOI: 10.24888/2410-4205-2022-33-4-123-136

Массированное использование бомбардировочной авиации в войнах и локальных конфликтах XX-XXI вв. нередко рассматривалось многими ведущими державами как один из решающих факторов для достижения победы над противником. В ходе Второй мировой войны этот род войск широко применялся США, Великобританией, Германией, Японией. В ряде случаев нанесение авиационных ударов

имело не только военное, но также политическое и психологическое значение. Например, бомбардировки Берлина самолетами советских ВВС в августе-сентябре 1941 г., знаменитый налет группы Дж. Дуллитла на Токио в апреле 1942 г. осуществлялись исключительно как акции возмездия. Их основной целью было не нанесение материального урона врагу, а опровержение утверждений СМИ противника о недосыгаемости Германии и Японии.

В ходе войн второй половины XX - начала XXI вв. применение бомбардировочной авиации приобрело широкий характер. Авиационные удары наносились не только с целью уничтожения военного потенциала противника и его экономики. Бомбардировочная авиация стала одним из инструментов агрессивной политики, шантажа, давления. ВВС США принимали активное участие в войнах в Корее, Индокитае, Ливане, Ираке, Афганистане. Бомбардировочная авиация стала одним из важных военно-политических рычагов давления. В декабре 1972 г. Соединенные Штаты, осуществляя массированные авиаудары по Демократической Республике Вьетнам, стремились вынудить Ханой подписать Парижские мирные соглашения на условиях Вашингтона. Аналогичным образом в 1970-1980-е гг. ЮАР оказывала давление на «прифронтовые государства», Израиль — на арабские страны в 1960 - начале XXI в. Использование бомбардировочных подразделений ВВС стран НАТО и Соединенных Штатов в Югославии в 1999 г., в Ливии в 2011 г. стало одним из решающих факторов падения правящих режимов этих государств. Следовательно, представляемая проблема не утратила своей актуальности до настоящего времени.

Рассматривая события японо-китайской войны 1937-1945 гг., отечественные и зарубежные исследователи в той или иной мере затрагивают вопросы как противостояния гоминьдановских и императорских ВВС, так и советского участия в нем, ставшего неотъемлемой и весьма характерной частью данного конфликта [1, 5, 7, 8, 9, 15, 19]. Ряд исследователей уделяют в своих работах основное внимание данному аспекту.

Развитию ВВС Японии в 1930-1940-е гг. посвящена работа Окумия М., Хорикоши Д., Кайдин М. [20]. В монографии сделан подробный анализ структуры, состава Военно-Воздушных Сил страны Восходящего солнца в период войн в Китае (1937-1945 гг.) и на Тихом океане (1941-1945 гг.). В этом исследовании также приведены тактико-технические характеристики японской боевой авиации в рассматриваемый период.

Становление и развитие ВВС Китая и роль в этом процессе материально-технической и иной помощи СССР рассматривается в первой части монографии А. А. Демина [4]. В частности, наряду с рассмотрением состава китайских ВВС, их действий в первые месяцы войны, в работе представлен широкий спектр аспектов советско-китайского авиатехнического сотрудничества. Особое внимание в работе уделено вкладу советских летчиков в противостояние с императорскими ВВС на начальном этапе японо-китайской войны 1937-1941 гг.

В работах Ю. В. Чудодеева [21, 22] подчеркнута исключительная значимость деятельности в Китае советских летчиков, принявших основной удар японских ВВС. Им сделан анализ состава групп пилотов Военно-Воздушных сил Рабоче-Крестьянской Красной Армии (ВВС РККА) в Китае, условий работы советских специалистов за рубежом, стоявших перед ними боевых задач, результатов деятельности.

Отдельный раздел, посвященный участию советских летчиков в боевых действиях на территории Китая содержится в совместном издании Центрального музея Великой Отечественной войны и Мемориального музея антияпонской войны китайского народа «СССР и Китая в совместной борьбе с японской агрессией в годы Второй мировой войны» [18].

Однако необходимо отметить, что при весьма подробном и успешном рассмотрении в отечественной историографии вопросов, связанных с советско-китайским сотрудничеством в области авиации на начальном этапе японо-китайской войны (1937-1941 гг.), как правило, вне поля зрения исследователей остается проблема учета реального боевого опыта для ВВС СССР. При этом анализ источников, представленных широким кругом мемуарной литературы [2, 10, 16] и также материалами отчетов советских специалистов в Китае, содержащихся в фондах РГВА [11, 12], позволяют оценить данную составляющую. Целью дан-

ной работы является анализ боевого опыта, полученного советскими летчиками бомбардировочной авиации в период боевых действий в Китае. В первую очередь, это относится к разработке тактических приемов применения авиаподразделений данного рода, подготовку летного состава и совершенствование тактико-технических характеристик самолетов.

В первой половине 1930-х гг. военная авиация, также как и другие технические рода войск, переживала период постоянной модернизации, внедрения новых видов оружия, средств связи. В рассматриваемый период четко оформились основные типы боевых самолетов: истребители, бомбардировщики, разведчики, началось создание первых штурмовиков. Данная тенденция прослеживалась во всех странах, имевших или только создававших собственную авиапромышленность. Наряду с совершенствованием тактико-технических характеристик новых самолетов большое значение получило изучение возможностей их применения на различных театрах военных действий. Это было необходимо не только для их последующей модернизации. Кроме того, боевой опыт являлся основой для разработки новых более эффективных тактических приемов для подразделений ВВС.

Во второй половине 1930-х гг. образовалось два крупных очага международной напряженности – гражданская война в Испании и японская интервенция в Китае. В ходе этих конфликтов противники активно использовали авиацию, как в наступательных, так и в оборонительных целях. В боевых действиях над Пиренеями на стороне республиканцев сражались советские летчики, франкистов – пилоты ВВС Италии и люфтваффе. В Китае представителям Военно-Воздушных сил СССР пришлось воевать с японскими асами. Следовательно, изучение опыта применения ВВС, как в Испании, так и в Китае, имело важное значение для военных летчиков, авиастроителей, оружейников и представителей других представителей авиапрома.

Особое значение вышеизложенное имело для ВВС Советского Союза. Необходимо учитывать, что авиация Красной Армии создавалась практически заново на рубеже 1920-х – 1930-х гг. Она не располагала достаточной технической базой, опытными кадрами, разветвленной сетью учебных заведений. Авиапарк состоял, в основном, из самолетов иностранных марок. Боевые машины отечественного производства находились в стадии разработки. Только в начале 1930-х гг. был запущен в серию первый советский тяжелый бомбардировщик ТБ-3 (КБ А. Н. Туполева).

Боевой опыт советских ВВС был ничтожно мал. Применение боевой авиации сводилось к немногочисленным эпизодам, таким как советско-китайский конфликт на КВЖД, борьба с бандформированиями на Северном Кавказе и в Средней Азии. При этом, авиаподразделения действовали, как вспомогательный, а не самостоятельный род войск.

То же относилось и к авиационной промышленности Советского Союза. Только на рубеже 1920–1930-х гг. в разгар индустриализации в СССР развернулось широкомасштабное строительство авиационных, моторных заводов, предприятий по созданию аэронавигационных приборов. Возникли первые конструкторские бюро А. Н. Туполева, Н. Н. Поликарпова, Д. П. Григоровича и т.д. Москва активно стремилась наладить контакты с ведущими авиационными фирмами мира. Однако последний опыт оказался полезным, но не столь успешным, как ожидалось. Угроза новой мировой войны заставляла руководство СССР форсировать усилия по созданию боеспособных ВВС, оснащенных современной боевой техникой. В этой связи, огромное значение имел тщательный анализ использования авиации в условиях современной войны. Таковым явился опыт оказания помощи Китаю в отражении агрессии Японии во второй половине 1930-х гг.

Особую важность представляло изучение опыта действий бомбардировочной авиации. Первые годы японской агрессии в Китае характеризовались нанесением интервентами массированных воздушных ударов по стратегическим объектам противника. Причем, по масштабности операции такого характера превосходили аналогичные операции ВВС Италии в период агрессии в Абиссинии, а также воздушное противоборство в Испании. Эффективность бомбардировочной авиации объяснялась ее возможностью методично разрушать

работу тыловой инфраструктуры противника, расположенной на значительном удалении от линии фронта. Ударам с воздуха подвергались скопления войск, транспортные коммуникации, железнодорожные узлы, штабы, пункты связи. Однако, особую опасность представляли бомбардировки густонаселенных центров Китая. Они приводили к масштабным разрушениям, многочисленным человеческим жертвам.

В ноте посольства Китайской Республики в Москве в НКВД СССР от 25 сентября 1937 г. по поводу массированных атак японских бомбардировщиков сообщалось, что целями налетов становились мирное население, места размещения беженцев, медицинские учреждения и отряды Красного Креста, учреждения науки и культуры. Представитель Китая указывал, что «японцы, в противоречие со всеми публичными законами и моралью, умышленно стремятся осуществить на практике варварскую доктрину тотальной войны» [13, с. 117]. В подтверждение этого факта в ноте сообщалось о фактах разрушения в результате бомбардировок Нанкинского университета в Тяньцзине, атаках на беженцев, ожидавших поездов на Южной станции Шанхая, «разрушении целых кварталов» в Кантоне и Нанкине [13, с. 117].

О масштабах действий ВВС Японии уже в первые месяцы войны говорят следующие факты. Только в налетах на Нанкин 20 и 22 сентября 1937 г. ежедневно участвовало более 40 бомбардировщиков [4, с. 266]. 23 сентября 1937 г. 60-70 самолетов морской авиации страны Восходящего солнца атаковали и потопили два китайских крейсера, а также повредили две канонерки под Цзянцзыном [3, с. 454]. В начале 1938 г., не решаясь из-за опасения конфликта с Великобританией заблокировать Гонконг, командование императорских ВВС приняло решение нанести авиаудар и парализовать железнодорожное сообщение на участке Коулун–Кантон. В результате 13 января 1938 г. в продолжавшейся несколько часов бомбардировке Кантона и Гонконга участвовало 166 самолетов [3, с. 467].

При этом необходимо учитывать, что превосходство Японии в воздухе непрерывно возрастало. Китайская авиация, не получавшая пополнения, в первые месяцы агрессии потеряла в боях и результате поломок 2/3 боевых самолетов. В среднем, по имеющимся данным, к концу 1937 г. гоминьдановские ВВС располагали не более чем 20-30 исправными самолетами из примерно 500, имевшихся на начало конфликта [22, с. 131; 4, с. 270]. В то же время за первые три месяца боевых действий японский авиапарк увеличился с 400 самолетов более чем вдвое [4, с. 270].

Та же тенденция прослеживалась и в отношении потерь. Японская авиация превосходила противника не только по техническому состоянию, но и по уровню подготовки пилотов. За первые шесть месяцев боев урон в императорской авиации составил 137 самолетов против 480 в ВВС Китая [3, с. 465]. Следовательно, требовались эффективные контрмеры в противостоянии ВВС Японии. В противном случае Китай ожидало военное поражение.

В этих условиях правительство Чан Кайши могло рассчитывать только на внешнюю поддержку. Договор о дружбе и ненападении от 21 августа 1937 г. стал отправной точкой для оказания СССР Китаю широкой военной помощи. Большое значение в советско-китайском сотрудничестве имел вопрос организации противовоздушной обороны и оказания помощи армии.

При этом особая роль отводилась бомбардировочной авиации. СССР поставлял Китаю самолеты этого класса двух типов – СБ (скоростной бомбардировщик) и ДБ-3 (дальний бомбардировщик). Этим боевым машинам предстояло стать основным средством ответного удара по императорским войскам. Поскольку в сложившейся ситуации ликвидировать превосходство ВВС Японии в воздухе силами истребительной авиации было невозможно, именно перед экипажами бомбардировщиков стояла задача нанесения противнику максимального ущерба посредством организации точечных ударов небольшими группами. В связи с этим, основные цели советской бомбардировочной авиации в Китае можно разделить на три категории.

Первую составляло уничтожение авиабаз и аэродромов противника. В условиях, ограниченного запаса горючего, боеприпасов, техники, нехватки летного состава вести борьбу с самолетами противника непосредственно в воздухе было малоперспективно. Истребителей было недостаточно даже для полноценного осуществления защиты аэродромов и сопровождения бомбардировщиков во время боевых вылетов. Зенитная артиллерия Китая также была сосредоточена в немногочисленных стратегически важных пунктах. В этой связи, гомиьндановские войска, многие населенные пункты, коммуникации оставались без прикрытия. Нередко японская авиация наносила воздушные удары совершенно беспрепятственно. Следовательно, для немногочисленных китайских ВВС наиболее эффективным контрударом становилось уничтожение самолетов противника на земле.

Вторую категорию целей советских бомбардировщиков составляли военные корабли и транспорты ВМФ Японии. В 1930-е гг. гомиьндановский военный флот был малочисленным и устаревшим. В первые месяцы войны он был почти полностью уничтожен противником. Блокада морского побережья Китая императорским военным флотом практически не встретила сопротивления. Подразделения ВМФ стали для японской группировки вторжения важным фактором в успешном осуществлении агрессии. Боевые корабли и транспорты выполняли следующие задачи: передислокация войск, обеспечение действий морской авиации, высадка десантов, артиллерийские обстрелы вражеских объектов на реках и морском побережье.

Учитывая сложный рельеф Китая, малую протяженность железных и автомобильных дорог, их низкую пропускную способность и неудовлетворительное состояние, контроль над речными магистралями и портами приобретал стратегическое значение. Отсутствие традиционных мер противодействия (береговая артиллерия, минные заграждения, речная флотилия) требовало поиска альтернативных путей пресечения продвижения противника во внутренние районы страны. В этой ситуации китайская бомбардировочная авиация становилась практически единственным мобильным и оперативным средством для нанесения ответного удара по императорскому ВМФ.

Тесно связанной с предыдущей являлась третья категория целей, которую составляли транспортные узлы и стратегические объекты в глубоком тылу императорских войск. Их уничтожение вынуждало противника корректировать свои планы: менять график перегруппировки войск; срывать сроки поставки техники, горюче-смазочных и других материалов. Кроме того, активность китайской бомбардировочной авиации заставляла японское командование привлекать часть истребительной авиации с фронта для охраны тыла.

В короткие сроки летчиками-бомбардировщиками ВВС РККА была продемонстрирована высокая эффективность в решении поставленных перед ними задач. Уже самый первый удар советских бомбардировщиков, произведенный 2 декабря 1937 г. группами СБ под командованием М. Г. Мачина по аэродрому Шанхая и И. И. Козлова по японским судам на рейде Цзяниня, принес значительные результаты. По воспоминаниям участника событий Ф. И. Добыша, на земле «было уничтожено примерно 30-35 самолетов противника, взорваны склады горючего, возникли пожары в ангарах и других подсобных помещениях» [2, с. 185-186]. Данные о результатах авиаудара по военным кораблям несколько разнятся. Китайские информагентства сообщали о двух потопленных и шести поврежденных кораблях. Летчик С. В. Слюсарев утверждал, что были потоплены «большой крейсер, два транспортных судна; на шести других военных кораблях возник пожар» [6]. Тем не менее, советские летчики продемонстрировали свою способность решать боевые задачи даже в условиях практически полного уничтожения китайских ВВС и подавляющего превосходства противника в воздухе. После занятия японцами Нанкина 12 декабря 1937 г. и перебазирования группы М. Г. Мачина в Наньчан, «родной» аэродром под Нанкином стал для них одной из основных целей.

В 1938 г. советские летчики провели целый ряд успешных операций на р. Янцзы. Эта водная магистраль активно использовалась японцами для продвижения во внутренние районы страны. В обстановке, когда командование Национально-революционной армии не име-

ло средств береговой обороны и военного речного флота, перед авиацией стояла задача сдерживать врага, уничтожая транспортные конвои и боевые корабли. Необходимо отметить следующие задания, выполненные советскими бомбардировщиками. 11 января 1938 г. один японский корабль был потоплен, второй получил серьезные повреждения; 19 февраля того же года группа СБ уничтожила канонерскую лодку противника, а 28 февраля – две канлодки и миноносец; 10 июня – были потоплены два судна в районе Уху-Аньцин [6]. И это далеко неполный список.

Не менее активно действовали советские бомбардировщики и по наземным целям. 23 января 1938 г. дважды в течение дня 6 СБ совершили налет на аэродром Уху, 5 СБ на аэродром в Нанкине, 9 СБ на железнодорожную станцию в Шаньчине. В результате в Уху были уничтожены 3 и повреждены 5 самолетов. В Шаньчине подожжен состав с горючим. 24 января 1938 г. СБ бомбардировали японские войска в районе Нингофу и линию фронта в районе Уху – Шаньчин. 26 января 1938 г. 5 СБ эскадрильи М. Г. Мачина атаковали скопления пехоты в районе Нингофу [4, с. 365].

В начале февраля 1938 г., после получения сообщения китайской разведки о создании японцами в Ханьчжоу крупной авиационной базы, советскими летчиками под руководством старшего советника по авиации П. В. Рычагова был разработан план нанесения бомбового удара двумя группами 9 СБ по центральному аэродрому и скоплению японских эшелонов на железнодорожной станции Ханьчжоу. По воспоминаниям участника операции С. В. Слюсарева в результате налета «выведено из строя и уничтожено более 30 японских самолетов, сгорели ангары и склады с военным имуществом» [21, с. 79 – 80].

23 февраля 1938 г. советские летчики в составе группы из 28 СБ совершили беспосадочный перелет через Тайваньский пролив, на расстояние около 1000 км. Бомбовый удар по военной базе на Тайване (Формозе) был столь внезапным, что противник не успел поднять в воздух истребители. С высоты 4000 м. было сброшено 240 бомб [4, с. 375]. По воспоминаниям Ф. П. Полынина, японцы «потеряли 40 самолетов (не считая тех, что находились в контейнерах); сгорели ангары и трехгодичный запас горючего». Все советские самолеты вернулись на аэродром, несмотря на непригодность СБ к полету над большими водными пространствами [2, с. 41 – 43, 45]. 24 февраля 1928 г. английские информанты в Ханькоу вышли с японскими данными и результатах налета, согласно которым «уничтожено – 20 самолетов, сожжено 4 склада с материалами и два склада с горючим, где находились 14 тыс. баков, выведена из строя электростанция, убито 20 летчиков и 10 – ранено» [4, с. 375].

В том же месяце группа из 30 СБ нанесла удар по Тяньцзиню – крупной станции Пукоуской железной дороги. В конце марта 1938 г. авиагруппа Ф. П. Полынина уничтожила железнодорожный и понтонный мосты на р. Хуанхэ [16, с. 163]. По воспоминаниям летчика-бомбардировщика А. И. Пушкина основными целями советских СБ становились «наступающие японские войска и корабли, мосты и аэродромы, часто летали на разведку» [16, с. 247].

Одна из первых попыток бомбометания с большой высоты была предпринята 10 июня 1938 г. Семерка СБ атаковала 22 японских военных корабля у города Датун на Янцзы. Бомбы были сброшены с высоты 8000 м. Позднее китайский наблюдательный пункт, находившийся в 500 – 600 м. от реки сообщил о трех потопленных и четырех поврежденных судах. 25 июня 1938 г. с аналогичной высоты был бомбардирован аэродром Аньцина. Результатом налета стало уничтожение 12 японских истребителей [4, с. 390]. Успешные атаки кораблей императорского ВМФ на Янцзы с высоты 8000 м. были предприняты 11 и 12 августа 1938 г. В результате, за два дня было три судна затонули, одиннадцать получили повреждения [11, л. 18, 81, 81об.].

Общая результативность действий гоминьдановской бомбардировочной авиации против ВВС и ВМФ противника оказалась достаточно высокой. По разным данным ею было потоплено и повреждено от 70 (за лето 1938 г.) до 150 (к концу 1938 г.) судов различного назначения и тоннажа. По китайским данным только в июне 1938 г. бомбардировщики потопили

30 и повредили 20 кораблей. За один день 8 июля было выведено из строя более 10 судов и уничтожено около 20 самолетов [4, с. 391].

Летом 1939 г. к выполнению боевых задач в небе Китая приступили две группы бомбардировщиков ДБ-3 под командованием Г. А. Кулишенко и Н. А. Козлова. Их преимуществом стала возможность атаковать объекты в тылу японских войск. Самым успешным стал налет на аэродром в Ханькоу в сентябре 1939 г. [16, с. 260] (по другим данным 3 октября 1939 г. [4, с. 399]). По воспоминаниям Г. А. Кулишенко «В тот же день западные информагентства сообщили о потере японцами 64 самолетов, позже увеличив эту цифру до 96. В середине октября того же года в результате успешного бомбового удара было уничтожено еще 36 машин» [16, с. 260]. Японские источники подтвердили потерю 50 машин. Был ощутим урон и в личном составе. Во время авианалета погибли семь высших офицеров флота от капитана 1-го ранга и выше, 12 (в том числе контр-адмирал Цукахара) получили ранения [4, с. 400].

Таким образом, вышеизложенный анализ позволяет сделать вывод, что советская бомбардировочная авиация в Китае, в целом, справлялась с задачами различной степени сложности. Летчики ВВС РККА участвовали в нанесении ударов по скоплениям войск противника, железнодорожным узлам, коммуникациям. Важное значение, как уже упоминалось, имели атаки аэродромов противника. Кроме того, крупным успехом советских летчиков стал урон, нанесенный императорскому ВМФ.

Анализ результатов боевых вылетов создавал необходимую базу для дальнейшего совершенствования бомбардировочной авиации. Это относилось к разработке новых тактических приемов, технического обеспечения, методики бомбометания.

В отличие от противника, отдававшего предпочтение массированным воздушным ударам, в которых принимали участие десятки бомбардировщиков, советские летчики действовали, небольшими группами (часто 6–9 машин). Это позволяло скрытно достичь цели, обеспечить внезапность атаки и избежать больших потерь от вражеских ПВО.

Особое значение в ходе боевых действий в Китае приобрело широкое использование советскими летчиками тактики нанесения бомбовых ударов с больших высот. Следует отметить, что до второй половины 1930-х гг. бомбардировщики ВВС РККА действовали преимущественно на высотах 2000–4000 м. Экипажи практически не имели опыта полетов с использованием кислорода и высотного бомбометания. По воспоминаниям С. В. Слюсарева «только отдельные летчики начинали тренировку» [16, с. 210]. В Китае группы СБ часто были вынуждены действовать самостоятельно, вылетая на боевые задания без прикрытия. Это было обусловлено острой нехваткой истребителей и горючего для их заправки. Соблюдая плотное построение экипажи СБ оказывали друг другу необходимую огневую поддержку. Основным критерием успешного противодействия истребителям противника была относительно высокая скорость СБ (до 420 км/ч.), позволявшая уйти от преследования, избегая огневого контакта. Для сравнения, находившиеся на вооружении гоминдановских ВВС, американские бомбардировщики «Боинг» развивали скорость 170–180 км/ч [2, с. 27].

Ситуация стала кардинально меняться в 1938 г. Численность императорских ВВС в Китае серьезно увеличилась. Кроме того, на вооружение японской авиации поступил новый истребитель Ki-27, развивавший скорость до 450 км/ч [2, с. 27]. Этот самолет стал серьезным противником СБ и ДБ. Потери советских боевых машин значительно возросли.

В этой связи, советские летчики были вынуждены изменить тактику. Высота полетов была увеличена до 7500–8500 м [16, с. 210]. Первый практический опыт в области высотных полетов, навыки пилотирования в условиях отсутствия наземных ориентиров, в частности над большими водными пространствами, обеспечили ценный материал для работы конструкторских бюро и развития бомбардировочной авиации.

Несмотря на то, что советские бомбардировщики в целом получили положительную оценку со стороны пилотов, результаты их применения в Китае позволили выявить ряд технических недостатков самолетов СБ и ДБ. Успешное выполнение полетов на большой высоте и на дальние расстояния в условиях ограниченной видимости требовали модернизации

навигационного и кислородного оборудования бомбардировщиков. Рекомендации участников боевых действий сводились к необходимости увеличить потолок высоты СБ; оборудовать самолеты радиопеленгаторами для обеспечения безопасности полетов дальностью 1500–2000 км в условиях отсутствия линейных и опорных ориентиров, а также частой смены погодных условий. Кроме того, для расширения дальности полетов предлагалось предусмотреть возможность увеличения запаса горючего, поскольку «радиус действия СБ равняется радиусу И-97 с подвесными [топливными] баками» [12, л. 5 – 6].

Проведение полетов на больших высотах также выявило ряд серьезных претензий к функционированию кислородного оборудования. Как следовало из доклада «О высотных полетах при боевой работе в Китае самолетов СБ. На высотах от 5000 до 9000 м» старшего лейтенанта С. С. Гайдаренко были установлены случаи замерзания кислородного прибора от попадания в баллон влаги, травления кислорода, ввиду недостаточной герметичности баллонов.

Отмечено неудобное для членов экипажа расположение кислородного оборудования: «У летчика [баллон] установлен далеко в ногах, что в полете не дает возможности добраться. Нужно его вынести на правый борт, повыше. Кислородный прибор в кабине штурмана из практики расположен удобно, но приходилось его переставлять вперед и выше. <...> В виду установки на этом месте сбрасывателя мелких бомб АО-8» [11, л. 43]. Запас кислорода не соответствовал дальности и длительности полета (менее 4 часов на высоте до 9000 м). Конструкция кислородной маски существенно ограничивала поле зрения членов экипажа, мешала пилотированию: «Летчику плохо идти в строю, следить за приборами и ориентировкой, штурману тоже <...> за противником в воздухе и на земле. Проверить летчику и доложить летнабу остались ли бомбы в люках никак не возможно из-за обзора маски» [11, л. 44].

Кроме вышеизложенного, серьезной проблемой стало обеспечение экипажей достаточным запасом кислорода. По воспоминаниям С. В. Слюсарева, вследствие неудовлетворительного технического состояния части обслуживания китайских ВВС не могли самостоятельно решить эту проблему. В этой связи, советские летчики даже были вынуждены закупать в частных мастерских кислород низкого качества с большим количеством примесей.

При нанесении ударов по объектам, расположенным на значительном расстоянии, неизбежно возникала угроза недостатка кислородного питания. Нередко, чтобы достичь цели, пилоты элементарно экономили запас кислорода, ограничиваясь половиной предписанной нормы. Это нередко приводило к гипоксии и могло стать причиной гибели экипажа [16, с. 211-212]. Следовательно, бесперебойное обеспечение экипажа кислородом при выполнении высотных полетов было одним из важных уроков, полученных советскими летчиками в Китае.

Вместе с тем, опыт, приобретенный советскими летчиками в противостоянии ВМФ Японии, не ограничивался высотными полетами. Война в Китае стала дебютом для пилотов ВВС РККА, участвовавших в нанесении ударов по морским и речным целям. Следует учитывать, что в СССР в 1930-е гг. морская авиация, как род войск, находилась только в стадии формирования. Ее задачи были весьма ограниченными и сводились к ведению разведки и аварийно-спасательных операций. В частности, в 1934 г. несколько летчиков Черноморского флота принимали участие в спасении экипажа парохода «Челюскин». В СССР не было стандартизации самолетов морской авиации, авианесущие корабли отсутствовали.

В отличие от Великобритании, впервые использовавшей самолеты в борьбе на море в период Первой мировой войны, опыт флота Российской империи был ничтожно мал и сводился в большей степени к экспериментированию, чем к широкому применению. В период гражданской войны в России и конфликта на КВЖД самолеты РККА наносили удары по морским и речным целям. Однако это были скорее отдельные эпизоды, а не регулярная боевая практика, как это было в морской авиации Великобритании.

Следовательно, советские летчики не имели опыта полетов над морем на большие расстояния. Серьезной проблемой стала разработка приемов атак вражеских кораблей и судов, уничтожения переправ и иных морских и речных объектов. Пилоты РККА не разбирались в

классификации японских кораблей, их тактико-технических характеристиках; не имели представления о наиболее уязвимых местах объекта нападения, возможностях корабельных средств ПВО. Тем не менее, как указывалось выше в течение 1937-1938 гг. императорскому флоту был нанесен существенный урон. Опыт, полученный советскими летчиками в Китае, мог иметь огромное значение в подготовке пилотов военной-морской авиации СССР.

Уже первые вылеты существенно обогатили тактические приемы советских пилотов. Было установлено, что «методы бомбардировки по кораблям могут применяться самые разнообразные – с горизонтального полета, с пикирования, с бреющего полета и т.д. Но главное состоит в том, что во всех случаях атака бомбардировщиков должна быть прицельной, по точным расчетам, так как для вывода корабля из строя требуется либо прямое попадание бомбы или расстояние до 10 м от него. С целью большей вероятности попадания заходы на корабль лучше всего производить под углом 45° к его оси. Если корабли стоят на рейде группой нераспределенно, то бомбить целесообразно по площади: – если бомбы среднего калибра (100 кг), серией залпов по две бомбы с интервалом 20–30 м, если бомбы крупного калибра (250–500 кг), то серией одиночных бомб с интервалом 30–40 м. Если позволяет обстановка, при наличии тяжелых бомб, одиночные корабли лучше бомбить с нескольких заходов, сбрасывая по одной бомбе и уточняя расчеты после однократных наблюдений» [4, с. 359].

В зависимости от специфики боевого задания нередко менялись требования к техническому оснащению самолетов. По понятным причинам внести существенные корректировки в конструкцию СБ и ДБ было невозможно. Китай не располагал авиаремонтными заводами. Кроме того, это потребовало бы большого времени. Рассчитывать на быстрое переоснащение самолетов на отечественных предприятиях также не приходилось. Тем не менее, некоторые усовершенствования советским специалистам удалось реализовать непосредственно в Китае.

Например, одно из требований пилотов к технической оснащенности боевых машин удалось удовлетворить на базе в Ханькоу [2, с. 38 – 39]. Увеличение высоты полета осложняло нанесение прицельного удара, в особенности это касалось бомбардировок переправ, транспортных коммуникации, кораблей и судов противника. Для увеличения вероятности попадания требовалось накрыть большую площадь. Данное обстоятельство ставило вопрос об увеличении бомбовой нагрузки.

Это техническое решение было осуществлено советскими специалистами непосредственно на месте. Опытным путем было установлено, что нормативы боевой загрузки СБ занижены. В бомболюке одного из самолетов были размещены два дополнительных ящика для 12 осколочных бомб АО-10 или 18 АО-8. В течение недели ящиками-кассетами были оборудованы все самолеты группы Ф. П. Понынина. Это позволило увеличить бомбовую нагрузку с 600 кг до почти 800 кг [4, с. 369].

Несмотря на противоречивое состояние, сложившееся в советских ВВС и авиапроме во второй половине 1930-х гг., вследствие кадровых перестановок и репрессий, опыт локальных конфликтов в Европе и в Китае был учтен при модернизации бомбардировщиков. В 1939 г. в СССР в серийное производство был запущен СБ-бис 2. На новом самолете была установлена бронезащита для пилота и бортстрелка; серьезно усовершенствовано бортовое вооружение. Максимальная скорость машины возросла до 419 км/ч. Бомбовая нагрузка увеличилась до 1600 кг [17, с. 78].

Вместе с тем, особенности боевых задач накладывали отпечаток не только на техническую составляющую подготовки к полетам, но и требовали серьезной корректировки методик обучения экипажей. Для ВВС РККА испанский и китайский театры военных действий (ТВД) стали первым реальным полем боя. Противниками советских летчиков стали военно-воздушные силы Германии, Италии, Японии – промышленно развитых стран, переживавших очередную виток масштабной милитаризации. Кроме того, личный состав ВВС этих государств характеризовался весьма высоко.

Следовательно, исход боя во многом зависел как от тактико-технических характеристик самолетов, так и от качества летной подготовки экипажей. Летчики ВВС Японии, по-

сле окончания училищ, проходили достаточно суровую школу обучения в войсках и на кораблях ВМФ, включавшую полеты на дальние расстояния. Плохие погодные условия, высокая аварийность не являлись препятствиями для плановой учебы. В ряде подразделений императорской авиации при выполнении учебных воздушных схваток, для того чтобы максимально приблизить поединок к реальным условиям, пилоты даже получали несколько боевых патронов для авиапулеметов [17, с. 26 – 27].

Полученные знания и навыки японские летчики реализовали в сражениях. Как уже упоминалось, они нанесли значительный урон гомиьндановской авиации. В ходе боевых действий в Китае японские бомбардировщики «Нелл» (Тип 96), базировавшиеся на Кюсю и Тайване (Формоза), совершали вылеты для нанесения ударов по Шанхаю, Ханчжоу, Нанкину и другим городам протяженностью 1250 км [20, с. 27]. Таким образом, советским летчикам в Китае противостоял хорошо подготовленный и идеологически мотивированный враг.

Следует также учесть, что, в отличие от европейских стран и США, нередко не скрывавших, по политическим соображениям, свои достижения в области военного авиационного строительства, развитие ВВС империи Восходящего солнца проходило в условиях повышенных мер секретности. Японцы, закупали самолеты и вооружение в других государствах, тщательно изучали опыт зарубежных авиационных школ. При этом они тщательно скрывали достижения своих ВВС. Принимались меры по дезинформации иностранных разведок. В этих условиях, СССР не располагал полноценной информацией о реальном состоянии военной авиации своего потенциального противника.

Несмотря на эти обстоятельства, в отличие от боевых действий на Пиренеях, в Китае советская бомбардировочная авиация выполняла более широкий круг задач и действовала значительно результативнее. Экипажами были отработаны взлет и посадка в сложных природно-климатических и погодных условиях, в том числе на ограниченные площадки, расположенные в горной местности. Освоены приемы выполнения боевых задач без истребительного прикрытия, действия в группе для совместной борьбы с истребителями противника.

Параллельно были выявлены наиболее слабые стороны подготовки экипажей советских бомбардировщиков, требовавшие корректировки на этапе обучения в летных училищах. В частности, на выполнении ряда заданий негативно сказывалось отсутствие у пилотов навыков полетов в условиях ограниченной видимости. Это давало существенные преимущества японской авиации, которая активно действовала в темное время суток, совершая нападения группами 9-18-27 самолетов. При этом общее количество бомбардировщиков, участвовавших в операции, доходило до 80 [12, л. 6]. В отличие от противника, советские экипажи не могли осуществлять полеты подобного рода, не говоря уже о ведении боя.

Столь же неудовлетворительной оказалась первоначальная подготовка штурманов бомбардировочной авиации РККА. Данная тенденция, в условиях горной местности, отсутствия линейных и опорных ориентиров, часто становилась причиной потери курса и срыва боевого задания [12, л. 7]. Следует учесть, что в 1930-е гг. советская система подготовки летчиков только создавалась. С одной стороны, население СССР по праву гордилось достижениями отечественной авиации, которые в основном сводились к рекордам высоты, дальности полета. С другой – подготовка обычного советского военного пилота была намного ниже, чем в США, европейских странах, Японии. Сказывались и недостатки общеобразовательной системы СССР, низкий уровень технической грамотности, сокращенные программы обучения будущих летчиков, малое количество часов налета.

В июне 1938 г. группа бомбардировщиков (12 машин) под командованием Т. Т. Хрюкина вылетела для нанесения удара по вражеским кораблям в Нанкине. При подходе к цели самолеты попали в зону сильной облачности. Экипажи, не имевшие опыта полетов вслепую, потеряли ориентировку и рассредоточились. Радиопереговоры в этих условиях были запрещены. В результате, командир так и не смог собрать группу и достичь цели. В сложившейся ситуации единственно правильным решением было возвращение на аэро-

дром. Группа Хрюкина вернулась на свою базу в полном составе, не понеся потерь. Однако, задание не было выполнено [14, с. 69 – 70].

18 августа 1938 г. группа СБ вылетела для бомбардировки японской эскадры. Участник операции С. В. Слюсарев вспоминал: «У города Хукоу на реке мы увидели в просвет большую группу кораблей противника, но, пока подошли, она оказалась закрыта облачностью. Вдали просматривалась другая группа из 30 военных кораблей и транспортных судов. Решено было идти к этой цели, так как внизу появилось до 30 истребителей противника. Наше долгое пребывание в районе цели позволило противнику обнаружить нас, и, когда мы легли на боевой курс, зенитная береговая артиллерия, а потом и корабельная открыли интенсивный заградительный огонь» [16, с. 212]. В результате, ни одна из целей не была поражена.

Однако, совокупность приобретенных знаний и навыков позволили сформировать практические рекомендации для внедрения в практику ВВС. В частности, в докладе Т. Т. Хрюкина были представлены следующие предложения к вопросам тактического применения бомбардировочной авиации:

1. Не допускать частой реорганизации частей и изменений экипажа, поскольку это снижает боеспособность подразделений.

2. При комплектовании бригады СБ включать в ее состав один истребительный полк для обороны аэродромов и сопровождения при налетах.

3. На этапе подготовки обязательно отрабатывать сопровождение СБ истребителями на весь радиус действия, полеты на предельные радиусы и высоты с посадкой и бомбометанием на чужих аэродромах и полигонах.

4. Обратит повышенное внимание на отработку боевого строя звена как основы строя эскадрильи и полка. На этапе подготовки к вылетам заранее изучать материальную часть, аэродромную сеть, крупные оборонные объекты, железнодорожные узлы противника с точным описанием и схемами всех объектов.

5. Уделить внимание на подготовку собственной аэродромной сети: в связи с малым радиусом действия СБ аэродромные узлы из 4–5 аэродромов и посадочных площадок располагать с удалением друг от друга не ближе 100 км для возможности маневрирования.

6. В качестве лучшего боевого порядка использовать девятку в клине звеньев, как наиболее выгодную при обороне от истребителей и зенитной артиллерии. При воздушном бое вести только оборонительный бой в сомкнутом строю на сокращенных дистанциях [11, л. 41-42].

Таким образом, следует отметить, что боевые действия в Китае имели важное прикладное значение в развитии как истребительной, так и бомбардировочной авиации СССР. Это было особенно важно, т. к. в период с лета 1938 г. по март 1940 г. Советский Союз принял участие в ряде масштабных вооруженных конфликтов. Следует отметить, что даже в ходе трехнедельного противостояния с японскими войсками на озере Хасан РККА использовала бомбардировщики. Конфликт на Халхин-Голе и советско-финская война, продолжавшиеся несколько месяцев, характеризовались массовым участием бомбардировочных бригад и авиадивизий Красной Армии. И в Монголии, и в Финляндии личному составу ВВС РККА приходилось действовать в сложной метеорологической обстановке, на незнакомой территории (полупустыня, степь, зимняя лесистая местность), условиях ограниченной видимости.

Кроме того, в период конфликта на р. Халхин-Гол советские пилоты вели тяжелые бои с японской авиацией. В течение мая-июня 1939 г. урон, понесенный ВВС РККА, значительно превышал потери противника. Потребовались кардинальные меры, чтобы завоевать господство в воздухе. Таким образом, опыт боевых действий в Китае мог иметь огромное значение для успешного осуществления заданий командования, минимизации потерь.

Однако материалы, подготовленные советскими летчиками по результатам спецкомандировок в Китай, не ограничивались исключительно анализом воздушного боя. Они

также позволяли выявить сильные и слабые стороны в обеспечении безопасности аэродромов.

Налеты на японские аэродромы в окрестностях Шанхая продемонстрировали большую значимость маскировки аэродромов и посадочных площадок. Как впоследствии отмечали в отчетах советские специалисты, несмотря на то, что «бомбардировщики ходили над городом 15 минут и были не в состоянии обнаружить аэродром, замаскированный под рисовые поля, а легкие щитовые постройки хорошо закрывали самолеты» [4, с. 359]. Для маскировки аэродромов также применялись легкие щитовые сооружения, отдельные постройки, высадка деревьев, посыпка дорожек известью, гравием, красной глиной под цвет местности, выжигание травы, камуфлирование летного поля под рисовые поля. В результате, если маскировка хорошо известных аэродромов большого эффекта не приносила, то построенные уже в ходе боевых действий до 15 новых аэродромов обнаружить было крайне сложно [4, с. 359].

Как следует из доклада советника по авиации, майора П. Анисимова «Соображения о недочетах материальной части и боевой подготовки волонтерской авиации в Китае» от 9 апреля 1940 г. в течение сентября-ноября 1939 г. основные усилия японской авиации были направлены на уничтожение аэродромов базирования китайских ВВС [12, л. 7]. Поскольку в случае успеха бомбардировка авиабазы несла прямую угрозу одномоментной потери техники, боеприпасов, горюче-смазочных материалов, это отчетливо продемонстрировало важность инженерной подготовки аэродромной сети. На основе опыта, полученного советскими специалистами, были сформулированы требования, которым должны соответствовать аэродромы в боевой обстановке.

Так, наблюдения показали, что прямоугольные посадочные площадки, преобладавшие в Китае, легко обнаруживались авиацией противника. Следовательно, в целях маскировки аэродромы должны иметь неправильную форму. Для вывода самолетов за пределы аэродрома необходимо иметь максимальное количество выводных дорожек, оканчивающихся небольшими замаскированными площадками, которые фактически отсутствовали в практике ВВС СССР. На границах полосы подхода рекомендовалось разместить укрытия для летного и технического состава, а также высадить низкие кустарники и деревья с широкой листвой. В планировании зеленых насаждений учитывать максимальную маскировку самолетов и возможность вылета непосредственно из укрытия. На случай размягчения грунта в период сильных осадков предлагалось предусмотреть специальную взлетно-посадочную полосу [12, л. 7-8]. В совокупности данные меры должны были снизить риски уничтожения техники и личного состава в местах базирования.

Таким образом, боевая практика в Китае позволила советским пилотам накопить опыт, наилучшим образом изучить тактико-технические характеристики своих самолетов и даже внести отдельные доработки в их конструкцию, а анализ боевых вылетов существенно пополнил арсенал тактических приемов советской авиации.

Список источников и литературы

1. Mitter, R. (2013). *Forgotten Ally: China's World War II, 1937-1945*. New York: Houghton Mifflin Harcourt Publishing Company. 2013. 464 p.
2. В небе Китая. 1937-1940. Воспоминания советских летчиков-добровольцев / Сост., отв. ред. Ю. В. Чудодеев. Москва: Наука, 1980. 381 с.
3. *Военно-морское соперничество и конфликты в 1919-1939 гг.* (2003) / Ред.-сост. А. Е. Тарас. Минск: Харвест. 528 с.
4. Демин, А. А. (2008). *Авиация великого соседа: в 2-х кн. Кн. 1: У истоков китайской авиации*. Москва: Фонд содействия авиации «Русские витязи». 544 с.
5. Дубинский, А. М. (1980). *Советско-китайские отношения в период японо-китайской войны. 1937-1945 гг.* Москва: Мысль. 279 с.

6. Иванов, В. В. (2015). *Советские летчики-добровольцы против военно-морского флота Японии в период японо-китайской войны 1930-е гг.* // Современные проблемы науки и образования. № 2-3. URL: <https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=23624> (дата обращения: 20.11.2019).
7. Клавинг, В. В. (2004). *Япония в войне*. Москва: АСТ, Транзиткнига. 477 с.
8. Окорочков, А. В. (2013). *В боях за Поднебесную. Русский след в Китае*. Москва: Вече. 336 с.
9. Окорочков, А. В. (2007). *Русские добровольцы*. Москва: Яуза, Эксмо. 368 с.
10. *По дорогам Китая. 1937-1945. Воспоминания* (1989) / Сост., отв. ред. Ю. В. Чудодеев. Москва: Наука. 368 с.
11. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 29. Оп. 34. Д. 286.
12. РГВА. Ф. 29. Оп. 34. Д. 568.
13. Русско-китайские отношения в XX в.: материалы и документы. Т. 4. Советско-китайские отношения. 1937-1945 гг. Кн. 1: 1937-1944 гг. / Отв. ред. С. Л. Тихвинский. Москва: Памятники исторической мысли, 2000. 870 с.
14. Рытов, А. Г. (1970). *Рыцари пятого океана*. Москва: Воениздат. 376 с.
15. Сапожников, Б. Г. (1977). *Китай в огне войны (1931-1950)*. Москва: Наука. 1977. 351 с.
16. *Советско-японские войны 1937-1945: сборник* (2009) / Отв. ред. Г. Пернавский. Москва: Яуза; Эксмо. 416 с.
17. Солонин, М. С. (2006). *На мирно спящих аэродромах... 22 июня 1941*. Москва: Яуза, Эксмо. 576 с.
18. СССР и Китай в совместной борьбе с японской агрессией в годы Второй мировой войны: Центральный музей Великой отечественной войны. Мемориальный музей антияпонской войны китайского народа. Москва: Вече, 2015. 160 с.
19. Хаттори, Т. (2000). *Япония в войне 1941-1945 гг.* СПб.: Издательство Полигон. 880 с.
20. Хоригоши, Д. (2001). *«Зеро!» Японская авиация во Второй мировой войне.* / Д. Хоригоши, М. Окумия, М. Кайдин; пер. с англ. А. Г. Больных. Москва: АСТ. 461 с.
21. Чудодеев, Ю. В. (2017). *На земле и в небе Китая: советские военные советники и летчики-добровольцы в Китае в период японо-китайской войны 1937-1945 гг.* Москва: Институт востоковедения РАН. 224 с.
22. Чудодеев, Ю. В. (1989). *Советские летчики в Китае* // Проблемы Дальнего Востока. № 4. С. 131-139.

References

1. V nebe Kitaya. 1937-1940. Vospominaniya sovetskikh letchikov-dobrovol'tsev [In the sky of China. 1937-1940. Memoirs of Soviet volunteer pilots]. Comp., ed. Yu. V. Chudodeev. Moscow, Nauka Publ. 1980. (in Russian).
2. *Voенно-морское соперничество и конфликты в 1919-1939 гг.* (2003). [Naval rivalries and conflicts in 1919-1939]. Comp., ed. A. E. Taras. Minsk, Kharvest Publ. (in Russian).
3. Demin, A. A. (2008). *Aviatsiya velikogo sosedya*. Кн. 1: U istokov kitayskoy aviatsii. [Aviation of the great neighbor. Book 1: At the origins of Chinese aviation.]. Moscow, Fond so-deystviya aviatsii «Russkie vityazi». (in Russian).
4. Dubinskiy, A. M. (1980). *Sovetsko-kitayskie otnosheniya v period yaponno-kitayskoy voyny. 1937-1945.* [Soviet-Chinese Relations during the Sino-Japanese War. 1937-1945]. Moscow, Mysl' Publ. (in Russian).
5. Ivanov, V. V. (2015). *Sovetskie letchiki-dobrovol'tsy protiv voенно-морского флота Yaponii v period yaponno-kitayskoy voyny 1930s.* [Soviet volunteer pilots against the Japanese Navy dur-

ing the Sino-Japanese War, 1930s.] in *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*, 2-3. URL: <https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=23624> (date accessed: 20.11.2019).

6. Klaving, V. V. (2004). *Yaponiya v voyne*. [Japan at war]. Moscow, AST Publ., Tranzitkniga. Publ. (in Russian).

7. Okorokov, A. V. (2013). *V boyakh za Podnebesnyu. Russkiy sled v Kitae* [In the battles for the Celestial Empire. Russian trace in China]. Moscow, Veche Publ. (in Russian).

8. Okorokov, A. V. (2007). *Russkie dobrovol'tsy*. [Russian volunteers]. Moscow, Yauza Publ., Eksmo Publ. (in Russian).

9. *Po dorogam Kitaya. 1937-1945. Vospominaniya*. [On the roads of China. 1937-1945 Memories]. Comp., ed. Yu. V. Chudodeev. Moscow, Nauka Publ. 1989. (in Russian).

10. Rossiyskiy gosudarstvennyy voennyi arkhiv (RGVA). [Russian State Military Archives]. F. 29. Op. 34. D. 286. (in Russian).

11. RGVA. F. 29. Op. 34. D. 568. (in Russian).

12. *Russko-kitayskie otnosheniya v XX veke: materialy i dokumenty*. T. 4: *Sovetsko-kitayskie otnosheniya. 1937-1945*. Kn. 1: 1937-1944. [Russian-Chinese Relations in the 20th Century: Materials and Documents. Volume 4: Soviet-Chinese relations. 1937-1945. Book. 1: 1937-1944]. Ed. S. L. Tikhvinskiy. Moscow, Pamyatniki istoricheskoy mysli Publ. 2000. (in Russian).

13. Rytov, A. G. (1970). *Rytsari pyatogo okeana*. [Knights of the Fifth Ocean]. Moscow, Voenizdat Publ. (in Russian).

14. Sapozhnikov, B. G. (1977). *Kitay v ogne voyny (1931-1950)*. [China on fire (1931-1950)]. Moscow, Nauka Publ. (in Russian).

15. *Sovetsko-yaponskie voyny 1937-1945: sbornik*. [Soviet-Japanese Wars 1937-1945: collection]. Ed. G. Pernavskiy. Moscow, Yauza Publ.; Eksmo Publ. 2009. (in Russian).

16. Solonin, M. S. (2006). *Na mirno spyashchikh aerodromakh... 22 iyunya 1941*. [On peacefully sleeping airfields... June 22, 1941.]. Moscow, Yauza Publ.; Eksmo Publ. (in Russian).

17. *SSSR i Kitay v sovместnoy bor'be s yaponskoy agressiey v gody Vtoroy mirovoy voyny: Tsentral'nyy muzey Velikoy otechestvennoy voyny. Memorial'nyy muzey antiyaponskoy voyny kitayskogo naroda*. [USSR and China in the joint fight against Japanese aggression during the Second World War: Central Museum of the Great Patriotic War. Memorial Museum of the Anti-Japanese War of the Chinese People.]. Moscow, Veche Publ. 2015. (in Russian).

18. Khatatori, T. (2000). *Yaponiya v voyne 1941-1945*. [Japan in the War 1941-1945]. St. Petersburg, Poligon Publ. (in Russian).

19. Khorikoshi, D. (2001). «Zero!» *Yaponskaya aviatsiya vo Vtoroy mirovoy voyne*. ["Zero!" Japanese Air Force in World War II.]. D. Khorikoshi, M. Okumiya, M. Kaydin; translated by A. G. Bol'nykh. Moscow, AST Publ. (in Russian).

20. Chudodeev, Yu. V. (2017). *Na zemle i v nebe Kitaya: sovetskie voennye sovetniki i letchiki-dobrovol'tsy v Kitae v period yapono-kitayskoy voyny 1937-1945*. [On the ground and in the skies of China: Soviet military advisers and volunteer pilots in China during the Sino-Japanese War, 1937-1945.]. Moscow, Institut vostokovedeniya RAN. (in Russian).

21. Chudodeev, Yu. V. (1989). *Sovetskie letchiki v Kitae* [Soviet pilots in China] in *Problemy Dal'nego Vostoka*, 4. 131-139. (in Russian).

Колесникова М. Е.

(Ставрополь)

Танцегова А. В.

(Москва)

УДК 94(470)

КРАЕВЕДЧЕСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ НА СТАВРОПОЛЬЕ В 1920-Е ГОДЫ: К 100-ЛЕТИЮ ОТЕЧЕСТВЕННОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ

Статья посвящена истории краеведения Ставрополья и Северного Кавказа в 1920-е годы – период становления краеведения в стране. Цель работы – на основе документов центральных и региональных архивов, музейных коллекций восстановить историю первых краеведческих организаций и учреждений на Ставрополье, выявить их роль в отечественной истории, культуре, в развитии научного знания, сохранении историко-культурного наследия. Впервые на основе документального наследия показана роль Ставропольской этнолого-археологической комиссии в развитии краеведческого движения не только на Ставрополье, но и на территории Северного Кавказа. Проанализированы основные направления деятельности этнолого-археологической комиссии по этнографическому изучению Ставропольской губернии, живущих в ней калмыков, ногайцев, туркмен, русских поселенцев, немецких колонистов; археологическому исследованию края с целью выявления, фиксации и постановки на учет памятников старины; культурно-охранительной деятельности; просветительской работе с населением; по проведению археографических и архивных изысканий. Показана роль Ставропольской этнолого-археологической комиссии в координации местных краеведческих сил по изучению Северо-Кавказского региона, установлению тесных научных контактов с краеведами Краснодара, Владикавказа, Ростова-на-Дону, Нальчика, Пятигорска. Введены в научный оборот источники, связанные с деятельностью Г. Н. Прозрителева, одного из основателей Ставропольского краеведческого музея-заповедника, известного общественного деятеля и кавказоведа конца XIX – начала XX вв. Показано, как оформилась система краеведческих организаций на Северном Кавказе, какую роль сыграло образованное в 1922 г. Центральное бюро краеведения (ЦБК), способствовавшее началу «золотого десятилетия» в истории краеведения.

Ключевые слова: краеведение, краеведческое движение, музейная деятельность, охрана памятников древности, Г. Н. Прозрителев, Северо-Кавказское бюро краеведения, советская власть, Центральное бюро краеведения, этнолого-археологическая комиссия

The article studies the history of local history of Stavropol Territory and the North Caucasus in the 1920s, the period of formation of local history in the country. The purpose of the study is to restore the history of the first local history organizations and institutions in the Stavropol Territory based on documents from central and regional archives, museum collections, to identify their role in national history, culture, the development of scientific knowledge, and the preservation of historical and cultural heritage. For the first time, based on documentary heritage the role of the Stavropol Ethnological and Archaeological Commission in the development of the local history movement not only in Stavropol, but also in the North Caucasus is shown. The main activities of the ethnological and archaeological commission for the ethnographic study of the Stavropol province, the Kalmyks, the Nogais, the Turkmens, Russian settlers, German colonists living in it are analyzed; archaeological research of the region in order to identify, fix and register ancient monuments; cultural and protective activities; educational work with the population; archaeographic and archival research. The role of the Stavropol Ethnological and Archaeological Commission in coordinating local lore forces in the study of the North Caucasus region, establishing close scientific contacts with local historians of Krasnodar, Vladikavkaz, Rostov-on-Don, Nalchik, Pyatigorsk is shown. The article introduces the sources related to the activities of G.N. Prozritelev, one of the

founders of the Stavropol Museum-Reserve of Local Lore, a well-known public figure and Caucasian scholar of the late 19th - early 20th centuries. The study shows how the system of local history organizations took shape in the North Caucasus, the role played by the Central Bureau of Local History (CBLH) formed in 1922, which contributed to the beginning of the "golden decade" in the history of local history.

Keywords: local history, local history movement, museum activity, protection of ancient monuments, G. N. Prozritelev, North Caucasus Bureau of Local Lore, Soviet authorities, Central Bureau of Local Lore, ethnological and archaeological commission

DOI: 10.24888/2410-4205-2022-33-4-137-146

В 2022 г. отмечается 100-летие краеведческого движения в России. Несмотря на то, что истоки краеведческих исследований уходят в XVIII в., организационное оформление общественного краеведческого движения в стране связывают с 1922 г., когда было образовано Центральное бюро краеведения (ЦБК). Именно в первые годы советской власти была сформирована система краеведческих организаций, которые стали главными хранителями историко-культурного наследия России. История, традиции и опыт краеведческих организаций, как и сам процесс формирования новой культуры в 1920-е г. представляет научный интерес. Культурные преобразования осуществлялись еще в условиях плюрализма мнений, разнообразия течений, ассоциаций, творческих объединений. Именно начальный этап советского культурного строительства, когда взаимодействовали и противоборствовали различные организационные структуры и формы, наиболее интересен для изучения и использования опыта отношения к культурному наследию.

При изучении истории краеведения в отдельных регионах российские авторы оперируют такими понятиями, как провинциальное краеведение и региональное краеведение. В содержание первого понятия входит историческое краеведение в российской провинции конца XVIII – начала XX в., «краеведческое наследие», оставленное в основном непрофессиональными историками той или иной местности (провинции). Это краеведческое наследие как «историографическое наследие дореволюционных краеведов» оказывает значительное влияние и на региональную историографию, и на общественное сознание, а его изучение помогает понять особенности региональной истории России, поскольку сама история России во многом выступает как история российских регионов [2, с. 315, 318, 338]. В содержание второго понятия входит развитие историко-краеведческих исследований в отдельных регионах России, инфраструктура которых включает не только профессиональные учреждения (в первую очередь, исторические кафедры вузов), но и общественные организации, а соответственно не только ученых-историков, но и любителей [8, с. 198-203; 9, с. 32-33; 10, с. 134-137; 11, с. 204-210; 14].

В 1920-е гг. повсеместно на местах возникали краеведческие организации. Они имели разнообразные организационные формы, применительно к местным условиям (секции, бюро, общества, кружки, музеи, институты и т.д.). Задачами их являлись: инвентаризация, описание и первоначальное систематизирование естественных производительных сил и культурных ценностей отдельного региона, изучение родного края, распространение знаний о нем, сохранение исторических памятников. Во многом краеведческие организации сохранили преемственность с провинциальными научными обществами конца XIX - начала XX вв., так как зачастую, работу в них направляли те же исследователи, которые трудились в научных обществах до 1917 г. При отсутствии научных учреждений в провинции, именно краеведческие общества превращались в «академии наук» на местах.

В 1920 г. краеведческую работу в губерниях Северного Кавказа организовывали комитеты и секции по делам музеев и охраны памятников искусства и старины. Ставропольская секция была образована 7 августа 1920 г. Ее возглавил известный общественный деятель Г. Н. Прозрителев [5, ф. А-2307, оп. 3, д. 141, л. 65; 6, ф. 645, оп. 1, д. 10, л. 4]. Секция занималась организацией государственного учета и охраной культурных ценностей, изуче-

нием вещественных памятников (археологических и исторических) и памятников письменных (архивных), тем самым продолжала деятельность Ставропольской ученой архивной комиссии (1906-1920). Как и другие местные органы, она испытывала недостаток в искусствоведах и музееведах, в материальных средствах, осложняло ее работу и военное положение республики.

Краеведческой работой занимались Окружное методическое бюро при Окружном отделе народного образования и науки и созданное им Ставропольское окружное краеведческое общество [4, с. 182-183]. В работе использовались разнообразные формы и методы - пропаганда охраны памятников, инструкции и разъяснения, инспекторская работа, связь с центральными научными учреждениями, организация экспедиций. Краеведческая работа в губернии строилась в соответствии с «Пятилетним планом краеведческих работ по Северо-Кавказскому краю», который предусматривал, прежде всего, культуросохранительную деятельность [6, ф. 1076, оп. 1, д. 11, л. 69, 244]. Учитывалась и специфика региона - наличие большого количества археологических памятников, ширококомасштабный характер кладочислительства, самовольные раскопки и использование исторических памятников для хозяйственных и строительных работ. На характер и интенсивность краеведческой работы влияли административно-территориальные изменения на Северном Кавказе, многонациональный состав его населения, особенности процесса национально-государственного строительства в регионе.

Важную роль в организации краеведческих сил региона сыграло образованное в 1926 г. Северо-Кавказское бюро краеведения. Члены бюро занимались организацией, учетом, планированием и координацией деятельности краеведческих обществ, кружков, реорганизацией музеев. В составе бюро была образована секция археологии, антропологии, этнографии и истории искусств. Возглавил секцию археолог А. М. Ильин, членами были С. Ф. Войцеховский, Н. М. Егоров, Б. В. Лунин, М. А. Миллер, Г. Н. Прозрителев, Л. П. Семенов и др. [3, с. 13]. Секция объединяла научно-исследовательские и краеведческие организации края, координировала их работу, собирала сведения о предполагаемых археологических работах и лицах их производящих, о памятниках, находках, открытиях и результатах в области археологии, антропологии, этнографии и истории [17, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 22, л. 9]. На III Всероссийской конференции по краеведению в 1928 г., в состав Центрального бюро краеведения (ЦБК) вошло 12 представителей от Северо-Кавказского региона, в том числе А. И. Воскресенский, Г. Ф. Руденко, Г. Г. Григор (г. Краснодар), А. П. Семенов (г. Владикавказ), Е. А. Ларин (г. Пятигорск), Г. Н. Прозрителев (г. Ставрополь) [6, ф. 1076, оп. 1, д. 11, 254, 274; 12; 13, с. 58-84; 18, с. 139-142].

Краеведческими исследованиями занимались и этнолого-археологические комиссии, общества и институты, повсеместно создаваемые на местах. Они осуществляли научно-исследовательские работы по изучению памятников древности, искусства, старины и народного быта; объединяли и координировали работу местных краеведческих обществ; способствовали распространению этнолого-археологических знаний; занимались охраной памятников материальной культуры. Общее руководство их деятельностью осуществляла Российская академия материальной культуры (РАИМК), подчинялись они Академическому центру Наркомпроса.

В начале 1920-х гг. осуществлялись работы по созданию сети этнолого-археологических комиссий на юге России – в Краснодаре, Ставрополе, Владикавказе, Пятигорске и других городах. Организационной работой занимался уполномоченный РАИМК, председатель Северо-Кавказской этнолого-археологической комиссии, профессор Пархоменко (г. Краснодар) [6, ф. 645, оп. 1, д. 9, л. 7]. По вопросу открытия подобной комиссии в г. Ставрополе, в начале 1921 г., велась переписка между Г. Н. Прозрителевым, председателем секции географии и этнографии Совета обследования и изучения Кубанского края профессором Л. Я. Апостоловым и профессором Пархоменко. Последний предложил организовать Ставропольскую этнолого-археологическую комиссию в составе 5-6 местных деятелей.

В ответном письме Г. Н. Прозрителев особо подчеркивал важность этого начинания для спасения и изучения исторических памятников Ставрополь [17, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 29, л. 39-51].

Ставропольская этнолого-археологическая комиссия (СЭАК) была создана постановлением РАИМК от 28 мая 1921 г. [6, ф. 645, оп. 1, д. 7, л. 3] Деятельность комиссии явилась важным этапом в развитии традиций краеведения. Работала она в соответствии с «Положением о деятельности и составе этнолого-археологических комиссий», предусматривавшем избрание членов комиссии и председателя самостоятельно, утверждение их в РАИМК [5, ф. А-2307, оп. 10, д. 134, л. 165 об.]. В состав комиссии вошли энтузиасты, любившие край и стремившиеся познать его историческое и культурное прошлое: ректор Ставропольского сельскохозяйственного института, профессор В. М. Савич; биолог, зоолог, ректор института народного образования г. Ставрополя, профессор, В. А. Вагнер; ученый-агроном М. М. Панков, действительный член Кавказского отдела Русского Географического общества А. В. Чеботарев; учитель истории, археолог О. А. Старосельская; преподаватель Ставропольской женской гимназии, историк и археолог-любитель С. Т. Колмаков; инженер Г. В. Сократов и Ф. Н. Остапенко [5, ф. А-2307, оп. 10, д. 231, л. 35-36.]. Председателем комиссии был избран Г. Н. Прозрителев. К середине 1920-х гг. состав СЭАК значительно увеличился, ее членами стали С. В. Руденко, Ф. И. Маметханов, В. Н. Лучник, С. Б. Эмануэль, А. П. Смердынский, В. Умрихин, И. И. Костомаров, И. В. Сперанский, А. К. Иванова, А. Н. Рубенской, Коробков, Шульц, Воробьев, П. П. Высоцкий, С. М. Невский, А. В. Ильинский [6, ф. 645, оп. 2, д. 7, л. 1; д. 20, л. 9, 14; д. 30, л. 16-17; д. 41, л. 3].

Ставропольская этнолого-археологическая комиссия работала в тесном контакте с музеем Северного Кавказа, краеведческим по своему профилю, планы работы «вела применительно к музею и выделяла по преимуществу вопросы археологии, истории, собирая материал по краю» [5, Ф. А-2307, оп. 10, д. 134, л. 166]. Основными направлениями работы были: этнографическое изучение края (изучение быта иногородцев, живущих в Ставропольской губернии - калмыков, ногайцев, туркмен); изучение быта русских поселенцев и истории их взаимоотношений с «туземным населением»; изучение быта «немецких колонистов» и их влияние на местное население; археологические исследования (изучение старины вокруг г. Ставрополя, с целью выявления, фиксации и постановки на учет памятников старины, раскопки и обследования разрушающихся в ходе строительства курганов); культурно-охранительная деятельность (охрана памятников древности и старины); просветительская работа с населением; археографические и архивные изыскания [6, ф. 645, оп. 1, д. 7, л. 5-8]. Экспедиции, организованные СЭАК, носили комплексный характер, предполагали археологические, антропологические и этнографические исследования, в сочетании с изучением естественной среды обитания древних людей. Такой комплексный подход давал возможность получить необходимый материал для понимания культурно-исторических явлений, происходивших на Ставрополье в древности.

Важную роль СЭАК сыграла в организации археологического изучения губернии и сохранении памятников древности. Несмотря на существующие декреты, постановления, циркулярные обращения Наркомпроса к председателям исполкомов, которые обязывали их «принимать решительные меры для прекращения и предотвращения хищнических раскопок археологических памятников», памятники разрушались в ходе деятельности кладоискателей и строительных работ по возведению плотин, насыпей, прокладки шоссе, землю для которых брали из курганов Ставрополья [5, ф. А-2307, оп. 3, д. 8, л. 2-8, 13, 15, 17; д. 11, л. 1-4, 20]. Единственным средством борьбы с разрушением памятников, по мнению членов комиссии, являлось проведение научных раскопок, выдача открытых листов. В деле охраны памятников работа проводилась по двум направлениям – административная и научно-исследовательская работа. Ставропольская этнолого-археологическая комиссия организовала экспедиции на разрушаемые объекты: 1921г. – на раскопки кургана в с. Безопасном, 1922 г. – Кумо-Манычская экспедиция, 1924 г. – на раскопки кургана по старой Татарской доро-

ге, 1929 г. – Маджарская экспедиция, 1929 г. – на исследование курганов около с. Донского и с. Старомарьевского, 1931 г. – на обследование кургана близ с. Рогатая Балка [6, ф. 645, оп. 1, д. 41; 17, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 18-28]. Проведенные работы дали богатейшие материалы, пополнившие фонды археологического отдела музея Северного Кавказа (располагался в г. Ставрополе).

В культуроохранительной деятельности СЭАК использовала опыт Ставропольский ученой архивной комиссии и организовывала группы сотрудников на местах, из числа учителей, служащих, интересующихся историей и археологией. На возмещение их расходов и затрат музей Северного Кавказа в 1921 г. выделил 100 руб. [1, ф. 2, оп. 1, д. 91, 1926, л. 2 об.]. Благодаря деятельности краеведов на местах были предотвращены многие десятки самовольных археологических раскопок курганов. Комиссия отмечала деятельность своих бесплатных помощников-сотрудников – крестьянина с. Надежды В. Т. Умрихина, помогавшего в изучении Надежинского городища, неоднократно участвовавшего в экспедициях комиссии, сделавшего превосходные рисунки и фото [6, ф. 645, оп. 2, д. 30, л. 8]. Общественными помощниками комиссии были и крестьянин с. Благодатного Т. Д. Щегольков (сотрудничал еще со Ставропольской ученой архивной комиссией), заботами которого были спасены и обследованы ряд курганов, рабочий Племхоза П. А. Каменев, учитель школы А. А. Володин, крестьянин с. Татарка М. Чумаков, благодаря которому были спасены золотые предметы, найденные крестьянами при работах на Каряжском городище [17, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 24, л. 127; ед. хр. 28, л. 33-37]. Одной из форм защиты курганов Ставрополья было проведение так называемой охранной линии (окружные канавы вокруг курганов).

Археологическое направление в деятельности Ставропольской этнолого-археологической комиссии было напрямую связано с борьбой с кладоискательством. Так, в 1925 г., в отчете о деятельности комиссии, Г. Н. Прозрителев приводил факты почти одновременного ограбления археологических объектов в 1924 г. у с. Благодарного, с. Надежды, с. Татарки, горы Бударки и близ г. Ставрополя [1, ф. 2, оп. 1, д. 115, 1925 г., л. 3 об.; 6, ф. 1076, оп. 1, д. 10, л. 38]. В 1924 г. члены комиссии провели раскопки скифского кургана на старой Татарской дороге (один из трех курганов, разграбленный кладоискателями) недалеко от г. Ставрополя [6, ф. 645, оп. 1, д. 7, л. 10; ф. 1076, оп. 1, д. 1, л. 21; д. 11, л. 14; 17, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 35, 41]. В погребении, относящемся к концу VII - началу VI в. до н. э., были обнаружены предметы, характерные для богатых захоронений скифского времени, в том числе керамика с орнаментом, выполненном в зверином стиле. Современные исследователи относят это погребение к числу наиболее ранних на Северном Кавказе. Раскопки членов комиссии, хотя и были незавершенными и велись непрофессиональными археологами, являются одной из ярких страниц в изучении скифской культуры на Ставрополье. Во многом их результаты, дополненные исследованиями 1980-х гг., свидетельствуют о пребывании скифов на Ставропольской возвышенности в ранний период своей истории.

В 1924 г. Г. Н. Прозрителевым и членами комиссии было обследовано Каряжское городище [1, ф. 2, оп. 1, д. 115, 1925 г., л. 6]. На территории городища, называемого в народе «городком», местные жители находили бусины, пряслица, металлические предметы, обломки керамики. Все это привлекало внимание кладоискателей. В результате доисследования одного из погребений, был обнаружен наконечник золотой гривны гуннского времени, выполненный в полихромном стиле. Исследователь И. П. Засецкая включила эту находку в свой каталог золотых украшений гуннского времени [7, с. 52-53]. Таким образом, благодаря стараниям членов комиссии для науки были спасены уникальные предметы скифской и гуннской эпох, к изучению которых и сегодня обращаются исследователи. В 1924–1925 гг. членами СЭАК были осмотрены разграбленный курган около с. Благодарного и древнее «становище» у с. Надежды. Небольшие раскопки и сбор подземного материала дали интересный инвентарь и позволили отнести памятники к эпохе бронзы.

В августе 1925 г. Г. Н. Прозрителев получил известие о разрушении кургана у с. Прасковейя при строительстве шоссе от г. Прикумска до с. Прасковейя. Современная дорога

между этими населенными пунктами проходит по правобережной части городища Маджары, которая к тому времени ни разу не осматривалась исследователями. Местными жителями было обнаружено большое количество археологических находок. Председатель комиссии Г. Н. Прозрителев сообщил в Главнауку о факте разрушения кургана и ходатайствовал о выделении 50 руб. на его осмотр и обследование [5, ф. А-2307, оп. 10, д. 131, л. 73]. Несмотря на то, что декретом СНК от 7 января 1924 г. охрана курганов возлагалась на исполкомы местных Советов, предотвратить расхищение находок не удалось. Курган около с. Прасковья находился в черте памятника золотоордынской эпохи – городища Маджары, являвшегося предметом постоянной заботы членов комиссии. Они не раз поднимали вопрос перед РАИМК о продолжении исследований этого уникального памятника и ходатайствовали о признании заповедным участка территории городища Маджары. Впервые вопрос о заповедной зоне на Маджарах был поставлен в октябре 1921 г. [5, ф. А-2307, оп. 10, д. 231, л. 45] В переписке Г. Н. Прозрителева с профессором А. А. Спицыным указывалось на необходимость признать это городище «заповедным» [6, ф. 1076, оп. 1, д. 11, л. 73]. Однако, вопрос о заповеднике долгое время был открыт.

В 1927 г. СЭАК направила на Маджары научную экспедицию во главе с Ф. Маметхановым для обследования разрушаемых объектов [17, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 24, л. 1, 112]. В ходе подготовки экспедиции Г. Н. Прозрителев вел переписку с известным российским археологом В. А. Городцовым. В 1928 г. Ставропольская комиссия получила разрешение ЦБК на проведение археологической экспедиции на развалины Маджар, правда, без ассигнования запрашиваемых средств [6, ф. 645, оп. 2, д. 30, л. 8]. Отсутствие средств не позволило провести широкомасштабных работ, зато была впервые осмотрена часть городища, располагавшаяся в пойме р. Кумы. По итогам работ был составлен обстоятельный доклад, в котором вновь был поставлен вопрос о необходимости охраны городища и его планомерных исследованиях. В 1929 г. СЭАК планировала исследования на Маджарском городище, «Надежинском становище» и обследование курганов близ с. Старомарьевки. Предполагалось организовать работу двух экспедиций. Первую должен был возглавить Ф. И. Маметханов, а вторую Г. Н. Прозрителев. Экспедиции получили специальные маршрутные листы, в которых оговаривались маршруты, сроки и задание [17, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 25, л. 10]. В конце 1920-х гг. Г.Н. Прозрителевым были написаны ряд работ по маджарским древностям [15, 16]. Он занимался обработкой маджарской коллекции в музее Северного Кавказа. В его записках сохранились ценные сведения о наличии памятников золотоордынского времени в окрестностях с. Башанта, с. Падинка, с. Кугульта, г. Ставрополя; ст. Беломечетской, в бассейнах рек Кубань, Теберда и Зеленчук.

Одной из форм охраны памятников древности явилось составление Археологической карты Ставропольской губернии, в которую вошли как известные ранее памятники старины, так и новые, обнаруженные краеведами. Составление археологических карт губерний и областей также являлось одной из задач краеведческих обществ. На основе собранных данных, анализа результатов археологических разведок, описей археологических находок в 1926 г. Г.Н. Прозрителев составил «Археологическую карту г. Ставрополя и его окрестностей», выполненную членом комиссии Сократовым [5, ф. А-2307, оп. 10, д. 231, л. 40; 6, ф. 645, оп. 1, д. 7, л. 15; 17, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 1, л. 8, 10]. Для дополнения археологической карты был разработан «Опросный лист» (регистрационный) и инструкция по его заполнению. Несмотря на допущенные при разработке карты ошибки и неточности, вполне объяснимые для того времени, это была первая попытка обобщения собранной информации о памятниках древности Ставропольской губернии. Карта и сегодня востребована археологами при проведении охранных работ.

Много было сделано членами Ставропольской этнолого-археологической комиссии для сохранения и изучения старинных кладбищ г. Ставрополя – «археологических памятников близ районного прошлого». Так, на старинном кладбище при Варваринской церкви г. Ставрополя, закрытого в 1850-е гг., в 1918 г. проводились дозахоронения и были обнаруже-

ны «черепки битой посуды и древние погребения» [6, ф. 645, оп. 2, д. 1, л. 4, 8]. Проведенный сравнительный анализ находок с территории Варваринского кладбища с аналогичными находками с поселений вокруг г. Ставрополя, позволил Г. Н. Прозрителеву сделать вывод о их взаимосвязи.

Помимо экспедиционной деятельности, члены комиссии организовали работу краеведов по регистрации и учету памятников древности на территории губернии, в первую очередь «каменных баб». В 1926–1927 гг. были зафиксированы каменные статуи в с. Безопасном, Московском, Донском, на хут. Жадана, на меже степи с. Безопасного. Упоминание о местонахождении каменных изваяний является важным свидетельством о культуре древнего населения Ставропольской возвышенности.

В целях установления организационных связей между научными учреждениями и местными краеведческими организациями ЦБК вело учет всех научных экспедиций и командировочных поездок в стране. В 1926 г. на Северном Кавказе работало 26 экспедиций. ЦБК рекомендовало местным краеведам принимать участие в научных экспедициях, организованных другими организациями (промышленных, геологических, лесных и т.д.), которые в летний период вели широкомасштабные исследования на местах в ходе народно-хозяйственного строительства.

Занималась СЭАК и археографической работой, являвшейся традиционным направлением деятельности, так как многие члены комиссии еще до 1917 г. занимались разбором архивов в составе Ставропольской ученой архивной комиссии. Это направление было тесно связано с краеведческой работой. Еще в 1920 г., заведя губернской секцией по делам музеев и охраны памятников искусства и старины, Г. Н. Прозрителев добился прекращения вырезки бумаги из архивных дел для нужд государственных учреждений. Было приостановлено и выдворение архивов из занимаемых ими помещений. Как одна из мер охраны архивов был предпринят их осмотр Г. Н. Прозрителевым, при участии сотрудницы секции М. К. Светловой. Но важнейшим шагом на пути сохранения архивов явилось их разборка при участии архивариусов. Черновые записи и письма Г. Н. Прозрителева, датируемые концом 1920-х гг., рисуют печальное состояние архивов и документов. Из-под его пера выходит несколько научных работ, посвященных вопросам сохранения архивов и их значения для развития краеведческих исследований. В 1930 г. Центральным архивным управлением РСФСР был разослан циркуляр на места об учете материалов Государственного архивного фонда и изъятии церковных архивов. На территории Ставрополя эта работа была поручена СЭАК.

Комиссия вела большую просветительскую работу, устраивала этнографические и археологические выставки с целью ознакомления населения с древней историей края, организовывала и проводила экскурсии с учащимися в места интересные в археологическом и историческом отношении.

Особого внимания заслуживают предпринятые СЭАК попытки координации местных краеведческих силы по изучению Северо-Кавказского региона. Была намечена общая программа краеведческих исследований. Положительным было установление тесных и постоянных научно-творческих контактов краеведов Ставрополя (Г. Н. Прозрителев), Краснодар (Н. А. Захаров), Владикавказа (Л. П. Семенов), Ростов-на-Дону (А. И. Яцимирский), Нальчика (М. И. Ермоленко), Пятигорска (Д. М. Павлов, В. Р. Апухтин) между собой.

СЭАК работала в тесном контакте с музеем Северного Кавказа, имея при нем свое помещение. При музее также была создана специальная комиссия по охране археологических памятников, которая командировала сотрудников на места по тревожным сигналам и назначала уполномоченных на местах для надзора за памятниками и сбора археологического материала для пополнения коллекций музея. Часто такие командировки проводились совместно с этнолого-археологической комиссией. Практиковалось проведение совместных заседаний, на которых заслушивались научные доклады. Музеем Северного Кавказа в этот период отводилась роль культурного политико-просветительского учреждения, что в свою очередь требовало изменения методов работы, перестройки краеведческой экспозиции.

В 1931 г. Ставропольская этнолого-археологическая комиссия отметила десятилетний юбилей. Были подготовлены доклады Г. Н. Прозрителева «О десятилетней деятельности Ставропольской Этнолого-археологической комиссии» и А. В. Ильинского «Краткий исторический очерк деятельности комиссии» [6, ф. 645, оп. 2, д. 35, л. 3, 9; 17, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 29, л. 1-17]. Особо были отмечены заслуги ее председателя Г. Н. Прозрителева, неутомимого организатора краеведческих сил Ставрополья. К юбилею был подготовлен и рукописный вариант сборника Ставропольской этнолого-археологической комиссии под редакцией Г. Н. Прозрителева, к сожалению, так и не опубликованный.

Интересный и плодотворный творческий процесс изучения края был приостановлен в начале 1930-х гг. Именно в этот период усиливается идеологическое давление на краеведческие общества, музеи, что находит отражение в разработке и принятии документов, жестко регламентирующих всю их деятельность. Усиливающееся стремление к политической идеологизации деятельности краеведческих учреждений приводит к разгрому краеведческого движения. Являясь демократичным по своей природе, краеведение не вписывалось в политику, направленную на централизацию науки и всех сфер общественной жизни.

Список источников и литературы

1. Архив Института истории материальной культуры РАН (Архив ИИМК РАН).
2. Бердинских, В. А. (1995). *Русская провинциальная историография второй половины девятнадцатого века*. Москва; Киров. 396 с.
3. Воскресенский, А. И., Ямпольский, М. Л. (1928). *Краеведение на Северном Кавказе и перспективы его развития* // Краеведение на Северном Кавказе. № 1-2. Ростов-на-Дону. С. 6-19.
4. Городецкий, Б. М. (1928). *На новых путях краеведения* // Северо-Кавказский край. № 4-5. Ростов-на-Дону. С. 181-183.
5. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ).
6. Государственный архив Ставропольского края (ГАСК).
7. Засецкая, И. П. (1975). *Золотые украшения гуннской эпохи*. Ленинград. 79 с.
8. Козлов, В. Ф. (2004). *Кафедра региональной истории и краеведения Историко-архивного института РГГУ в учебном процессе и краеведческом движении* // Краеведение в России: История. Современное состояние. Перспективы развития: Материалы Всероссийского семинара краеведов «Любовь к малой родине – источник любви к Отчизне», Зарайск, 30 янв. 2004 г. / Отв. ред. С. О. Шмидт. Москва: Москвоведение. С. 198-203.
9. Козлов, В. Ф. (2000). *Организационные основы современного вузовского краеведения* // Методология региональных исторических исследований: [Российский и зарубежный опыт]: Материалы международного семинара 19-20 июня 2000 г., г. Санкт-Петербург. СПб.: Нотабене. С. 32-33.
10. Кривошеев, Ю. В. (2006). *Историческое регионоведение и высшая школа: некоторые тенденции начала XXI в.* // Краеведение в России: история, современное состояние, перспективы развития. Воронеж-Москва, 2005: Материалы II Всероссийского семинара краеведов «Любовь к малой родине – источник любви к Отчизне» (Воронеж, 31 янв. – Москва, 1 февр. 2005 г.) / Гл. ред. С.О. Шмидт; отв. ред. В. Ф. Козлов. Москва: Ключ-С. С. 134-137.
11. Кривошеев, Ю. В. (2004). *Кафедра исторического регионоведения в Санкт-Петербургском государственном университете: начало и перспективы* // Краеведение в России: История. Современное состояние. Перспективы развития: Материалы Всероссийского семинара краеведов «Любовь к малой родине – источник любви к Отчизне», Зарайск, 30 янв. 2004 г. / Отв. ред. С. О. Шмидт. Москва: Москвоведение. С. 204-210.
12. Лунин, Б. В. (1928). *Археологические раскопки и разведки на Северном Кавказе в 1926 году*. Ростов-на-Дону.

13. Лунин, Б. В. (1928). *Археологические раскопки и разведки на Северном Кавказе в 1927 г.* // Краеведение на Северном Кавказе. № 1-2. Ростов-на-Дону. С. 58-84.
14. Преподавание краеведения и москвоведения в высших учебных заведениях (2001): Сб. науч. трудов. Москва: Москвоведение. 291 с.
15. Прозрителев, Г. Н. (1928). *Новые источники для изучения Маджарских древностей* // Записки Северо-Кавказского краевого общества археологии, истории и этнографии. Т. III. Кн. 1. Вып. 2. Ростов-на-Дону.
16. Прозрителев, Г. Н. (1928). *К вопросу об изучении Маджарских древностей* // Записки Северо-Кавказского краевого общества археологии, истории и этнографии. Вып. 3-4. Ростов-на-Дону.
17. Ставропольский государственный историко-культурный и природно-ландшафтный музей-заповедник им. Г. Н. Прозрителева и Г. К. Праве (СГМЗ).
18. Ямпольский, М. Ш. (1928). *Всероссийская конференция по краеведению* // Краеведение на Северном Кавказе. № 1-2. Ростов-на-Дону. С. 139-142.

References

1. Arkhiv Instituta istorii material'noy kul'tury RAN (Arkhiv IIMK RAN). [Archive of the Institute of the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences (IIMK RAS Archive)]. (in Russian).
2. Berdinskikh, V. A. (1995). *Russkaya provintsial'naya istoriografiya vtoroy poloviny devyat-nadtsatogo veka*. [Russian provincial Historiography of the second half of the nineteenth century]. Moskva; Kirov. (in Russian).
3. Voskresenskiy, A. I., Yampol'skiy, M. L. (1928). *Kraevedenie na Severnom Kavkaze i per-spektivy ego razvitiya* [Local history in the North Caucasus and prospects for its development] in *Kraevedenie na Severnom Kavkaze*, 1-2. Rostov-na-Donu, 6-19. (in Russian).
4. Gorodetskiy, B. M. (1928). *Na novykh putyakh kraevedeniya* [On new ways of local lore] in *Severo-Kavkazskiy kray*, 4-5. Rostov-na-Donu, 181-183. (in Russian).
5. Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii (GARF). [State Archive of the Russian Federation (GARF)]. (in Russian).
6. Gosudarstvennyy arkhiv Stavropol'skogo kraya (GASK). [The State Archive of the Stavropol Territory (GASK)]. (in Russian).
7. Zasetskaya, I. P. (1975). *Zolotyie ukrasheniya gunnskoj epokhi*. [Gold jewelry of the Hunnic era]. Leningrad. (in Russian).
8. Kozlov, V. F. (2004). *Kafedra regional'noy istorii i kraevedeniya Istoriko-arkhivnogo instituta RGGU v uchebnoy protsesse i kraevedcheskom dvizhenii* [Department of Regional History and Local History of the Historical and Archival Institute of RSUH in the educational process and the local history movement] in *Kraevedenie v Rossii: Istoriya. Sovremennoe sostoyanie. Perspektivy razvitiya: Materialy Vserossiyskogo seminarra kraevedov «Lyubov' k maloy rodine – istochnik lyubvi k Otchizne»*, Zaraysk, 30 yanv. 2004 g. Otv. red. S. O. Shmidt. Moscow, Moskvovedenie. 198-203. (in Russian).
9. Kozlov, V. F. (2000). *Organizatsionnye osnovy sovremennogo vuzovskogo kraevedeniya* [Organizational foundations of modern university local lore] in *Metodologiya regional'nykh istoricheskikh issledovaniy: [Rossiyskiy i zarubezhnyy opyt]: Materialy mezhdunarodnogo seminarra 19-20 iyunya 2000 g., g. Sankt-Peterburg*. St. Petersburg, Nota-bene Publ. 32-33. (in Russian).
10. Krivosheev, Yu. V. (2006). *Istoricheskoe regionovedenie i vysshaya shkola: nekotorye tendentsii nachala XXI v.* [Historical regional studies and higher school: some trends of the beginning of the XXI century] in *Kraevedenie v Rossii: istoriya, sovremennoe sostoyanie, perspektivy razvitiya*. Voronezh-Moskva, 2005: Materialy II Vserossiyskogo seminarra kraevedov «Lyubov' k

maloy rodine – istochnik lyubvi k Otchizne» (Voronezh, 31 yanv. – Moskva, 1 fevr. 2005 g.). Gl. red. S.O. Shmidt; otv. red. V. F. Kozlov. Moscow, Klyuch-S Publ. 134-137. (in Russian).

11. Krivosheev, Yu. V. (2004). *Kafedra istoricheskogo regionovedeniya v Sankt-Peterburgskom gosudarstvennom universitete: nachalo i perspektivy* [Department of Historical Regional Studies at St. Petersburg State University: the beginning and Prospects] in *Kraevedenie v Rossii: Istoriya. Sovremennoe sostoyanie. Perspektivy razvitiya: Materialy Vserossiyskogo seminara kraevedov «Lyubov' k maloy rodine – istochnik lyubvi k Otchizne»*, Zaraysk, 30 yanv. 2004 g. Otv. red. S. O. Shmidt. Moscow, Moskvovedenie Publ. 204-210. (in Russian).

12. Lunin, B. V. (1928). *Arkheologicheskie raskopki i razvedki na Severnom Kavkaze v 1926 godu*. [Archaeological excavations and exploration in the North Caucasus in 1926]. Rostov-na-Donu. (in Russian).

13. Lunin, B. V. (1928). *Arkheologicheskie raskopki i razvedki na Severnom Kavkaze v 1927 g.* [Archaeological excavations and exploration in the North Caucasus in 1927] in *Kraevedenie na Severnom Kavkaze*, 1-2. Rostov-na-Donu. 58-84. (in Russian).

14. *Prepodavanie kraevedeniya i moskvovedeniya v vysshikh uchebnykh zavedeniyakh* (2001). [Teaching local history and Moscow studies in higher educational institutions]: Sb. nauch. trudov. Moscow, Moskvovedenie Publ. (in Russian).

15. Prozritelev, G. N. (1928). *Novye istochniki dlya izucheniya Madzharskikh drevnostey* [New sources for the study of Major antiquities] in *Zapiski Severo-Kavkazskogo kraevogo obshchestva arkheologii, istorii i etnografii*, t. III, kn. 1. Vyp. 2. Rostov-na-Donu. (in Russian).

16. Prozritelev, G. N. (1928). *K voprosu ob izuchenii Madzharskikh drevnostey* [On the question of the study of Major antiquities] in *Zapiski Severo-Kavkazskogo kraevogo obshchestva arkheologii, istorii i etnografii*, vyp. 3-4. Rostov-na-Donu. (in Russian).

17. Stavropol'skiy gosudarstvennyy istoriko-kul'turnyy i prirodno-landshaftnyy muzey-zapovednik im. G. N. Prozriteleva i G. K. Prave (SGMZ). [Stavropol State Historical, Cultural and Natural Landscape Museum-Reserve named after G. N. Prozritelev and G. K. Prave (SGMZ)]. (in Russian).

18. Yampol'skiy, M. Sh. (1928). *Vserossiyskaya konferentsiya po kraevedeniyu* [All-Russian Conference on Local History] in *Kraevedenie na Severnom Kavkaze*, 1-2. Rostov-na-Donu. 139-142. (in Russian).

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Вартумян А. А.
(Пятигорск)

**МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ НАКАНУНЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ:
НОВЫЕ ДОКУМЕНТЫ, НЕТРИВИАЛЬНОЕ ПРОЧТЕНИЕ.**

**(Рецензия на сборник статей «Советская политика и пропаганда 1939-1941 гг.:
документы, факты, версии». Москва: Квадрига, 2022. – 184 с.)**

Коллективное исследование российских и израильских авторов посвящено интересной и перспективной теме в области исторических исследований – историографическое описание событий начального этапа Второй мировой войны. Авторы рецензируемого сборника статей предприняли попытку заполнения историографических лакун, благодаря пополнению источниковой базы за счет введения в научный оборот ранее не доступных архивных материалов (преимущественно выявленных в российских архивах). В кругу внимания историков – важные аспекты советской внешней политики, дипломатии, пропаганды 1939-1941 гг.

Рецензируемый сборник хронологически и тематически продолжает издание, выпущенное в 2019 году ассоциацией исследователей российского общества XXI века (АиРО - XXI) [14].

В центре исследовательского интереса авторов – различные аспекты советской внешней политики, ослабление читательского интереса к проблематике, которая еще в 1990-е годы вызывала полемику, дискуссии и остроту политического подтекста. Эта полемика отразилась не только в исследовательской литературе и публицистике, но и выплеснулась на страницы школьных учебников. Историки, политологи, публицисты стали активно использовать термины, которые были почерпнуты из глоссария советской и германской секретной дипломатии предвоенного периода: «сфера влияния» и «сфера интересов» [6; 7; 8; 13; 17; 18].

Сборник является концептуальным комплексным исследованием актуальной научной проблемы по истории Второй мировой войны. Выполнено оно на материалах АВП РФ, Архива Президента РФ, ГА РФ, РГА СПИ, РГА ЛИ, Архив СВР России.

Новые фонды и материалы, извлеченные из архивов, позволили по-новому взглянуть на «локальные» события накануне войны, а Невежину В. А. впервые запустить в научный оборот Архивы внешней политики РФ и совершенно неожиданный и новый источник «Каталог историко-документальной выставки. М., 2021». Сама структура научного исследования состоит из шести глав и комментария от издательства («Квадринга»).

В первой главе прочтение «Польского» дискурса секретного дополнительного протокола к Договору о ненападении между СССР и Германией к.и.н. В. А. Токарев рассматривает различные сюжеты, связанные с генезисом советско-германских договоренностей 1939 г. В чем новизна исследовательских подходов В. А. Токарева? Автор подошел к раскрытию сформулированных конкретных задач путем ретроспективного анализа, осветив не только события начального этапа Второй мировой войны, но и совершив своеобразный экскурс в 1920-1930-е гг. и даже обратился к геополитическим реалиям XIX в.

По мнению В. А. Токарева, актуализация антипольской парадигмы произошла в условиях международного кризиса 1939 года, когда нацистское руководство пришло к выводу о невозможности решить польскую проблему изолированно, не заручившись нейтралитетом СССР (с. 21). Необходимо выделить акценты, расставленные автором, а именно: в недрах германского МИДа задумываются над эксплуатацией советско-польских противоречий тер-

риториального порядка. Новые архивные документы, введенные автором, показывают, что «центральной» дефиницией протокола становится категория «сферы интересов» с ее повышенной геополитической «токсичностью» (с. 22). Автор сформулировал точку зрения, которая утверждала, что советские руководители, условно приняв германскую интерпретацию лексемы, как формы доминирования на сопредельных территориях и ограничения чужого суверенитета, желали придать ей в перспективе аннексионистское содержание. Таким образом, парадоксальное решение Сталина И. В. по обеспечению внешней безопасности СССР за счет раздела Польши удовлетворяло настроения Германии. Следует отметить, что история циклична, события повторяются и через определенное время «подвойные стандарты» могут стать «учебником» для недопущения подобных ошибок. Современный кризис российско-польских отношений имеет в своей основе и рассматриваемый период истории.

Вторая глава «сфера интересов» в контексте советско-германского сближения 1939 г.: политико-правовые аспекты. В. А. Токарев, проделав огромную работу по политико-правовому толкованию отдельных терминов и их интерпретаций утверждает, что «за последние полвека научный анализ лексемы «сфер интересов» обернулся получением множества несовпадающих ответов» (с. 26). Многочисленные суждения и мнения по данному вопросу можно в целом свести к двум историографическим диспозициям, которые условно назовем экспансионистской и паллиативной. Представители первой, по мнению автора, подразумевали под сферами интересов обоюдны право на территориальные приобретения и установления собственного господства на аннексированных территориях (с. 27).

Другая точка зрения (паллиативная) – сферы интересов являлись формой, позволявшей оградить определенные страны и территории от излишнего влияния или вмешательства третьих держав. Автор утверждает, что сосуществующие ныне в научной литературе мнения о «сфере интересов», а также их трансляция на прошлое, заведомо ведут к модернизации интеллектуального фона предвоенной эпохи. В. А. Токарев одним из первых в исторической науке поднимает проблему правового токования привычных исторических терминов. Подобный правовой и герменевтический подходы к изучаемому объекту вполне совпадают с правилами анализа правовых норм: термины должны толковаться в том смысле, какой они имели на момент заключения международных соглашений (с. 30).

Автором приводится хрестоматийная советская трактовка: «сфера интересов – это территории в пределах другого государства, находящиеся под всесторонним монопольным контролем какой-либо державы, что не исключает в будущем инкорпорации этих территорий в состав доминирующей державы» (с. 47). Прозорливость и сценарное предвидение событий позволяет автору «перезагрузить» лексему примирительно к современным событиям. Позиция Российской Федерации в военной операции на Украине «омолаживает» сам термин «сфера интересов» новым конъюнктурным международным подтекстом. Произошло оживление лексемы и содержание термина получила иное смыслоположение.

Третья глава «Гитлер vs Сталин: между двумя «пророчествами», написанная в геополитическом контексте в форме пространственного эссе А. Либина, независимого исследователя из Израиля, сосредоточена на политическом и интеллектуальном противостоянии Сталина и Гитлера, развивавшемся на фоне неоднозначных международных событий 1939-1941 гг. Параллельно автор рассмотрел концепцию гитлеровского антисемитизма в качестве своеобразной основы мотивации фюрера в области внутренней и внешней линии нацистской Германии, приведший в конечном счете к новой мировой войне. По объективным причинам А. Либин мог пользоваться лишь открытыми историческими источниками: мемуарами, дневниками участников событий, периодикой и зарубежной публицистикой.

Из дневниковых источников мы отметим записи видных советских дипломатов и политиков, а также, введенные впервые зарубежные источники мемуаристики [1; 2; 9; 3; 15 5; 20; 21; 22].

В заключении А. Либин, характеризуя заочное интеллектуальное соперничество между Сталиным и Гитлером, приходит к выводу о том, что весь план «Барбаросса» основыв-

вался, в итоге, на категорическом мнении Гитлера, что советский режим, державшийся на «еврейских комиссарах», не выдержит комбинации давления наступающего вермахта и ненавидящих «комиссаров» масс автохтонного населения. Соображения о евреях были интегральной частью мыслительного процесса Гитлера (с. 102). На чисто рациональной основе нельзя было прийти к решению вторгнуться в Россию. Так и считал Сталин, не веривший в безумство высших властителей третьего рейха.

Своеобразным дополнением к статье А. Либины стали комментарии В. А. Невежина, который ввел в оборот ранее неизвестные материалы российских архивов: РГАСПИ, АВП РФ, РГА ЛИ. В результате, выиграл читатель и российская историческая наука. К зарубежной периодике был подобран «архивный код» и публицистика, дополненная строгой научной и архивной конкретикой, «заиграла» в ином информационном поле, доказав перспективность подобных методологических установок, что творческий эксперимент удался.

Следующие две главы сборника принадлежат одному из корифеев современной исторической науки, доктору исторических наук, главному научному сотруднику Института российской истории РАН В. А. Невежину. Рецензируемые главы посвящены тексту доклада Главного управления политической пропаганды Красной Армии о международном положении, подготовленному во второй половине мая 1941 года, с представленным собственным комментарием к нему. Знакомство с этим по-своему уникальным документом дает возможность уяснить, какие конкретно настроения господствовали в умах руководителей советских пропагандистских структур за месяц до начала германской агрессии против СССР.

Различные сюжеты, связанные с деятельностью советской пропаганды в преддверии германского вторжения, в последнее время вызывают повышенное внимание не только со стороны исследователей, но и в современном обществе. Академический интерес к этой проблеме объясняется желанием ученых оценить роль пропагандистских структур в процессе идеологической подготовки к войне. С практической точки зрения привлекательной выглядит возможность оценки активизации деятельности советского политико-пропагандистского аппарата, импульсом которого явились выступления И. В. Сталина перед выпускниками военных академий РККА 5 мая 1941 года, носившие директивный характер. Невежин В. А. убедительно доказывает, что выступление вождя происходило не в «узком круге военных», а соединив две речи (в том числе на банкете) выявил, что помимо собственно выпускников 16-ти военных факультетов гражданских вузов, их начальников, профессоров и преподавателей присутствовали также: члены ЦК ВП (б), народные комиссары, депутаты Верховного Совета СССР, представители высшего командования Вооруженных сил, Герои Советского Союза, Герои социалистического труда. Фактически речь И. В. Сталина была озвучена перед представителями высшей номенклатурной элиты СССР.

Несмотря на наличие большого количества опубликованных работ по данной теме, автору удалось найти уникальный подход к анализу текста этого документа, что выгодно отличает рецензируемый сборник из массы ранее опубликованных трудов [4; 8; 10; 11; 12].

Нестандартной является, и попытка вписать проблему деятельности советской пропаганды в преддверии воны в более широкий контекст научных разработок.

Интересным выглядит тезис о том, что «организационные мероприятия по перестройке пропаганды и агитации в полном соответствии со сталинскими установками, озвученными на церемонии выпуска военных академий в Кремле 5 мая 1941 года, начали проводиться в жизнь буквально на другой день после этого важного события» (с. 121).

В. А. Невежин вводит в научный оборот текст доклада «Современное международное положение и новейшая политика СССР», который сохранился в Российском государственном архиве социально-политической истории. Автор приводит цитату Сталина о международной обстановке накануне войны: «... СССР должен быть готов ко всяким неожиданностям и случайностям и держать порох против каждого империалистического государства, несмотря на наличие пактов и договоров с этим государством» (с. 143). Несомненное достоинство книги - ее современная интерпретация и истолкование. В данной ситуации исто-

рия представляется наукой со множеством футуристических сценариев, задача историка найти соответствующие документы и «осовременить» события нынешнего дня. С этой задачей блестяще справился Невежин В. А., интерпретируя сталинские речи.

Последняя глава сборника посвящена одной из неясных загадок - полет Р. Гесса в Англию и попытка склонить британское руководство к переговорам о заключении мира с Германией. В. А. Невежин, отнюдь не декларируя «амбициозной» цели «разгадать» эту «загадку», предпринял попытку разрешить не менее важную задачу: выявить круг советских источников о деле Гесса мая-июня 1941 г. и проанализировать их содержание. В качестве источников автор использует Архивы внешней политики РФ (АВП РФ) и документы Народного комиссариата иностранных дел СССР. Невежиным В. А. были выявлены ранее не известные сообщения советских дипломатов, работавших за границей, о «деле Гесса», также привлекались документы личного фонда В. М. Молотова, хранящиеся в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ), информацию, которую направляли в Москву советские дипломаты И. М. Майский, В. Г. Деканозов. В рамках проведенного исследования автором сделан вывод: «Британское пространство твердо стоит на точке зрения продолжения войны «до конца» (с. 177). Остаются открытыми вопросы: в какой степени информация о «деле Гесса» повлияла на решение советского руководства, какие решения Сталина в отношении союзничества мог принять советский лидер?

Таким образом, в научный оборот введена фундаментальная исследовательская работа, продолжающая серию исследователей российского общества. Материалы, представленные в исследовательском проекте, ранее не публиковались и представлены на суд исследовательской аудитории впервые. Настоящий труд заполнит «лакуны» отечественной истории и позволит «осовременить» различные оценки и подходы в освещении российской истории.

Список источников и литературы

1. Агрессия. Рассекреченные документы службы внешней разведки РФ 1939-1941. Москва: РИПОЛ классик, 2011. 576 с.
2. *Антигитлеровская коалиция – 1939. Формула провала: Сборник статей* (2019). Москва: Кучково поле, 336 с.
3. Безыменский, Л. А. (2002). *Гитлер и Сталин перед схваткой*. Москва: Вече, 512 с.
4. *Готовил ли Сталин наступательную войну против Гитлера? Незапланированная дискуссия. Сборник материалов* (1995). Москва: АИРО-XX, 185 с.
5. Гудериан, Х. (2018). *Воспоминания немецкого генерала*. Москва: Центрполиграф, 252 с.
6. Дембски, С. (2018). *Между Берлином и Москвой. Германско-Советские отношения в 1939-1940 гг.* Москва: РОССПЭН, 834 с.
7. Еремин, С. В. (2021). *Нацистский режим в зеркале советской пропаганды 1933-1941 гг.* Нижневартонск: ПВГУ, 176 с.
8. Костыренко, Г. В. (2021). *Тайная политика Сталина: власть и антисемитизм*. Москва: Международные отношения, 852 с.
9. Майский, И. М. *Дневник дипломата, Лондон, 1934-1943* (2006). В 2 т. Москва: Наука, 254 с.
10. Невежин, В. А. (2003). *Застольные речи Сталина. Документы и материалы*. Москва: Дмитрий Буланин, 544 с.
11. Невежин, В. А. (2007). *«Если завтра в поход!...» Подготовка к войне и идеологическая пропаганда в 30-х-40-х годах*. Москва: Яуза, 317 с.
12. Невежин, В. А. (1997). *Синдром наступательной войны Советская пропаганда в преддверии «священных боев» 1939-1941 гг.* Москва: АИРО-XX, 219 с.

13. Никонов, В. А. (2020). *Беспамятство. Кто начал Вторую мировую войну*. Москва: БИНОМ, 220 с.
14. Советская внешняя политика и дипломатия 1939-1941 гг.: нетривиальный взгляд на события (2019). Москва: АИРО XXI, 192 с.
15. Хафнер, С. (2018). *Некто Гитлер: политика преступления*. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 250 с.
16. Чиано, Г. (2010). *Дневник фашиста. 1939-1943*. Москва: ООО Издательство «Плацъ», 672 с.
17. Чубарьян, А. О. (2021). *Канун трагедии. Сталин и международный кризис. Сентябрь 1938 – июнь 1941 года*. Москва: Институт всеобщей истории РАН, 476 с.
18. Чубарьян, А. О. (2021). *Научная дипломатия. Историческая наука в моей жизни*. Москва: Весь мир, 608 с.
19. Шпеер, А. (2010). *Шпандау: Тайный дневник*. Москва: Захаров 210 с.
20. Coulondre, V. (1950). *De Staline a Hitler. Souvenirs de Deux Ambassades, 1936-1939*. Parise: Item Preview, 239 p.
21. Kotkin, S. (2017). *Stalin. Vol. II. Wating your Hitler, 1929-1941*. N.-Y.: Penguin Random House LLC, 375 p.
22. Zederxjwcz, W. (1968). *Diplomat in Berlin 1933-1938*. N.Y.: Columbia University Press, 679 p.

Канищев В. В.,
Кунавин К. С.
(Тамбов)

УДК 94(470.326)

ПЕРВЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ РАЗРАБОТКИ ГИС ПО ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ РЕГИОНА БЕЛГОРОДСКОЙ ЧЕРТЫ

Работа по созданию любого геоинформационного ресурса по истории предполагает четыре этапа:

1. Сбор и систематизация исторического материала в форме электронных таблиц;
2. Оцифровка и географическая привязка разновременных карт, планов, чертежей;
3. Локализация и векторизация исторических объектов (создание векторных слоёв);
4. Построение реляционных связей между объектами векторного слоя и табличными данными.

В исторической литературе пока редки работы о применении ГИС-технологий в изучении российской истории раннего нового времени. Главным образом, это статьи и другие материалы, подготовленные группой историков МГУ, РГАДА и Лаборатории исторической геоинформатики Института всеобщей истории РАН в сотрудничестве со специалистами в области естественных наук и информационных технологий [1; 2; 3]. Применительно к истории Белгородской черты нужно обратить внимание на использование элементов ГИС в специальной коллективной работе историков [7].

В данной статье излагаются первые результаты реализации проекта разработки комплексной ГИС по истории Белгородской черты. На начальном этапе работы задача в первую очередь состояла в том, чтобы выработать и апробировать табличные формы изучаемого материала и геоинформационные приемы его пространственного отображения. Сразу оговоримся, что некоторые материалы, которые составители историки-конкретники готовили, так сказать, в широком формате, мы разделили на несколько таблиц, которые в геоинформационной системе удобнее для представлять в виде тематических слоев, выводимых на экран в зависимости от потребной пользователю. В принципе, ГИС-технологии позволяют обработать разнообразные материалы. Но все-таки считаем, что они заранее должны быть оптимизированы.

К настоящему моменту готовы формы для заполнения данных по сооружениям, поселениям, земельным владениям. Хотя основными объектами Белгородской черты были оборонительные сооружения, наиболее важной для нашего проекта является таблица с данными о населенных пунктах, поскольку именно их, используя разновременные источники, мы можем наиболее точно локализовать. Указания на конкретные источники по каждому населенному пункту является следованием общей культуре историка, соблюдением правил оформления исторических публикаций.

В статье мы представляем в качестве образцов фрагменты некоторых таблиц, которые служат базами данных для включения их материалов в геоинформационную систему.

Таблица 1. Поселения Белгородской черты в XVII-XIX вв. (Фрагмент)

уезд	тип_посел	назв-1 - 17 в.	назв-2 - 17 в.	Координаты	год основания	Водоём-17	владелец	кол_жит. 17 в.	Источник	Наместничество	назвВильбр	назвПГМ	Владелец 18в.	кол_жит. 18 в.	Источник 18 в.	тип_посел 19.	назв-1 - 19 в.	кол_жит-19 в.	Источник 19 в.	Современное название
Козловский	село	Белоозеро			1652	Оловай	Федор Иванов	280	РГА-ДА.Ф.1209.Кн.1014.Л.177	Тамбовское	нет									нет
Козловский	слобода	Бельская			1650	Польной Воронеж		170	РГАДА. Ф. 1209. Кн. 1015. Л. 75	Тамбовское	Бельская									р.п. Дмитриевка
Козловский	городок	Бельский			1652	Польный Воронеж		267	РГАДА, ф. 1209, №1015, л. 71	Тамбовское	нет									р.п. Дмитриевка
Козловский	село	Борец			1652	Пора		253	РГАДА, ф. 1209, № 1014, л. 592	Рязанское	Борец									р-н Ряз. Обл.

Таблица, в первую очередь, включает графы с административными и географическими данными, необходимыми для привязки конкретных населенных пунктов к карте. Принадлежность к уезду требуется для того, чтобы сразу ограничить территорию поиска конкретного селения, чтобы избежать путаницу с поселениями разных уездов, имевших одинаковые или очень схожие названия. Знание последующих административно-территориальных преобразований позволяет не потерять местоположение населенного пункта в источниках XVIII-XIX вв. Учет вторых названий в период основания, а также изменений названий в дальнейшие периоды истории вплоть до современности важен для их точной картографической идентификации. В совокупности первоначальные географические сведения дают возможности определить их координаты на географических картах. Конечно, наиболее точные координаты дают отчеты археологов, но, во-первых, они посвящены только главным образом местам укреплений и не могут «объять» все поселения. Во-вторых, точные места некоторых исчезнувших поселений вообще трудно определить [4; 5; 6]. Поэтому мы учитываем неизбежность ситуаций, когда локализация какого-либо поселения будет содержать погрешность до нескольких километров.

Указания на расположение поселений у водоемов имеет для нас двойное информационное значение. Во-первых, эта информация может быть востребована для более точной локализации селения при недостатке других географических сведений. Во-вторых, знание о водоеме позволит связать информацию данной таблицы с другими информационными ресурсами: сведениями о природных условиях для строительства оборонительных сооружений, о возможностях расширения территорий поселений, о реках как путях коммуникаций в зоне Белгородской черты, о роли водных ресурсов в хозяйственном развитии поселений.

Сведения о времени образования населенных пунктов важны для анализа формирования поселенной сети в зоне Белгородской черты, её связи с развитием системы оборонительных сооружений.

Данные о количестве жителей отдельных селений позволяют определить общий человеческий потенциал не только для оборонительных нужд, но и для освоения территории в разных отношениях. Сведения о динамике численности населения в XVIII-XIX вв. дают возможности для изучения степени заселения и хозяйственного освоения важной для Российского государства территории, для определения исторической устойчивости населенных пунктов, возникших в беспокойной, но плодородной зоне южнорусского фронта XVII в.

Данные о частных владельцах дают информацию для анализа процессов возникновения и развития поместного землевладения в зоне Белгородской черты, а также для изучения соотношения государственной и частной инициативы в формировании поселенной сети региона.

Таблица 2. Оборонительные сооружения Белгородской черты в XVII в. (Фрагмент)

№	Направление	Год-1	Вид сооружения - 1	Расположение-1	Ссылка-1	Год-2	Вид сооружения - 2	Расположение-2	Ссылка-2	Степень сохранности
1.	от Усерда к Ольшанску	1669	засека, 2 версты	в большом Иловском лесу, от совр. с. Колтуновка до восточной опушки леса	БЧ. С. 199.					
2.	от Усерда к Ольшанску	1669	надолбы	от засеки к земляному валу	БЧ. С. 199–200.	1676	надолбы в 2 ряда длина – 30 с.	«по конец вала подле леса»	Кн. 97. Л. 859 об.	не сохранилось
3.	от Усерда к Ольшанску		-	-	-	1676	надолбы в 2 ряда длина – 70 с.	«от реки Сосны к земляному валу»	Кн. 97. Л. 859.	не сохранилось

Первой графой этой таблицы № 2 мы сделали направления, имея в виду отдельные отрезки черты, к которым относились конкретные укрепления. В таблице предусмотрены графы для указания лет упоминаний в источниках того или иного сооружения. В ходе работы выяснилось, что в источниках XVII в. встречалось не более двух описаний конкретного укрепления. Относительно городов-крепостей мы приняли решение о том, что их подробные описания будут интегрированы в ГИС в виде отдельных текстовых массивов.

На данном этапе проекта мы решили не накладывать никаких ограничений на объемы описания, поскольку пока нет речи о какой-то итоговой электронной карте и/или набора обычных растровых карт. Форма представления результатов – вопрос вторичный. И решение этого вопроса как раз должно исходить из объемов и качества имеющейся информации, а не наоборот.

Важнейшим элементом табл. 2. является графа о расположении укрепления. При отсутствии точных географических координат привязка к карте осуществляется через центр территории, указанной в описании. С позиций сохранения исторической памяти и в целях предоставления информации для органов охраны памятников истории было решено включить в таблицу графу о степени сохранности объекта как памятника.

Источники позволили составить таблицу об артиллерийском вооружении городов Белгородской черты. Количественные данные таблицы позволяют представить на картах не только расположение, вооруженных артиллерией городов, но и степень их обеспеченности ядрами.

Таблица 3. Военные действия на территории строящейся Белгородской черты и прилегающих территориях

Число, месяц, год	Место	Противник	Дополнения	Источник сведений
26 марта 1635	Валуйки	50 татар	Преследовали от верховий р. Боровой до р. Айдар, взят 1 «язык»	Новосельский. Борьба. С. 232
7-14 мая 1635	Валуйки	Небольшие группы татар нападали на окрестности крепости	В полон брали по 3 – 7 чел.	Новосельский. Борьба. С. 232
Апрель 1641	Курский уезд	Крымские татары	Нападение на три деревни, полон 70 чел.	Новосельский. Борьба. С. 288
Апрель 1641	Усман. стан Воронеж. у.	Азовские татары	Захвачено в полон 16-17 чел.	Новосельский. Борьба. С. 288
Июнь 1641	Воронеж. у сс. Ступпино, Студенки, Нелжа, Карачун, Глушицы, Пекшево, Ситное.	Татары		Глазьев Очерки. С. 50.

В таблице № 3 важным является поле «Место». В зависимости от информации источников указывались конкретный населенный пункт, уезд, стан, группа поселений. Хронология события обозначалась также в зависимости от информации источника (год, месяц, день). Если военные действия на одном участке территории длились несколько дней, они обозначались как одно событие с указанием временного интервала. Информация о противнике и дополнительные сведения о ходе военных действий давалась в предельно краткой форме. Были подготовлены также таблицы социальной структуры и земельных владений отдельных поселений и групп населения, которые позволят учесть в ГИС различные явления социальной истории в зоне Белгородской черты.

Таблица 4. Земельные ресурсы отдельных поселений Белгородской черты

Код	Уезд	тип_посел	наим-1	наим-2	год	пашня (дес)	дикое поле (дес)	сено (жонны)	церковные земли (дес)	примерная земля (четв.)	владельц	добрая земля	всего	церковное сено
1	Тамбовский	село	Борки		1678	288		1000						
2	Тамбовский	село	Алужи		1678	480		1666.		888				
3	Тамбовский	село	Вановье		1678									
70	Козловский	село	Терновая		1652		1342	3425	20			370	1713	40
71	Козловский	деревня	Острая Лука		1652		736	2580	20			250	1090	40
72	Козловский	село	Стаева Поляна		1652		120	400				100	220	

Параллельно с составлением таблиц была произведена географическая привязка подходящих картографических источников. Данная процедура необходима для более корректной поисковой операции географических пунктов и сопоставления территорий на разных хронологических срезах. В рамках этой задачи были привязаны:

1. 6 листов из атласа Вильбрехта 1792 г. (Курское, Харьковское, Саратовское, Воронежское, Тамбовское, Пензенское наместничества)¹.
2. Среднемасштабный план Козловского уезда 1787 г.².
3. Крупномасштабные поуездные планы генерального межевания на уезды Тамбовской, Рязанской и Воронежской губернии (последнее десятилетие XVIII в.).
4. 9 листов карты Стрельбицкого (1871 г.), покрывающие изучаемую территорию³.
5. Несколько современных крупномасштабных топографических планов.

На втором этапе была создана векторная основа (набор векторных слоёв) ГИС, содержащая в себе основные картографируемые объекты.

1. Города и крепости (точечный слой, средний масштаб). Содержит 143 крупных населенных пунктов, существовавшие в изучаемой местности к концу XVII в. В качестве базовых атрибутов имеют ID, название, актуальность масштаба, нижняя и верхняя хронологическая граница существования. Наличие последних двух атрибутов позволит корректно отображать изучаемую местность на любой год.

2. Линии укреплений (линейный слой, мелкий масштаб). Содержит единую линию укреплений по состоянию на конец XVII в. В перспективе линия будет разбита на фрагменты с хронологической атрибуцией каждого участка. Пока не содержит никаких базовых атрибутов.

3. Основные реки (линейный слой, средний масштаб). В качестве атрибута содержит название. Из-за сложной топонимики пока названы только самые крупные реки.

ГИС позволяет подключать к векторным слоям различные табличные данные. Связь между объектом на карте и объектом в таблице осуществляется посредством общего ID. Подключенные таблицы расширяют атрибуты объектов слоя.

¹ Российский атлас из сорока четырех карт состоящий и на сорок на два наместничества империю разделяющий. СПб. 1792 г.

² Топографическая карта Козловского уезда 1787 года // URL: http://www.etomesto.ru/download.php?map=tambov_kozlovskiy-uezd-1787 (дата обращения 20.11.2021)

³ Специальная карта Европейской России, созданная под руководством Ивана Афанасьевича Стрельбицкого. СПб. 1871 г.

На данный момент формализована связана с векторными слоями ГИС следующая табличная информация:

1. Социальная структура 7 городов/крепостей по состоянию на 1625 г.
2. Социальная структура 42 городов/крепостей по состоянию на 1678 г.
3. Состояние среднекалиберной артиллерии в 17 городах/крепостей в 1678 г.
4. Населенные пункты части Тамбовского и Козловского уезда XVII в. (58 объектов).

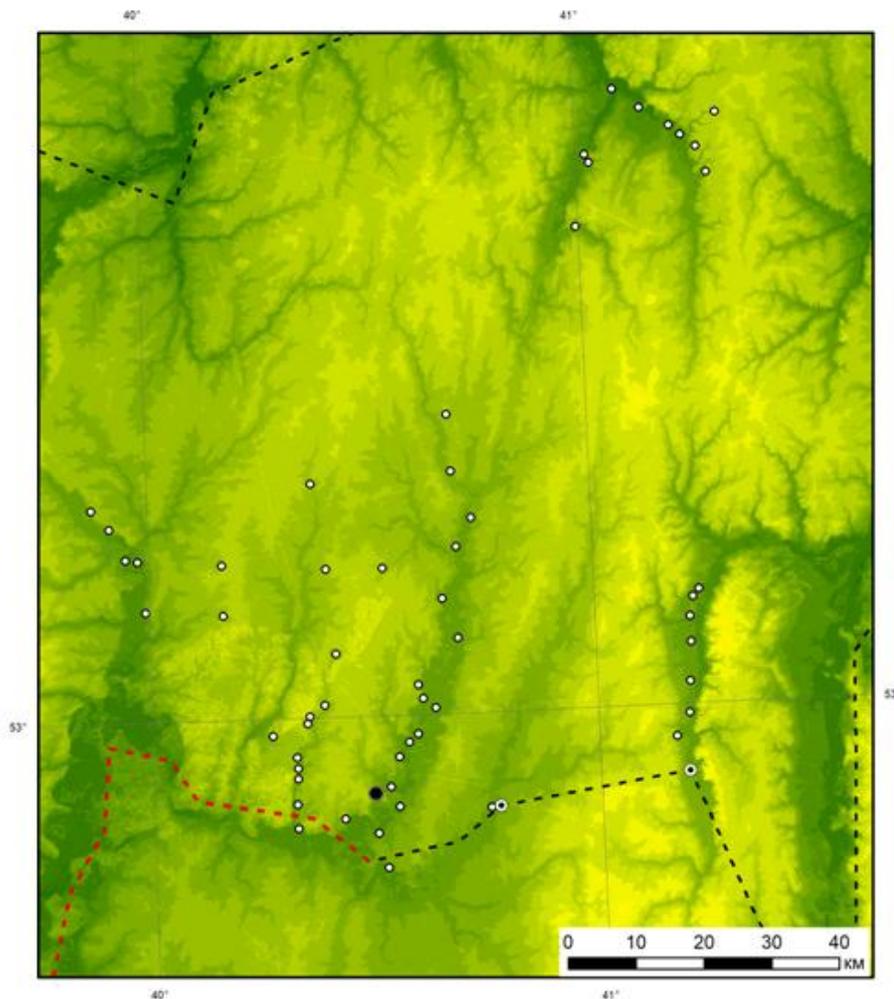
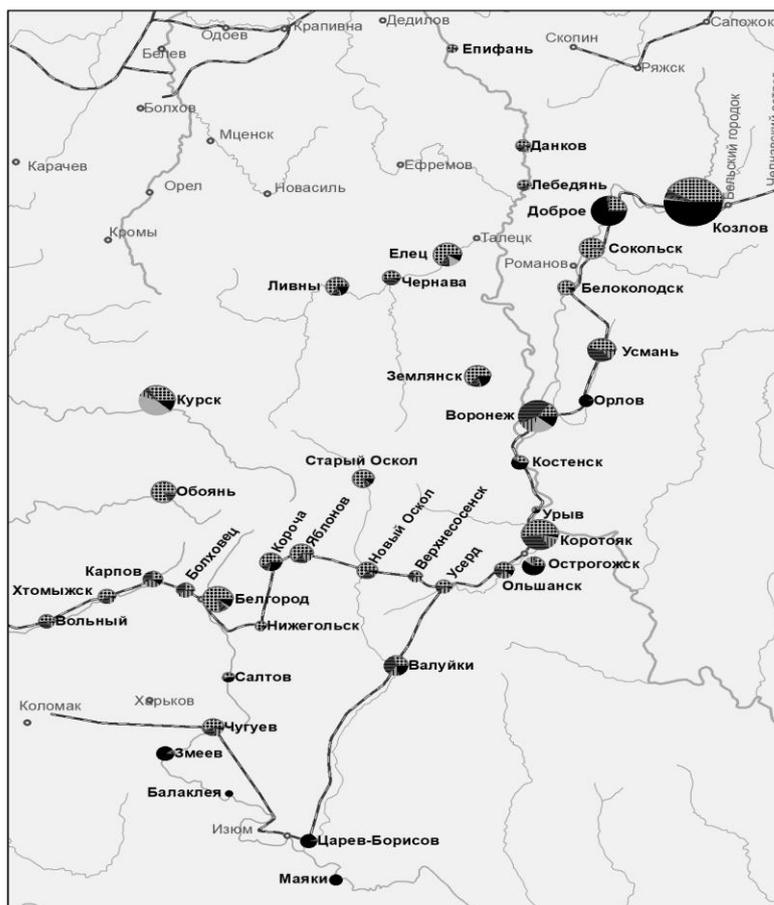

Рис. 1. Карта расположения локализованных населенных пунктов части Тамбовского и Козловского уезда (точечные объекты). Штриховой линией задана конфигурация оборонительных линий на конец XVIII в. Данные совмещены со среднемасштабной ЦМР (SRTM).

Собранная информация уже имеет большой аналитический потенциал. В качестве наиболее простого и доступного результата компоновки данных можно предложить следующий ряд карт.

Картограммы социальной структуры городов в 1625 и 1678. Наиболее распространенный способ отображения подобной информации. В качестве иконки города выступает круговая диаграмма, на которой цветом отмечены доли различных категорий населения. Диаметр диаграммы отражает абсолютную численность населения (Рис. 2).

Социальная структура городов и крепостей южных укреплений в 1678 г.

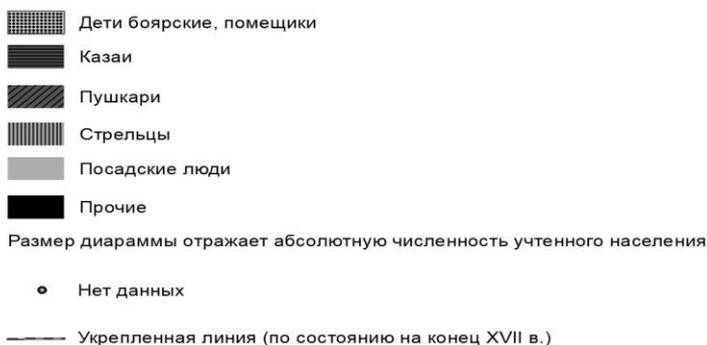
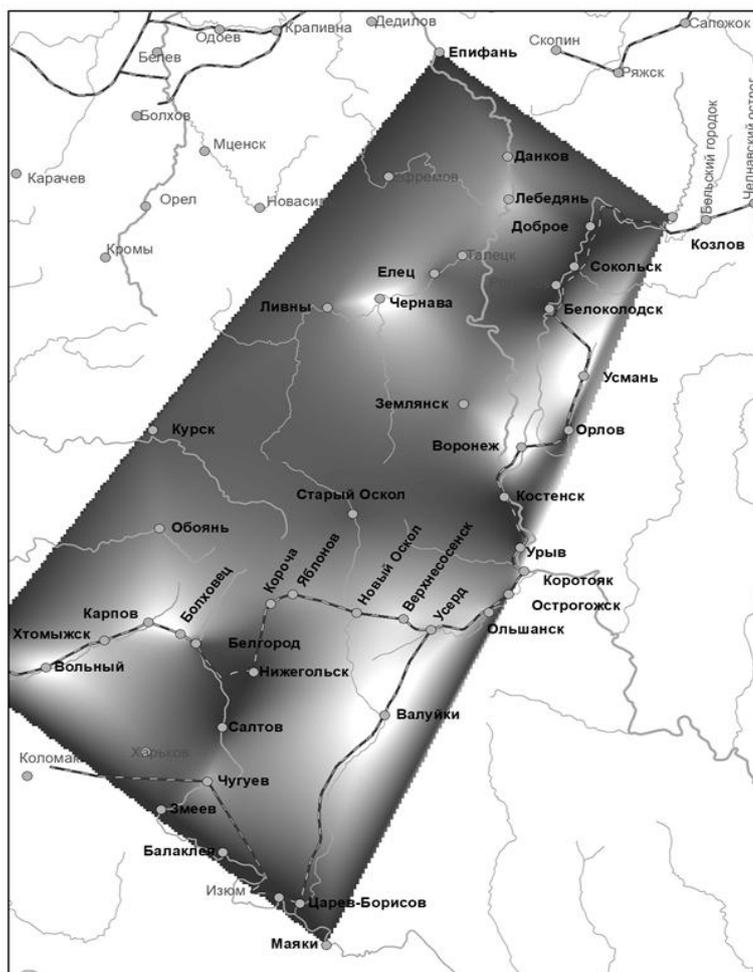
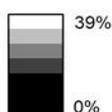

Рис. 2. Картограмма социальной структуры городов юга России в 1678 г.

«Тепловые карты» распределения доли различных категорий населения. Для примера подготовлены карты, отразившие долю казаков и долю посадского населения в 1678 г. Соседние города с примерно одинаковыми долями создают засветы и пятна. Так, в случае карты доли казачьего населения, на отрезке Вольный – Усерд можно заметить два кластера, разбитых «безказачьей» зоной Белгород - Яблонов. Также от Воронежа на север идет ряд казачьих городов, которые резко обрывается на Белоколодске, а дальнейшую часть линии обслуживают уже другие категории населения (Рис. 3).

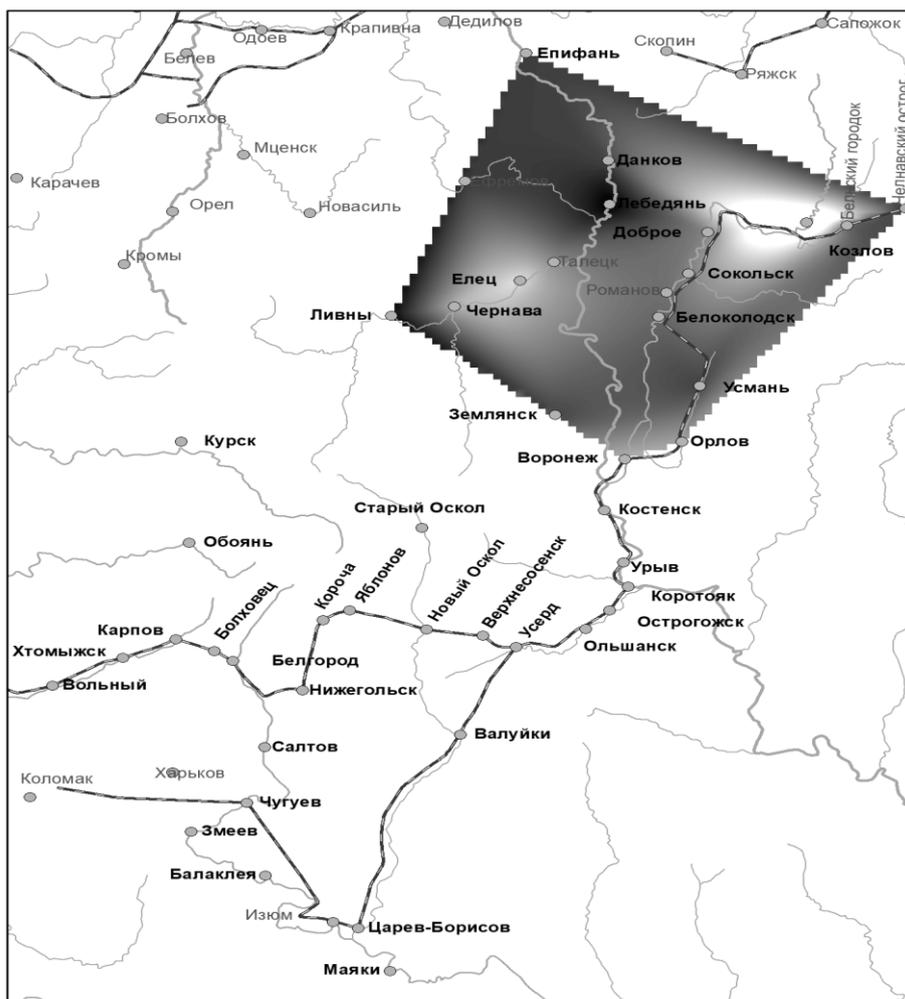
Тепловая карта доли казачьего населения
в городах и крепостях южных укреплений в 1678 г.

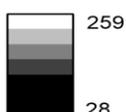
— Укрепленная линия (по состоянию на конец XVII в.)

Рис. 3. «Тепловая карта» доли казачьего населения в городах юга России в 1678 г.

«Тепловая карта» соотношения среднекалиберных ядер и пушек в 1678 (Рис. 4). Можно предположить, что к концу XVII в. на южных рубежах должна была устояться некая норма количества ядер на одну пушку, необходимая для успешного отражения атак. Если по имеющимся данным в какой-то крепости на одну пушку приходилось меньше ядер, чем в других, то можно предположить, что у стен этой крепости недавно происходил бой и запасы еще не успели пополнить. Так, на карте видно, что крепости и остроги, расположенные непосредственно на черте, имели меньшее количество ядер на одну пушку, чем крупные «тыловые» города. Это примечательно, если обратить внимание на то, что последнее сообщение о военных действиях в зоне Белгородской черты датировано 1644 г., в то время как наши данные относятся к 1678 г. Поэтому полученный нами результат требует объяснения конкретными специалистами по истории крепостей Черты.

Тепловая карта соотношения среднекалиберных ядер и пушек в городах и крепостях южных укреплений в 1678 г.

— Укрепленная линия (по состоянию на конец XVII в.)

Рис. 4. «Тепловая карта» соотношения среднекалиберных ядер к среднекалиберным пушкам в некоторых городах юга России в 1678 г.

Этот последний сюжет для работ по созданию исторических ГИС интересен тем, что показывает возникновение неожиданных конкретно исторических вопросов, которые «не бросались в глаза» при обычном описательном подходе. Так что информационные технологии для исторических исследований ценны не только тем, что показывают новые способы представления исторических знаний, но и способствуют приращению и углублению этих знаний.

Список источников и литературы

1. Голубинский, А. А., Пахунов, С. Н., Хитров, Д. А., Черненко, Д. А. (2012) *Историк, ГИС и русские карты XVIII века // Преподавание истории в школе. № 8. С. 73-77.*

2. Голубинский, А. А., Хитров, Д. А., Черненко, Д. А. (2011) *Итоговые материалы Генерального межевания: о возможностях обобщения и анализа* // Вестник МГУ. Серия История. № 3. С. 35-51.
3. Козлов, Д. Н., Глухов, А. В., Голубинский, А. А., Хитров, Д. А. (2013) *Роль природно-позиционных условий в дифференциации землепользования Европейской России конца XVIII в. – методика цифрового анализа материалов Генерального межевания* // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Вып. 3: Третьи чтения памяти академика Л.В. Милова. Материалы к международной научной конференции. Москва, 21-23 ноября 2013 г. Вып. № 3. С. 26-33.
4. Отчет о проведении научно-исследовательских археологических работ по определению границ города-крепости Добрый, города-крепости Козлов, раскопок ВОАН «Урляпов вал Козловского участка Белгородской черты». Елец, 2021. 2 тома. 240 с.
5. Отчет о проведении научно-исследовательских археологических работ по определению границ территории городов-крепостей Белгородской черты Сокольск, Романов-в-Степи, Белоколодск, Усмань. Липецк, 2021. 101 с.
6. Отчет о проведении научно-исследовательских археологических работ по определению границ объектов археологического наследия, связанных с Белгородской чертой на территории Воронежской области в 2021 году. Аргамач-Пальна, 2021.
7. Папков, А. И., Петрухинцев, Н. Н., Хитров, Д. А. (2020) *Белгородская черта: история, фортификация, люди*. Рыбинск: Медиапрост. 264 с.
8. Российский атлас из сорока четырех карт состоящий и на сорок на два наместничества империю разделяющий. СПб. 1792.
9. Специальная карта Европейской России, созданная под руководством Ивана Афанасьевича Стрельбицкого. СПб. 1871.
10. Топографическая карта Козловского уезда 1787 года // URL: http://www.etomesto.ru/download.php?map=tambov_kozlovskiy-uezd-1787 (дата обращения 20.11.2021)
11. Хитров, Д. А. (2013) *Электронные карты административно-территориального деления России накануне и после губернской реформы 1775 г.: о методике составления* // Русь, Россия. Средневековье и Новое время. Вып. 3. Москва. С. 399 – 403.

References

1. Golubinsky, A. A., Pakhunov, S. N., Khitrov, D. A., Chernenko, D. A. (2012). *Istoriik, GIS i russkie karty XVIII veka* [Historian, GIS and Russian maps of the XVIII century] in Teaching history at school, 8, 73-77. (in Russian).
2. Golubinsky, A. A., Khitrov, D. A., Chernenko, D. A. (2011). *Itogovye materialy General'nogo mezhevaniya: o vozmozhnostyah obobshcheniya i analiza* [Final materials of the General Survey: on the possibilities of generalization and analysis] in Bulletin of Moscow State University. History Series, 3, 35-51. (in Russian).
3. Kozlov, D. N., Glukhov, A. V., Golubinsky, A. A., Khitrov, D. A. (2013). *Rol' prirodno-pozitsionnykh uslovij v differenciacii zemlepol'zovaniya Evropejskoj Rossii konca XVIII v. – metodika cifrovogo analiza materialov General'nogo mezhevaniya* [The role of natural-positional conditions in the differentiation of land use in European Russia at the end of the XVIII century.] in Rus, Russia: The Middle Ages and Modern Times. Issue 3: Third readings in memory of Academician L.V. Milov. Materials for the international scientific conference. Moscow, November 21-23, 3, 26-33. (in Russian).
4. Otchet o provedenii nauchno-issledovatel'skih arheologicheskikh rabot po opredeleniyu granic goroda-kreposti Dobryj, goroda-kreposti Kozlov, raskopok VOAN «Urlyapov val Kozlovskogo uchastka Belgorodskoj cherty» [Report on the conduct of scientific and research archaeological work to determine the boundaries of the fortress city of Dobro, the fortress city of

Kozlov, excavations of the "Urlyapov val Kozlovsky section of the Belgorod line"]. Yelets, 2 volumes, 240. (in Russian).

5. Otchet o provedenii nauchno-issledovatel'skih arheologicheskikh rabot po opredeleniyu granic territorii gorodov-krepostej Belgorodskoj cherty Sokol'sk, Romanov-v-Stepi, Belokolodsk, Usman' [Report on the conduct of research archaeological work to determine the boundaries of the territory of the fortress cities of the Belgorod line Sokolsk, Romanov-in-the-Steppe, Belokolodsk, Usman]. Lipetsk, 2021, 101. (in Russian).

6. Otchet o provedenii nauchno-issledovatel'skih arheologicheskikh rabot po opredeleniyu granic ob"ektov arheologicheskogo naslediya, svyazannyh s Belgorodskoj chertoj na territorii Voronezhskoj oblasti v 2021 godu [Report on the conduct of research archaeological work to determine the boundaries of archaeological heritage sites associated with the Belgorod Region on the territory of the Voronezh Region in 2021]. Argamach-Palna, 2021. (in Russian).

7. Papkov, A. I., Petrukhintsev, N. N., Khitrov, D. A. (2020). *Belgorodskaya cherta: istoriya, fortifikaciya, lyudi* [Belgorod trait: history, fortification, people]. Rybinsk, Mediarost. 264. (in Russian).

8. Rossijskij atlas iz soroka chetyrekh kart sostoyashchij i na sorok na dva namest-nichestva imperiyu razdelyayushchij [Russian atlas consisting of forty-four maps and dividing the empire by forty-two provinces]. St. Petersburg, 1792. (in Russian).

9. Special'naya karta Evropejskoj Rossii, sozdannaya pod rukovodstvom Ivana Afanas'evicha Strel'bickogo [Special map of European Russia, created under the leadership of Ivan Afanasevich Strelbitsky]. St. Petersburg, 1871. (in Russian).

10. Topograficheskaya karta Kozlovskogo uezda 1787 g. [Topographic map of Kozlovsky district in 1787]. URL: http://www.etomesto.ru/download.php?map=tambov_kozlovskiy-uezd-1787 (date accessed: 20.11.2021) (in Russian).

11. Khitrov, D.A. (2013) *Elektronnye karty administrativno-territorial'nogo deleniya Rossii nakanune i posle gubernskoj reformy 1775 g.: o metodike sostavleniya* [Electronic maps of the administrative-territorial division of Russia on the eve and after the provincial reforms of 1775: on the methodology of composition] in *Rus, Russia. The Middle Ages and Modern Times*. Issue 3. Moscow, 399-403. (in Russian).

Клевцова О. В.
(Елец)

РАЗВИТИЕ КУРСА «ПРАВОСЛАВНОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ» В РЕГИОНАХ

В последнее время в России большое внимание уделяется исторической науке и непосредственно развитию краеведения в регионах. В 2019 г. президент В. В. Путин обратился к Федеральному Собранию с предложением расширить поддержку местных культурных инициатив краеведческой направленности. На Первом Всероссийском школьном историческом форуме, который состоялся в Москве в Музее Победы 9 мая 2022 г. президент подчеркнул необходимость формирования глубоких знаний своей истории, уважительного и бережного отношения к культурному, духовному и патриотическому наследию России.

В условиях становления и развития современного информационного общества большую роль в формировании гражданской идентичности играет изучение духовной истории региона. Особенно перспективным в этой связи представляется сотрудничество научного сообщества и местных религиозных институтов. Это направление в ряде регионов активно поддерживается местной властью, особенно это касается регионов с преобладанием православного населения. Здесь традиции создания местной церковной истории уходят корнями в краеведческие работы XIX в., сегодня почти забытые. На федеральном уровне совместными усилиями церкви, научного и педагогического сообщества ведется разработка проекта Национальной доктрины образования Российской Федерации (2022). Этот документ должен представить модель перехода к национально ориентированному образованию в Российской Федерации. В проекте Национальной доктрины определяется цивилизационная миссия русского народа, которая базируется на основе русской духовной доминанты объединять народы России в единую цивилизацию. Проект Национальной доктрины выдвигает в качестве одного из образовательных результатов – формирование духовно-нравственного человека, обладающего знаниями культурно-исторических многонациональных традиций народов России.

В современных условиях развития исторической науки в регионах с преобладающим православным населением наиболее перспективным представляется развитие дисциплины «Православное краеведение» в учебных заведениях всех уровней. Именно в таком контексте научно-педагогическое сообщество совместно с представителями РПЦ могут возродить забытые знания о духовной истории края.

Православное краеведение как общецерковное движение начало развиваться с 1998 г., в рамках VI Международных Рождественских образовательных чтений в Москве. Именно здесь была сформирована православная краеведческая секция.

В докладе епископа Вениамина на конференции «Православное краеведение и просвещение» в 1998 г. была определена роль православного краеведения: «одно из главных, приоритетных направлений в развитии образовательной и духовно-просветительской деятельности, играющее важную роль в деле воцерковления детей и взрослых»¹.

Православное краеведение тесно связано с духовно-нравственным становлением и развитием личности, особенно современного молодого человека. Без знаний основ духовной истории своей малой Родины невозможно целостно освоить русскую и мировую культуру, осознать преемственность исторического развития.

Православное краеведение - одно из важнейших средств связи обучения с жизнью, знакомство с православными и культурными традициями. Православное краеведение наиболее полно позволяет реализовать ведущие направления современного отечественного об-

¹ Доклад епископа Вениамина на конференции «Православное краеведение и просвещение». URL: <https://rybeparhia.ru/news/news-4687.html>

разования. Данное направление является актуальным, так как направлено на возрождение исторического сознания и носит патриотический и нравственный аспект воспитания подрастающего поколения.

Главная цель православного краеведения – это духовно-нравственное воспитание личности, знающей и уважающей историю своей страны и своей малой родины. Православная культура играет важную роль в осмыслении норм нравственности и правил воспитания.

Существует принципиальное отличие православного краеведения от светского краеведения. Эти отличия связаны, прежде всего, с восприятием православных святых. Для светского ученого они будут выступать в качестве памятников истории и культуры, как объект архитектурного наследия. Для исследователя в рамках православной культуры акцент будет делаться на осознание исследуемого объекта как святыни. Икона будет восприниматься в первую очередь не как материальный объект, а как «окно в духовный мир». Православный исследователь при изучении жизнеописания делает упор на изучение духовного подвига.

Проблема преподавания православного краеведения в высшей школе является особенно актуальной. В годы советской власти из-за антирелигиозной политики в процессе преподавания исторической дисциплины не затрагивали вопрос того, что развитие как государства, так и отдельных регионов, проходило в тесной взаимосвязи с христианством. В этот период отрицалось влияние духовной истории на развитие русской и мировой культуры. На современном этапе наблюдается тенденция транслирования знаний по православному краеведению в общеобразовательной школе в рамках изучения ОПК или в ходе проведения внеурочной и исследовательской деятельности. В системе подготовки выпускников высшей школы данная дисциплина отсутствует.

Перед православным краеведением стоит важная задача: гармонично совместить лекционный материал с непосредственным знакомством со святыми местами. Сегодня активно развивается такое туристическое направление, как паломнические поездки по святым местам, разрабатываются внутренние маршруты по знакомству с историей храмов, святых, которые прославили свою малую родину.

Обращение местного научного сообщества, вузов, как центров науки и культуры регионов, к православному краеведению способствует решению задач духовно – нравственного образования подрастающего поколения, помогает расширить знания по истории как отдельного региона, так и истории всей страны. Наиболее востребованной методикой внедрения данного курса может стать внеаудиторная, научно-исследовательская работа, а также активное сотрудничество с паломническими отделами епархий.

Ряполов В. В.
(Елец)

**«ПРИОТКРЫВАЯ ЗАВЕСУ ТАЙН...»: РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ
«МЕХМЕТ ПЕРИНЧЕК. ТАЙНЫЕ СТРАНИЦЫ РОССИЙСКО-ТУРЕЦКОЙ
ДИПЛОМАТИИ ПО АРХИВНЫМ МАТЕРИАЛАМ: ОТ СУЛЕЙМАНА
ВЕЛИКОЛЕПНОГО ДО НАЗЫМА ХИКМЕТА.
МОСКВА: ИПЦ «МАСКА», 2019. – 452 с.»**

Изучение архивных материалов всегда было и остается особо значимым и ценным в исторической науке делом. Кропотливый труд учёного в архиве позволяет обратиться к первоисточникам, провести критическое исследование имеющихся материалов, творчески их осмыслить и, кроме того, приучает к осознанию долга историка и профессиональной ответственности. Как известно, познание безгранично, а исторический источник неисчерпаем. Поэтому профессиональные историки никогда не пренебрегали серьезной работой в архиве.

В этой связи вызывает большой интерес монография Мехмета Перинчека, которая представляет собой уникальный опыт самостоятельного исследования малоизученных страниц из истории российско-турецкой дипломатии на основе архивных материалов. Актуальность исследования вполне очевидна: она определяется не только своеобразием геополитического положения Российской Федерации в условиях западных санкций, а также спецификой современных отношений России со странами Ближнего Востока, но и тем, что необходимость противодействия попыткам фальсификации истории является важнейшей составляющей процесса сохранения исторической памяти. Вместе с тем, решение данной задачи предполагает комплексное изучение и междисциплинарный подход, что и проявляется достаточно ярко на страницах рецензируемой работы.

В настоящее время в различных средствах массовой информации много говорится о новом этапе в формировании российско-турецких отношений и подчеркивается важность экономического, политического и военного сотрудничества двух стран. Исследование М. Перинчека обосновывает необходимость такого взаимодействия в самых различных сферах и призывает обе державы к миротворчеству.

Авторские выводы основаны на изучении очень широкого круга источников и различной литературы, что позволило приоткрыть завесу над многими тайными аспектами российско-турецкой дипломатии на протяжении длительного периода – от первой половины XVI в. до 1960-х годов. Для этого были привлечены как русскоязычные, англоязычные, так и турецкоязычные исследования разных лет, сборники документов, мемуары и воспоминания, что свидетельствует о масштабах проделанной автором серьезной научной работы и вызывает несомненный интерес. Бесспорно, заслуживают одобрения попытка самостоятельного анализа столь обширного материала и стремление автора уйти от догматических схем и подходов, преобладавших ранее в историографии, посвященной данной теме. Несмотря на наличие большого количества опубликованных отечественными и зарубежными исследователями работ по данной теме, автору удалось найти уникальный подход к ее анализу, что выгодно выделяет данную монографию из массы ранее опубликованных трудов.

Структура монографии представляется логичной и последовательной, отражает избранную автором проблематику работы, ее научную значимость и основные выводы. Исследование состоит из тематических разделов, построенных по проблемно-хронологическому принципу. Обращает на себя внимание умелое сочетание автором научного подхода и формы увлекательного исторического повествования, что будет, несомненно, способствовать повышению читательского интереса. Голос документов и архивных материалов на страницах книги удачно дополняется живыми историями свидетелей эпох. А наличие значительного количества иллюстраций, снабжающих текст исследования, делает его более целостным и визуализированным.

Основные результаты и выводы исследования изложены достаточно четко, аргументировано и смело. Автором установлено, что важнейшим вектором внешней политики турецкого государства на протяжении предыдущих столетий являлось противостояние с Россией, обладавшей всегда огромной территорией и значительными ресурсами. От этого во многом зависели стратегия и арсенал средств, применяемых руководством вышеуказанных держав на мировой арене. Однако лишь в мирные периоды межгосударственных отношений обе страны могли извлечь максимум пользы для себя и своего региона в целом. Как отмечает Мехмет Перинчек в своей работе, геополитические интересы и России, и Турции в настоящее время во многом совпадают, и поэтому существует естественная необходимость в сближении, как это было в 20-е годы прошлого столетия. Следует заметить, что в процессе исследования автор методично обосновывает эту мысль, подкрепляя ее соответствующими архивными материалами, многие из которых ранее были недоступны широкой общественности.

Вместе с тем, следует заметить, что данная работа не лишена отдельных стилистических погрешностей, которые вытекают во многом из эмоционально-экспрессивных оценок и суждений автора. Однако их наличие несколько не умаляет очевидных достоинств монографии, особенно с учетом выбранной автором проблематики и набирающего в последние годы особую популярность жанра научной публицистики, адресованного широкой аудитории. Возможно, следовало бы расширить источниковую базу за счет привлечения материалов из турецких архивов, чтобы завеса обнаруженных автором тайн стала менее плотной.

Тем не менее, монография Мехмета Перинчека, несмотря на определенные замечания, имеющие рекомендательный характер, будет, конечно, востребована и интересна научному сообществу. Она является заметным вкладом в развитие не только современной историографии, но и политической науки. Кроме того, книга турецкого ученого написана с большой симпатией и уважением к России, что представляется очень важным в современной геополитической ситуации, отличающейся своей турбулентностью и непредсказуемостью.

Сумин А. В.
(Санкт-Петербург)

УДК: 94 (47).03 + 340.15

КОНФЕРЕНЦИИ «ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ В ИСТОРИИ РОССИИ» В РАМКАХ ПЕТЕРБУРГСКИХ ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ КОНФЕРЕНЦИЙ

В 2020 г. в Санкт-Петербурге (г. Пушкин) Федеральной службой исполнения наказаний был создан первый в истории ведомства университет. Учебное заведение было образовано на базе Института повышения квалификации. На его территории располагается комплекс исторических зданий Царскосельской уездной тюрьмы начала XX в. Концепция развития университета предполагает постепенное создание учебно-научного комплекса для подготовки специалистов по большинству специальностей, требующихся в уголовно-исполнительной системе.

В мае 2021 г. Санкт-Петербургский университет Федеральной службы исполнения наказаний принял в своих стенах гостей комплекса научных мероприятий «Петербургские пенитенциарные конференции». Заседание открыл директор службы, пожелавший, чтобы оно стало диалоговой площадкой для обсуждения актуальных проблем истории уголовно-исполнительной системы России и борьбы с преступностью. Петербургские пенитенциарные конференции стали ежегодными, в мае 2023 г. состоится третье мероприятие.

В рамках «Петербургских пенитенциарных конференций» ежегодной стала и конференция «Преступление и наказание в истории России», призванная объединить на одной площадке историков, историков права, археологов, специалистов различных отраслей знаний не равнодушных к пенитенциарной истории и истории преступности. В 2021 г. конференция проходила в Университете ФСИН России, в 2022 г. в Санкт-Петербургском филиале НИУ «Высшая школа экономики».

Первая конференция 2021 г. с международным участием «Преступление и наказание в истории России» была приурочена к 550-летию первого упоминания тюрьмы в русских летописях – годовщине событий 24 июля 1471 г., при описании которых впервые упоминается слово «тюрьма» применительно к территории Московского государства.

На конференции обсуждаются такие вопросы как деятельность центральных, региональных и местных органов власти в борьбе с преступлениями и правонарушениями, участие населения в борьбе с преступлениями и правонарушениями, характеристика отдельных видов преступлений и правонарушений в определенную историческую эпоху, структура преступности в России IX-XVII и XVIII-XX вв., развитие конвоирования (перемещения) лиц, лишенных свободы (колодников), формы лишения свободы в Древней Руси и Московском государстве (тюремное заключение, отдача «за приставы», «за сторожи» и «за караул», лишение свободы в органах власти и управления (приказах, съезжих и приказных избах и т.п.), аманатство и др), развитие технических средств лишения свободы (колодки, цепи, кандалы, железа и т.п.), историко-криминологическая характеристика преступности (оценка численности лиц, совершивших преступления и правонарушения, а также заключенных различных видов, оценка структуры совокупности противоправных деяний на определенной территории за определенный временной период, основанные на книгах приказов, книгах явочных челобитных, сметных книгах, росписных списках и других документах), выделение уголовного права в отдельную отрасль и возникновение понятия «преступление», народные юридические обычаи уголовно-правового характера.

17 мая 2021 г. работу конференции открыл председатель организационного комитета, директор Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук, член корреспондент Российской академии наук, доктор исторических наук, профессор Алексей Владимирович Сиренов. Он подчеркнул актуальность тематики для исследований по отечественной истории, а также формирования ведомственного патриотизма. С особой теплотой

следует отметить участие в конференции Михаила Борисовича Свердлова (СПб ИИ РАН) с докладом о преступлении и наказании на Руси X – первой трети XII в.

В течение двух дней на конференции выступили с докладами и участвовали в дискуссиях ученые из Института российской истории Российской академии наук, Санкт-петербургского института истории Российской академии наук, Института всеобщей истории Российской академии наук, Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук, Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Арктического (г. Архангельск) и Уральского (г. Екатеринбург), федеральных университетов, Южно-уральского университета (г. Челябинск), Воронежского государственного университета, Российского государственного архива древних актов, Музея Москвы.

Большой отклик вызвали доклады о противоправных деяниях в сфере дипломатического приема в России XVI в. (Моисеева М. В.), делах о слове и деле государевых в Сибири конца XVI в. (Беляков А. В.), деятельности воронежских губных старост по противодействию уголовной преступности в XVII в. (Глазьев В. Н.), ”преступных деяниях” в структуре дел Посольского приказа в 1695-1697 гг. (Гуськов А. Г.), тюрьмах разбойного приказа в Москве во второй половине XVII – начале XVIII в. (Воробьев А. В.), практике борьбы с хищениями государственной собственности при Петре I (Редин Д. А.), кражах как виде преступлений и борьбе с ними местных органов власти и населения в провинциальных городах России XVIII в. (Кошелева О. Е.), деятельности следственной комиссии по Почепскому делу князя А. Д. Меншикова (Накишова М. Т.), конному воровству на Урале в 1730-е гг. (Бородин Е. В.), механизмах и практиках передачи уголовных дел из низовой судебной системы в коронные суды на материалах судебных случаев, рассмотренных в нижних расправах Пермского наместничества в 1780-1790-х гг. (Алисе Плате), локации тюрем и острогов во второй половине XVIII в. по документам Генерального межевания (Голубинский А. А.), борьбе России против жестоких наказаний в Бухаре эпохи протектората (Почекаев Р. Ю.), следствие и суд в Российской империи первой половины XIX в. (по материалам дела об убийстве помещика П. Суровцева (Плех О.А.), аферах при постройке тюрем в Оренбургской губернии в 1824-1826 гг. (Самигулов Г. Х.), системе преступлений и наказаний в практике торгового сотрудничества Российской империи и империи Цин (Тутаев И. В.), организации арестантских работ в Санкт-Петербургской срочной тюрьме (Лебедев В. Б.), вкладу рабоче-крестьянской инспекции в разработку постановления 1928 г. “О карательной политике и состоянии мест заключения” (Полянский П. Л.).

В рамках конференции состоялась дискуссия по теме «Преступление и наказание в деятельности российских монастырей» (Башнин Н. В., Шаляпин С. О., Павлушков А. Р.)

Мероприятие вызвало живой отклик и у ученых различных правоохранительных органов – Академии ФСИН России (г. Рязань), Владимирского юридического института, Вологодского института права и экономики, НИИ информационных технологий ФСИН России; Санкт-Петербургской академии следственного комитета России; Академии управления и Санкт-Петербургского университета МВД России.

Участники конференции в резолютивной части предложили ввести в Федеральной службе исполнения наказаний новую памятную дату 24 июля - «День первого упоминания тюрьмы», а также провести в университете конференцию, посвященную историческим истокам объединенных учреждений нового типа уголовно-исполнительной системы. Публикации участников конференции по истории учреждений уголовно-исполнительной системы к размещены на историческом портале ФСИН России.

Приглашаем всех заинтересованных к участию в конференции. Ждем Вас в мае 2023 г. в Царском селе. Следите за анонсами на сайте Санкт-Петербургского университета ФСИН России.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Бадугинова Маргарита Владимировна - кандидат исторических наук, научный сотрудник Калмыцкого научного центра Российской академии наук, Элиста, Россия, baduginovamv@kigiran.com

Варутмян Арушан Арушанович - кандидат исторических наук, доктор политических наук, профессор Северо-Кавказского федерального университета, Ставрополь, Россия, pragpu@mail.ru

Волкова Ирина Владимировна - старший лаборант Амурского Гуманитарно-Педагогического Государственного университета, Комсомольск-на-Амуре, Россия, mlee1992@mail.ru

Голубков Руслан Олегович - член Курского исторического родословного общества, Курск, Россия, mail@anku.ru

Долгих Аркадий Наумович – доктор исторических наук, профессор Липецкого педагогического университета им. П. П. Семенова-Тян-Шанского, Липецк, Россия, adonli@mail.ru

Иванов Валерий Владимирович – кандидат исторических наук, доцент Амурского Гуманитарно-Педагогического Государственного университета, Комсомольск-на-Амуре, Россия, sir.vv-ivanov@yandex.ru

Канищев Валерий Владимирович – доктор исторических наук, профессор Тамбовского государственного университета им. Г. Р. Державина, Тамбов, Россия, valcan@mail.ru

Клевцова Оксана Владимировна – кандидат исторических наук, доцент Елецкого государственного университета им. И. А. Бунина, Елец, Россия, ksenijmel@yandex.ru

Колесникова Марина Евгеньевна – доктор исторических наук профессор Северо-Кавказского федерального университета, Ставрополь, Россия, mkolesnikova@ncfu.ru

Кудланов Константин Борисович - кандидат исторических наук, председатель молодежной секции Курского отделения РОИА, Курск, Россия, kudlanov777@mail.ru

Кунавин Константин Сергеевич - кандидат исторических наук, старший преподаватель Тамбовского государственного университета им. Г. Р. Державина, Тамбов, Россия, kunavinks@gmail.com

Ляпин Денис Александрович – доктор исторических наук, доцент Елецкого государственного университета им. И. А. Бунина, Елец, Россия, lyapin-denis@yandex.ru

Мельникова Алена Романовна - научный сотрудник Елецкого государственного университета им. И. А. Бунина, Елец, Россия, alna.melnikova.2000@list.ru

Мухина Марина Владимировна – аспирант Калужского государственного университета им. К. Э. Циолковского, Калуга, Россия, marina.platonova.93@mail.ru

Политова Александра Витальевна – кандидат исторических наук, старший преподаватель Пятигорского филиала Северо-Кавказского федерального университета, Пятигорск, Россия, aropolitova@ncfu.ru

Попов Павел Владимирович – аспирант Воронежского государственного университета, сотрудник Елецкого государственного университета им. И. А. Бунина, преподаватель Колледжа Воронежского института высоких технологий, Воронеж, Россия, popov.pavel.94@mail.ru

Прокофьев Александр Игоревич - аспирант Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук РАН, Екатеринбург, Россия, al_prokofjew@mail.ru

Прошунина Екатерина Валерьевна – научный сотрудник Елецкого государственного университета им. И. А. Бунина, Елец, Россия, katuaproshunina.00@mail.ru

Рахманов Павел Сергеевич – преподаватель Тамбовского государственного университета им. Г. Р. Державина, Тамбов, Россия, kalter169@mail.ru

Ряполов Владимир Васильевич – кандидат исторических наук, доцент Елецкого государственного университета им. И. А. Бунина, Елец, Россия, ryapol_77.ist@mail.ru

Сафонов Дмитрий Анатольевич - доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Тамбовского государственного технического университета, Тамбов, Россия, d_safonov@mail.ru

Стрекалова Наталья Валерьевна - кандидат исторических наук, доцент Тамбовского государственного университета им. Г. Р. Державина, Тамбов, Россия, strekalovanv@mail.ru

Сумин Анатолий Викторович - кандидат юридических наук, доцент Санкт-Петербургского университета Федеральной службы исполнения наказаний, Санкт-Петербург, rexsumus@mail.ru

Танцеева Анастасия Владимировна – кандидат исторических наук, доцент Российского университета транспорта, Москва, Россия, tu@miit.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Margarita V. Baduginova - Candidate of Historical Sciences, Research Fellow of the Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Elista, Russia, baduginovamv@kigiran.com

Arushan A. Varutmyan - Candidate of Historical Sciences, Doctor of Political Sciences, Professor of the North Caucasian Federal University, Stavropol, Russia, pragpu@mail.ru

Irina V. Volkova - Senior Laboratory Assistant, Amur State University for Humanities and Education, Komsomolsk-on-Amur, Russia, mlee1992@mail.ru

Ruslan Olegovich Golubkov - Member of the Kursk Historical Genealogy Society, Kursk, Russia, mail@anku.ru

Arkady N. Dolgikh - Doctor of Historical Sciences, Professor of the Semenov-Tyan-Shansky Lipetsk Pedagogical University, Lipetsk, Russia, adonli@mail.ru

Valeriy V. Ivanov – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Amur Humanitarian and Pedagogical State University, Komsomolsk-on-Amur, Russia, sir.vv-ivanov@yandex.ru

Valeriy V. Kanishchev – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russia, valcan@mail.ru

Oksana V. Klevtsova – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Bunin Yelets State University, Yelets, Russia, ksenijmel@yandex.ru

Marina E. Kolesnikova – Doctor of Historical Sciences, Professor, North Caucasian Federal University, Stavropol, Russia, mkolesnikova@ncfu.ru

Konstantin B. Kudlanov - Candidate of Historical Sciences, Chairman of the Youth Section of the Kursk branch of the ROIA, Kursk, Russia, kudlanov777@mail.ru

Konstantin S. Kunavin - Candidate of Historical Sciences, Senior Lecturer, Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russia, kunavinks@gmail.com

Denis A. Lyapin – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor of BuninYelets State University, Yelets, Russia, lyapin-denis@yandex.ru

Melnikova Alena Romanovna - researcher at Yelets Bunin State University, Yelets, Russia,alna.melnikova.2000@list.ru

Marina V. Mukhina – post-graduate student of the Tsiolkovsky Kaluga State University, Kaluga, Russia, marina.platonova.93@mail.ru

Aleksandra V. Politova – Candidate of Historical Sciences, Senior Lecturer, Pyatigorsk branch of the North Caucasian Federal University, Pyatigorsk, Russia, apolitova@ncfu.ru

Pavel V. Popov – post-graduate student of the Voronezh State University, staff member of the Bunin Yelets State University, lecturer at the College of the Voronezh Institute of High Technologies, Voronezh, Russia, popov.pavel.94@mail.ru

Alexander I. Prokofiev - Post-graduate student of the Institute of History and Archeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia, al_prokofjew@mail.ru

Ekaterina V. Proshunina – Researcher, Bunin Yelets State University, Yelets, Russia, katya.proshunina.00@mail.ru

Pavel S. Rakhmanov – Lecturer at the Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russia, kalter169@mail.ru

Vladimir V. Ryapolov – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of BuninYelets State University, Yelets, Russia, ryapol_77.ist@mail.ru

Dmitry A. Safonov - Doctor of Historical Sciences, Professor, Leading Researcher, Tambov State Technical University, Tambov, Russia, d_safonov@mail.ru

Natalya V. Strekalova - Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russia, strekalovanv@mail.ru

Anatoly V. Sumin - Candidate of Law, Associate Professor, St. Petersburg University of the Federal Penitentiary Service, St. Petersburg, rexsumus@mail.ru

Anastasia V. Tantseva – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Russian University of Transport, Moscow, Russia, tu@miit.ru

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Объем статьи не должен быть меньше 15 страниц А4, с текстом, набранным 14 шрифтом. Библиографический список статьи должен содержать не менее 10 позиций (не считая ссылок на архивные фонды).

ТЕКСТ научной статьи следует строго оформлять согласно следующим требованиям:

Текстовый редактор – Microsoft Word.

Формат – А4.

Поля – 2 см со всех сторон.

Шрифт – Times New Roman (при необходимости – другой; если шрифт не входит в список общепринятых, его нужно прислать отдельным файлом).

Размер шрифта – 14.

Межстрочный интервал – 1,5.

Абзац (отступ) – 1,25.

Ориентация – книжная, без простановки страниц, без переносов.

Редактор формул – пакет Microsoft Office (MathType).

Графики, таблицы и рисунки – черно-белые, без цветной заливки, допускается штриховка.

УДК (см., например: <http://teacode.com/online/udc/> или <http://udkcodes.net>).

Краткая аннотация статьи на русском языке (курсивом). Объем аннотации **не менее 200 слов**. Аннотация должна содержать: актуальность работы, новизну, методы, источниковую базу, результаты (выводы).

Ключевые слова (курсивом, не менее 5-7).

Краткая аннотация статьи на английском языке (курсивом).

Ключевые слова на английском языке.

Фамилия, имя, отчество автора(ов) (жирным шрифтом, курсивом, имя и отчество сокращенно), ниже – город, который представляет автор (курсивом), – по левому краю, строчными буквами.

Название статьи – по центру, без отступа, прописными буквами.

Текст статьи – выравнивание по ширине.

ССЫЛКИ в тексте оформляются по следующему образцу: [1, с. 195], [4], [3, с. 20; 7, с. 68], [8, д. 143, л. 8]. Библиография оформляется в соответствии с образцом, который прилагается к данным требованиям.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ приводится в алфавитном порядке в виде нумерованного списка. В списке источников и литературы указывается издательство и количество страниц. После списка источников и литературы обязательно следует References.

REFERENCES

Список литературы на английском языке (References) – комбинация транслитерированной и англоязычной частей русскоязычных ссылок.

Более подробно об оформлении статей можно узнать на сайте: <http://historic-journal.ru/about/for-authors/requirement/>

Дополнительно

Уважаемые авторы! Заявки на публикацию принимаются только по указанному выше адресу электронной почты. Рецензирование научной работы осуществляется редакционной коллегией журнала, которая принимает решение о публикации статьи, внешние рецензии не учитываются. Редакция оставляет за собой право не принимать к рассмотрению статьи авторов, материалы которых неоднократно отклонялись редакционной коллегией. Публикуются только одобренные редакционной коллегией статьи.

Рассылка печатных экземпляров редакцией не осуществляется. Оформить подписку можно в любом отделении «Почты России».

Редакция отдает предпочтение статьям, связанным с историей повседневной жизни, работам, посвященным историко-антропологическим проблемам, микроистории и исторической культурологии.

Научное издание

ИСТОРИЯ: ФАКТЫ И СИМВОЛЫ

№ 4 (33) / Елец, 2022

Литературный редактор, корректор – В. В. Ряполов
Технический редактор – Н. П. Безногих
Техническое исполнение – В. М. Гришин
Дизайн обложки – П. А. Фрольцова (ИАИ РГГУ)

Знак информационной продукции 12+

Подписано в печать 12.12.2022
Дата выхода в свет 13.12.2022
Бумага 87,0 п.л. формат А-4. Гарнитура Times. Печать трафаретная
Тираж 1000 экз. Заказ № 115
Свободная цена

Адрес редакции и издателя:
399770, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, 28,1
E-mail: nauka@elsu.ru
Сайт журнала: <http://historic-journal.ru>

Подписной индекс журнала № **64989** в каталоге периодических изданий
органов научно-технической информации агентства «Роспечать»

Подписной индекс журнала № **43281** в объединенном каталоге «Пресса России»

Отпечатано с готового оригинал-макета на участке оперативной полиграфии
Елецкого государственного университета им. И. А. Бунина
399770, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, 28,1

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина»
399770, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, 28,1